

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2024. Т. 46, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2024. Т. 46, № 4

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2024. Vol. 46, No 4

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2024

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Каюмова М. Р.</i> Память о Великой Отечественной войне в экспозициях музея-заповедника «Кижы» в 1960–1980-х годах.	77
АРХЕОЛОГИЯ		РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Жульников А. М.</i> О производстве изделий из самородной меди на стоянке Оровнаволок с ромбоямочной керамикой.	8	<i>Левченко Н. Н.</i> Монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, в русской книжности XVII–XVIII веков	85
<i>Данильченко А. Ю.</i> Метод торцового расщепления нуклеусов в индустрии слоя 6 стоянки среднего палеолита Бирючья Балка 2	17	<i>Тубылевич Р. Е.</i> Символика сна Гостомысла в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана»	93
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ	
<i>Завидовская Е. А., Харитонова А. М.</i> Религиозный ландшафт провинции Юньнань (по материалам Цинского альбома из собрания Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета).	25	<i>Алексенцева Е. О.</i> Средства создания диалогичности в русской поэзии (на материале произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского)	100
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	
<i>Антощенко А. В.</i> Освещение празднования 175-летия Московского университета в эмигрантской прессе.	33	<i>Слободянюк В. В.</i> Синтаксические нарушения как проблема перевода аннотаций научных статей с турецкого языка на английский.	107
<i>Тихомиров Н. В.</i> Повседневность карелов Новгородчины в наблюдениях студента-коммуниста (по материалам дневника деревенской практики 1928 года).	43	Юбилей	
<i>Борисов М. Ю.</i> «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. . .» (М. 1677) в собрании РГБ: история издания и бытования экземпляров	49	<i>Гришина И. Е.</i> К 95-летию со дня рождения В. П. Орфинского	113
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Научная информация	
<i>Зеленская Ю. Н.</i> Онежский машиностроительный и металлургический завод на начальном этапе Великой Отечественной войны.	59	<i>Голдин В. И.</i> Арктический диалог в Москве	116
<i>Нилов В. М.</i> Развитие общественных начал в печати Карелии во второй половине 1950-х – 1960-х годах.	67	Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.05.2024. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 41 экз.). Изд. № 50

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
А. В. Антощенко

Aleksandr V. Antoshchenko,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Открывают майский номер статьи, представляющие результаты археологических исследований технологии обработки природных материалов на разных стадиях формирования и развития человеческого общества: А. Ю. Данильченко использует данные палеолитической, а А. М. Жульников – раннеэнеолитической стоянок. Четыре статьи представляют своеобразие источников, зафиксировавших разное спатильно-темпоральное восприятие, если использовать сложную методологическую терминологию, существенно отличающихся исторических явлений. Если М. Ю. Борисов освещает историю издания и бытования книги «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов...» (М., 1677), являвшейся важным документом в противостоянии официальной церкви и старообрядчества, то Е. А. Завидовская и А. М. Харитоновна характеризуют хранящийся в Научной библиотеке СПбГУ рукописный альбом о провинции Юньнань, созданный в первой половине XIX века и дающий представление об административных преобразованиях, особенностях быта и костюма, религиозных и культовых практиках разных этнических групп, населявших эту китайскую провинцию. Если Н. В. Тихомиров представляет дневник студента-коммуниста, фиксирующего обыденную жизнь карельского населения Новгородского округа Ленинградской области в конце 1920-х годов, то А. В. Антощенко анализирует особенности освещения 175-летия Московского университета в эмигрантской антибольшевистской печати примерно в это же время.

Как всегда, в журнале отводится место региональной истории. Ю. Н. Зеленская на основе делопроизводственной документации и эго-документов рассматривает основные направления работы Онежского машиностроительного и металлургического завода на начальном этапе Великой Отечественной войны. В. М. Нилов исследует структуру местной прессы Карелии в 1950–1960-х годах. В статье М. Р. Каюмовой поставлена проблема сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в непрофильных музеях (на примере музея-заповедника «Кижки»).

Специальный раздел отведен литературоведению (статьи Н. Н. Левченко, Р. Е. Тубылевич) и языкознанию (статьи Е. О. Алексеенцевой и В. В. Слободянюка).

Редколлегия журнала с удовольствием присоединяется к поздравлениям с 95-летием выдающегося исследователя архитектуры Русского Севера В. П. Орфинского, более пятидесяти лет делившего своими знаниями со студентами ПетрГУ.

Завершает выпуск сообщение известного архангельского историка В. И. Голдина о научном обсуждении актуальных проблем прошлого и настоящего Арктики учеными в российской столице.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

rockart@yandex.ru

О ПРОИЗВОДСТВЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ САМОРОДНОЙ МЕДИ НА СТОЯНКЕ ОРОВНАВОЛОК С РОМБОЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ

А н н о т а ц и я . Публикуются материалы раннеэнеолитической стоянки Оровनावолок с ромбоямочной керамикой, исследованной экспедицией Петрозаводского государственного университета на северо-восточном берегу Повенецкого залива Онежского озера. В ходе работ на поселении была обнаружена многочисленная серия изделий из самородной меди. Основная цель исследования состоит в получении данных о характере производства медных изделий на раннем этапе освоения металла древним населением Фенноскандии. Для изучения состава медных артефактов был использован геохимический метод. В ходе анализа установлено, что они изготовлены из чистой, почти без примесей, самородной меди, связанной по происхождению с рудопоявлениями на территории Заонежья и в северо-западной части Онежского озера. На стоянке, видимо, холодной ковкой изготавливались бусы-пронизи, ножи, рыболовные крючки. Стоянка Оровनावолок, судя по аналогиям с датированными радиоуглеродным методом образцами ромбоямочной керамики с иных поселений Карелии, относится к первой половине IV тыс. до н. э. Полученные данные актуальны для изучения особенностей функционирования древнейшего на Севере Европы очага металлообработки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ромбоямочная керамика, изделия из меди, энеолит, геохимический метод, мастерская по металлообработке

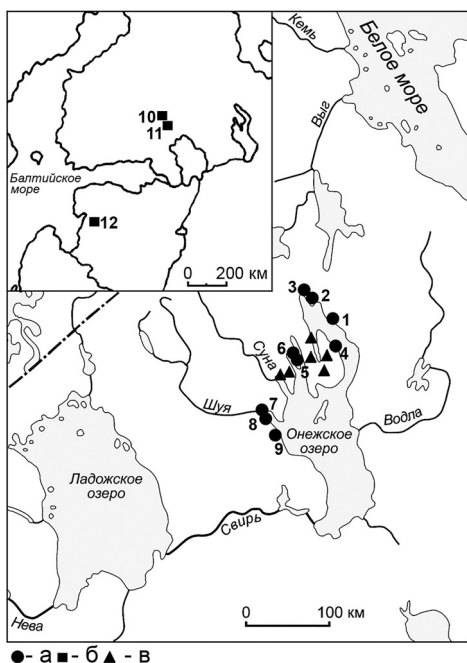
Б л а г о д а р н о с т и . Автор благодарен А. М. Кулькову (Центр коллективного пользования «Рентгенодифракционные методы исследования» Санкт-Петербургского государственного университета) и С. В. Хаврину (Государственный Эрмитаж) за помощь в определении геохимического состава медных изделий со стоянки Оровनावолок.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жульников А. М. О производстве изделий из самородной меди на стоянке Оровनावолок с ромбоямочной керамикой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1037

ВВЕДЕНИЕ

Медь, как известно, является первым металлом, который древние люди начали добывать и обрабатывать. Территория Карелии относится к тем немногим регионам мира, где металлообработка зарождается довольно рано (первая половина IV тыс. до н. э.) в среде охотничье-рыболовецкого населения [10: 364]. Первые свидетельства изготовления медных орудий древним населением региона получены Н. Н. Гуриной в середине XX века по результатам раскопок стоянок с ромбоямочной керамикой Оровनावолок, Войनावолок IX, Деревянное I, расположенных на берегах Онежского озера (рис. 1) [2], [3]. В 70–80-е годы XX века А. П. Журавлев, опираясь на исследования в Заонежье стоянки Пегрема I (см. рис. 1), где им были обнаруже-

ны многочисленные медные изделия в комплексе с ромбоямочной керамикой, впервые поставил вопрос о существовании на Севере Европы одного из ранних очагов (по А. П. Журавлеву – карельского центра) зарождения металлообработки [5]. Дальнейшие естественно-научные исследования образцов медных изделий показали, что население с ромбоямочной керамикой обрабатывало самородную медь, добываемую в Заонежье, холодной ковкой¹, а плавка металла и горячие способы его обработки были освоены несколько позднее населением с энеолитической асбестовой керамикой [8], [9], [15]. Новые данные датировки радиоуглеродным методом комплексов с ромбоямочной керамикой позволяют отнести их к первой половине IV тыс. до н. э. [4], [14].

● - а ■ - б ▲ - в

Рис. 1. Карта-схема расположения поселений с ромбоямочной керамикой, на которых найдены медные артефакты: а – стоянки с ромбоямочной керамикой; б – иные археологические памятники, упомянутые в статье; в – места находок самородной меди. 1 – Оровнаволок; 2 – Войнаволок IX; 3 – Сандермоха I; 4 – Клим I; 5, 6 – Пегрема I, VII; 7 – Фофаново VIII; 8 – Вигайнаволок I; 9 – Деревянное I; 10 – Суоваара; 11 – Ви́хи I; 12 – Звейни́еки. Все рисунки, кроме рис. 6, А. М. Жульникова

Figure 1. A map showing the location of settlements with rhomb-pit ceramics where copper artifacts were found: а – sites with rhomb-pit ceramics; б – other archaeological sites mentioned in the article; в – sites of finds made of native copper. 1 – Orovnavolok; 2 – Voynavolok IX; 3 – Sandermokha I; 4 – Klim I; 5, 6 – Pegrema I, VII; 7 – Fofanovo VIII; 8 – Vigaynavolok I; 9 – Derevyannoe I; 10 – Suovaara; 11 – Vihi I; 12 – Zvejnieki.

All figures except Figure 6 are created by A. M. Zhulnikov

Проявления самородной меди, выявленные на довольно обширной территории Заонежской структуры, в Новое время подверглись интенсивной разработке [13], поэтому поиск древних горных выработок оказался затруднен [6]. А. П. Журавлевым высказано предположение, что изделия из самородной меди Заонежья были предназначены в основном для внутреннего потребления [7: 146]. Проведенные в начале XXI века исследования состава металлических изделий, обнаруженных на поселениях каменного века Финляндии и Северной Фенноскандии, показали, что они изготовлены из самородной меди (с незначительной долей естественных примесей или без них), видимо, карельского происхождения [16], [17], [18], [19].

Теоретические разработки в изучении феномена «северного неолита» позволяют утверждать, что столь раннее освоение меди древним населением Карелии и начало активного обмена медными изделиями заслуживают самого пристального

внимания, поскольку являются одним из косвенных свидетельств фундаментальных изменений в обществах охотников и рыболовов Фенноскандии [12]. Кроме того, открытым остается вопрос, почему, несмотря на наличие самородной меди на территории Заонежья, которая встречается иногда на поверхности в кварцевых жилах, древнее население региона начало использование металла лишь в начале IV тыс. до н. э.

В этой связи несомненный интерес представляет изучение «медносодержащих» стоянок с чистыми комплексами ромбоямочной керамики, расположенных за пределами рудопроявленной самородной меди (см. рис. 1). Материалы подобных поселений позволяют выявить возможные различия в источниках сырья на раннем этапе металлообработки, а также уточнить сведения о характере производства медных изделий и их составе. К числу таких археологических памятников относится стоянка Оровнаволок, материалы исследования которой представлены в настоящей статье. Особое внимание при анализе обнаруженных артефактов уделено изучению геохимического состава медных изделий с использованием естественно-научных методов.

МАТЕРИАЛЫ

Стоянка Оровнаволок открыта и частично раскопана Н. Н. Гуриной в 1939–1940 годах². В раскопе 176 кв. м, помимо фрагментов ромбоямочной керамики от 40 сосудов, 76 орудий из кварца, сланца, кремня, было найдено три медных изделия и 16 неопределенных обломков медных предметов³. Два медных изделия представляют собой обломки рыболовных крючков, одно – узкую медную пластину, видимо, остатки ножа [3: рис. 28: 1, 2].

В 2018 году в ходе экспедиции Петрозаводского государственного университета под руководством А. М. Жульникова было проведено повторное обследование поселения Оровнаволок для уточнения его границ и характера культурных отложений. Стоянка расположена недалеко от оконечности одноименного полуострова, в северо-восточной части Повенецкого залива Онежского озера (см. рис. 1). В древности стоянка располагалась непосредственно на берегу озера, где полуостров Оровнаволок образует небольшую бухту, защищенную с севера возвышенностью. На территории памятника отмечены две воронкообразные округлые впадины диаметром до 3 м, глубиной до 0,8 м, которые, видимо, являются воронками от бомб. Этот вывод подтверждается находкой осколка от бомбы в одном из шурфов. В отличие от многих других древних поселений Карелии, стоянка Оровнаволок расположена на участке берега с заметным уклоном

в сторону водоема (рис. 2). Высота памятника колеблется от 5,5 до 12 м над уровнем водоема. На стоянке в 2018 году было заложено два шурфа к западу и востоку от раскопа 1939–1940 годов общей площадью 18 кв. м. Южная граница поселения установлена по хорошо выраженной в рельефе бровке древней озерной террасы. Для установления границ стоянки с запада, севера и востока, не имеющей естественных рубежей, заложено четыре шурфа (см. рис. 2). Площадь памятника – 11 630 кв. м. Кроме того, проведено частичное просеивание грунта из отвала раскопа 1939–1940 годов (к востоку и северо-востоку от него) с целью пополнения коллекции медных предметов. Всего в ходе исследований стоянки в 2018 году обнаружено 1895 предметов, включая материалы сборов⁴.

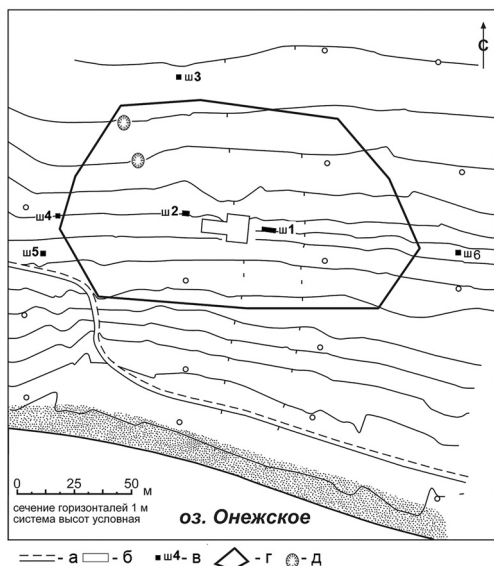

Рис. 2. План стоянки Оровनावолок: а – лесная дорога; б – раскоп 1939–1940 годов; в – шурфы 2018 года; г – граница памятника; д – воронка от бомбы

Figure 2. Plan of the Orovnavolok site: а – forest road; б – excavation of 1939–1940; в – pits of 2018; г – border of the monument; д – bomb crater

В шурфе 1 найдены 169 индивидуальных находок и 422 нешифрованных предмета: 159 крупных и 366 мелких фрагментов ромбоямочной керамики, пять орудий из лидита и сланца, включая обломки, три кварцевых нуклеуса, 52 отщепы и чешуйки из кварца, кремня, лидита, сланца, четыре кальцинированных косточки, два медных предмета.

В шурфе 2 обнаружены 141 индивидуальная находка и 523 нешифрованных предмета: 119 крупных и 188 мелких фрагментов ромбоямочной керамики, восемь орудий из кремня, лидита и сланца, включая обломки, четыре кварцевых нуклеуса, кварцевая галька со следами раскалывания, 276 отщепов и чешуек из кварца, кремня, лидита, сланца, 59 кальцинированных косточек, девять медных

предметов. Найдены обломки трех кремневых наконечников стрел, не представленных в раскопе Н. Н. Гуриной.

В ходе просеивания отвала раскопа 1939–1940 годов собрано 42 крупных фрагмента ромбоямочной керамики и 275 мелких фрагментов, кварцевый нуклеус, кварцевая галька со следами раскалывания, кость кальцинированная – 27 экз., отщеп сланцевый – 87 экз., отщеп кварцевый – 175 экз., отщеп кремневый – 4 экз., отщеп лидитовый – 3 экз., медные предметы (дендриты и т. п.) – 27 экз.

В отходах камнеобработки, собранных в шурфах, преобладают кварцевые изделия: семь нуклеусов, галька со следами раскалывания, 183 отщепы, 86 чешуек. Найдено четыре отщепы и 17 чешуек из кремня, 36 сланцевых отщепов, два лидитовых отщепы. Из сланца изготовлена заготовка кирки (рис. 3: 11), скол и обломок рубящих орудий (рис. 3: 6, 12), обломок лезвия тесла (рис. 3: 8), скребель (рис. 3: 14), скребок (рис. 3: 7). Кремневые орудия представлены тремя обломками наконечников стрел (рис. 3: 1–3), ножом (рис. 3: 4). Найдено два скобеля и скребок из лидита (рис. 3: 10, 13, 16).

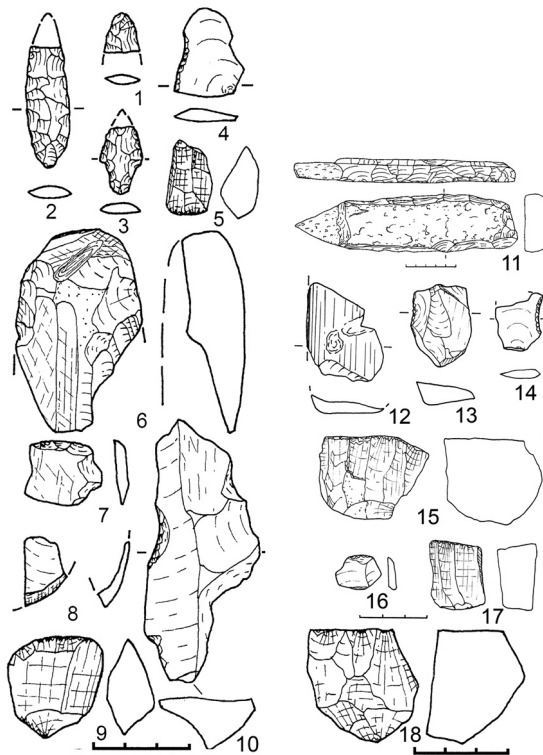

Рис. 3. Каменный инвентарь со стоянки Оровनावолок: 1–4 – кремнь; 5, 9, 15, 17, 18 – кварц; 6–8, 11, 12, 14 – сланец; 10, 13 – лидит. 1–3 – обломки наконечников стрел; 4 – нож; 5, 9, 15, 16, 18 – нуклеусы; 6 – обломок рубящего орудия; 7, 16 – скребок; 8 – обломок лезвия тесла; 10, 13, 14 – скребель

Figure 3. Stone tools from the Orovnavolok site: 1–4 – flint; 5, 9, 15, 17, 18 – quartz; 6–8, 11, 12, 14 – slate; 10, 13 – lydite. 1–3 – fragments of arrowheads; 4 – knife; 5, 9, 15, 16, 18 – cores; 6 – fragment of a chopping weapon; 7, 16 – scraper; 8 – adze blade fragment; 10, 13, 14 – scraper

По индивидуальным отличиям венчиков из коллекции керамики, собранной на стоянке (шурфы и сборы), выделено 43 сосуда (рис. 4: 1–23). Они имеют в верхней части цилиндрическое или слегка приоткрытое тулово, доньшки – округлые. В качестве примеси использовался в основном крупный песок. Незначительная примесь неопределенной, видимо, естественной органики отмечена в четырех сосудах.

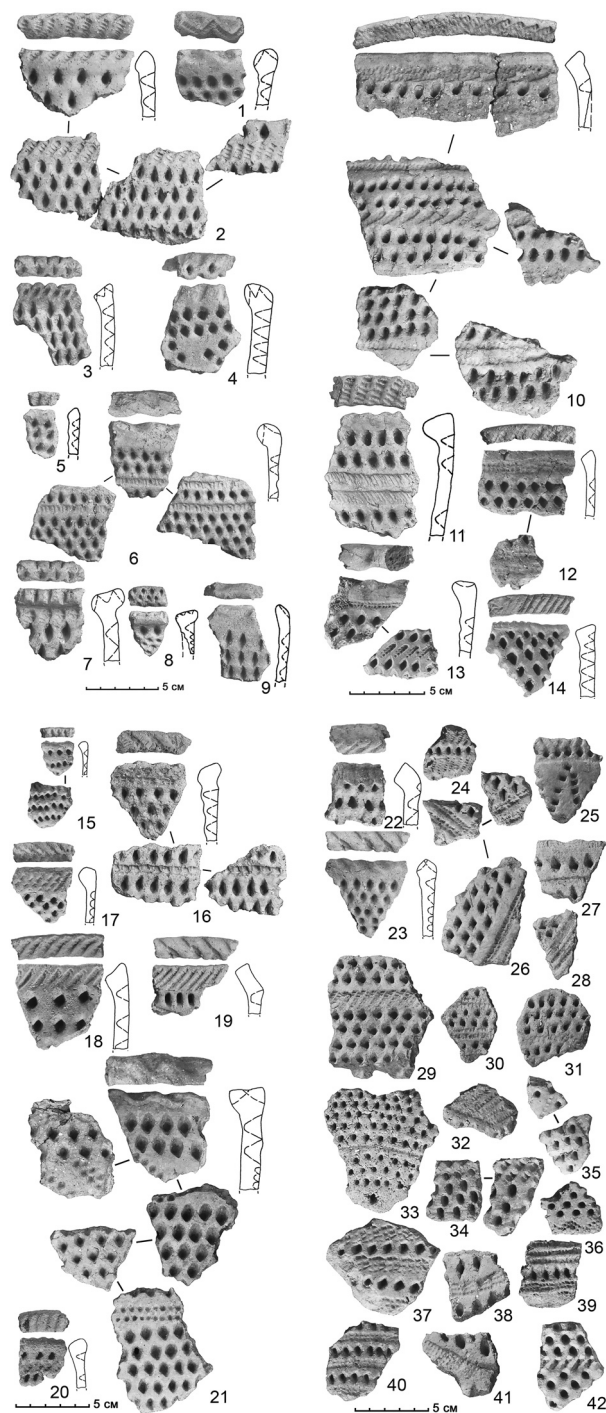

Рис. 4. Керамика со стоянки Оровनावолок
Figure 4. Ceramics from the Orovnavolok site

Венчики прямые, большей частью утолщенные в верхней части, разделяются по форме: скошенные внутрь – 21 экз.; округлые – 7 экз.; скошенные наружу – 2 экз.; с двумя гранями – 7 экз.; Г-образные с загибом края внутрь (в двух случаях с приподнятым вверх краем) – 3 экз.; прямосрезанные – 3 экз. Все венчики орнаментированы по верхнему срезу следующими мотивами: оттиски гребенки, поставленной под углом по отношению к краю сосуда (26 сосудов); вдавления (пальцевыми или округлым краем плоского штампа) по краям среза венчика (8 сосудов); сочетание вдавлений по краям среза венчика и ямок (3 сосуда); сочетание вдавлений по краям среза венчика и зигзага из оттисков гребенки (2 сосуда); нарезки, расположенные под углом к краю сосуда (1 сосуд); сочетание нарезок, расположенных под углом к краю сосуда и ямок (1 сосуд); мелкие ямочные вдавления, расположенные вдоль венчика в три ряда (1 сосуд); вдавления по внешнему краю среза венчика (1 сосуд).

Количество сосудов, выделенных по стенкам (рис. 4: 24–41), несколько больше – не менее 49 экз. Для украшения стенок использовались ямки различной формы: ромбической, овальной, округлой. Из них украшено ямками ромбической и овальной формы 42 сосуда, округлой (округлоцилиндрической) – шесть сосудов (рис. 4: 1, 15, 36), сочетанием ромбических и небольших округлых ямок – один сосуд (рис. 4: 23). В 20 случаях ямки сочетаются с оттисками гребенки, в четырех – с оттисками рамчатого штампа (рис. 4: 13, 26, 37, 41). Остальные сосуды украшены, видимо, только ямками, в том числе семь сосудов сочетанием крупных и мелких ямок (рис. 4: 8, 22, 23).

Композиции из элементов орнамента из-за фрагментированности сосудов выделяются лишь для 40 сосудов: горизонтальные ряды ямок, расставленных в шахматном порядке (15 экз.); горизонтальные ряды из крупных ямок, расставленных в шахматном порядке, сочетаются с рядами мелких ямок (2 экз.); горизонтальные полосы из состыкованных оттисков гребенки (7 экз.) или рамчатого штампа (2 экз.) сочетаются с горизонтальными рядами ямок, расставленных в шахматном порядке; один или два ряда из оттисков гребенчатого штампа, поставленного под углом, сочетаются с несколькими рядами из ямок, составленных в шахматном порядке (8 экз.); треугольники из ямок, оконтуренные линиями из оттисков гребенки (2 экз.) (рис. 4: 26, 35). Минимум на четырех сосудах ямки (1 экз.) или оттиски гребенки (2 экз.), рамчатого штампа (1 экз.) образуют сложные узоры, видимо, в виде зигзагообразных полос (рис. 4: 25, 28, 38, 41).

Кроме ромбоямочной керамики на стоянке найдено два фрагмента стенки сосуда, украшенного ямками конической формы, расставленных в шахматном порядке в сочетании с рядами гладкого прямоугольного штампа (рис. 4: 42). Данный сосуд может относиться к несколько более раннему периоду (неолитическая ямочно-гребенчатая керамика) или входит в комплекс ромбоямочной керамики, представленной на памятнике.

Среди медных предметов, обнаруженных на стоянке в 2018 году (38 экз.), имеются пронизка (рис. 5: 1), возможно, обломок заготовки ножа (рис. 5: 2), кованые изделия в виде тонких пластинок (10 экз.) (рис. 5: 3, 6–11), дендриты и каплевидные куски (15 экз.) (рис. 5: 4, 5), мелкие неопределенные предметы. Отмечу, что на энеолитических поселениях Карелии медные пронизки ранее не находили. Судя по незначительной толщине пластинок, собранных на стоянке Оровнаволоок, все они являются отходами производства подобного вида украшений.

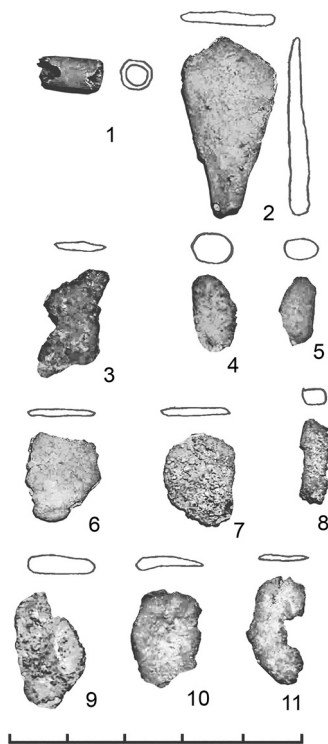

Рис. 5. Медные изделия со стоянки Оровнаволоок
Figure 5. Copper finds from the Orovnavolok site

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕДНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Применение прецизионных геохимических методов исследования (микронзондовый анализ – SEM-EDX) металла в точках на поверхности образца позволяет наиболее точно установить химический состав металла и микроэлементов,

а также определить минералогический состав акцессорных включений. Такой подход может быть использован как для определения состава металла, так и выявления разных типов медных месторождений. Для исследования на сканирующем электронном микроскопе образцы (10 экз.) были закатаны в шайбы из эпоксидной смолы. Состав образцов определялся с помощью электронного микроскопа Hitachi TM-3000 с приставкой энергодисперсионного анализатора Oxford. Обработка спектров производилась автоматически при помощи программного пакета микроанализатора Swift ED 3000. При съемке использованы следующие установки: ускоряющее напряжение 20 кВ, ток зонда 1.6 нА, рабочее расстояние 10 мм, время накопления спектра в точке 20 секунд в точечном режиме.

Кроме изделий со стоянки Оровнаволоок вышеописанным методом был проанализирован образец (№ 11) самородной меди с месторождения (карьера) «Береговое» на северо-западном берегу Онежского озера.

По геохимическому составу можно выделить две группы образцов самородной меди.

1) Самородная медь с окислением в краевых зонах (по краям образцов), с включениями кварца и ряда иных минералов.

Образец 1 (пластинка). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 600 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 68–30 %. Оксиды меди также присутствуют в виде угловатых включений размером 50–70 мкм вокруг пор в образце (рис. 6: 1).

Образец 3 (пластинка). Образец в центральной части сложен самородной медью (100,0 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 1000 мкм (рис. 6: 3). Оксиды меди также присутствуют вокруг неоднородностей во внутренней части образца. В краевой части образца присутствуют слабо окатанные зерна кварца, альбита и калиевого полевого шпата размером 100–200 мкм. В зерне альбита было встречено включение мусковита длиной 70 мкм.

Образец 4 (пластинка). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По краям образца развиваются каемки оксидов меди шириной до 600 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 88–31 % (рис. 6: 4).

Образец 5 (в виде капли). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По краям и трещинам в образце развиваются каемки оксидов меди шириной до 1000 мкм, в них содержание меди снижается до 71–31 % (рис. 6: 5).

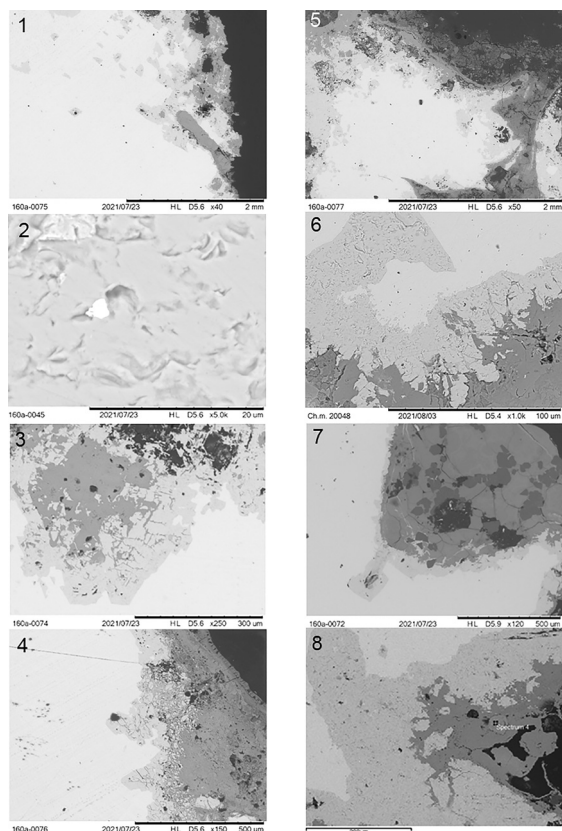

Рис. 6. Фотографии микроструктуры медных предметов со стоянки Оровनावолок: 1 – образец 1: общий вид; 2 – образец 2: зерно серебра в оксиде меди; 3 – образец 3: краевая часть образца (светлое – самородная медь, темное – оксид); 4 – образец 4: общий вид; 5 – образец 5: общий вид; 6 – образец 7: самородная медь светлое; серое – оксиды меди; 7 – образец 9: краевой участок с зернами кварца; 8 – образец 10: развитие оксидов меди в краевой части образца и единичное зерно оксида железа. Фото А. М. Кулькова

Figure 6. Photos of the microstructure of copper objects from the Orovnavolok site: 1 – sample 1: general appearance; 2 – sample 2: silver grain in copper oxide; 3 – sample 3: marginal part of the sample (light areas – native copper, dark areas – oxide); 4 – sample 4: general appearance; 5 – sample 5: general appearance; 6 – sample 7: light areas – native copper; gray areas – copper oxides; 7 – sample 9: marginal area with quartz grains; 8 – sample 10: development of copper oxides in the marginal part of the sample and a single grain of iron oxide. Photo by A. M. Kulikov

Образец 6 (дендрит?). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). В краевых зонах и по порам в центральной части образца развиваются оксиды меди. Толщина краевых зон до 200 мкм. Содержание Cu снижается до 66 %.

Образец 7 (дендрит?). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По трещинам и порам в краевой части образца медь окисляется (рис. 6: 6). Содержание Cu снижается до 65 %. В краевой части встречаются крупные, до 200 мкм, окатанные зерна кварца.

Образец 8 (в виде капли). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По трещинам и порам развиваются оксиды меди. Содержание Cu в оксидах снижается до 84–30 %.

Образец 9 (дендрит?). Образец представлен самородной медью. По краям окисленные каемки шириной 100–150 мкм. В краевой части самородная медь переходит в куприт (Cu_2O). В краевой части имеется участок размером 1×1 мм, сложенный оксидами меди с включениями окатанных и остроугольных зерен кварца размером 20–100 мкм (рис. 6: 7).

Образец 10 (дендрит?). Образец представлен самородной медью (100,0 % Cu). По трещинам и порам развиваются оксиды меди. Содержание Cu снижается до 69–68 %. В полостях оксиды меди растут в виде игольчатых кристаллов. Встречено единичное зерно оксида железа (рис. 6: 8).

Образец 11 (дендрит). Образец сложен самородной медью (99,9–95,5 % Cu). По краям окисленные каемки шириной до 400 мкм, содержание меди в краевой части снижается до 70–73 %. Самородная медь переходит в куприт (Cu_2O). В образце присутствуют трещины, вокруг которых также развиваются оксиды меди неправильной формы 50–200 мкм.

2) Образец, относящийся к этой группе, сложен оксидами меди с зонами самородной меди. Оксиды меди распределены по образцам по всей их площади. Окисленные участки имеют неровную шагреневую поверхность, у самородной меди поверхность ровная.

Образец 2 (пластинка). Образец сложен незаконномерными срастаниями самородной меди с оксидами меди. Содержание меди в оксидах варьирует от 91 до 67 %. В образце встречается единичное зерно самородного серебра в зоне оксида меди (рис. 6: 2). Присутствуют полости, в некоторых из них развиваются кристаллы меди кубического и октаэдрического габитуса. В качестве акцессорных минералов встречаются апатит, амфибол.

Помимо анализа вышеуказанных 10 изделий со стоянки Оровनावолок, еще три медных предмета с этого памятника были исследованы С. В. Хавриным методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА, μXRF -спектрометр ArtTAX, Brüker) в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа. Результаты исследований, представленные в таблице, показали, что изделия состоят из чистой меди, в двух случаях со слабой примесью железа.

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа медных предметов со стоянки Оровनावолок (автор – С. В. Хаврин)

The results of X-ray fluorescence analysis of copper objects from the Orovnavolok site (author – S. V. Khavrin)

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Fe	Прочие
1	Капля металла	Осн.	–	–	–	–	–	Сл.	–
2	Капля металла	Осн.	–	–	–	–	–	< 0,3	–
3	Капля металла	Осн.	–	–	–	–	–	–	–

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ВЫВОДЫ

Ромбоямочная керамика, обнаруженная на стоянке Оровнаволоок в 2018 году, украшена в основном ямками – ромбическими, овальными, округлоцилиндрическими. Такое сочетание ямок разной формы характерно для ромбоямочной керамики Карелии [14], поэтому наименование данного типа следует считать условным. Керамика со стоянки Оровнаволоок по морфологическим признакам (форма венчика) и орнаментации сходна с посудой иных поселений с ромбоямочной керамикой Обонежья, на которых были найдены медные артефакты. Подобная керамическая посуда получает распространение в финале неолита – начале энеолита на территории Карелии и ряда соседних регионов. Одним из опорных комплексов с ромбоямочной керамикой является стоянка Пегрема I [7].

Среди особенностей каменного инвентаря стоянки Оровнаволоок (по материалам исследований 1939, 1940, 2018 годов), по сравнению с несколько более поздними памятниками с асбестовой керамикой геометрического стиля типа Войнаволоок [4], наблюдается незначительное число орудий из лидита и кремня, доминирование кварцевых отходов. Довольно разнообразны на поселении сланцевые рубящие орудия. Подобный состав каменного инвентаря характерен для стоянок с ромбоямочной керамикой северной части бассейна Онежского озера [2], [3], [7]. Примечательно, что сходный по структуре с кремнем лидит, выходы которого встречаются в Заонежье, по неясным причинам почти не использовался населением с ромбоямочной керамикой.

Все образцы медных изделий со стоянки Оровнаволоок, вероятно, связаны с рудопрооявлениями гидротермальной меди Заонежья. Одно из них расположено на территории Кондопожского района Республики Карелия, откуда происходит образец № 11. По данным Л. В. Кулешевич и О. Б. Лаврова, крупные самородки меди здесь приурочены к зонам низкотемпературного жильного гидротермального изменения, представленного эпидотом, кальцитом, хлоритом, кварцем. Самородная медь также могла формироваться в результате вторичных процессов, мигрируя из диабазов и отлагаясь по трещинам отдельности пород, образуя очень тонкие пластинки, толщиной в 2–3 мм, при площади до 15 × 20 см. Анализ одного образца самородной меди показал полное отсутствие каких-либо примесей. Самородная медь замещается купритом [11].

На данный момент медные артефакты (всего 145 экз.) обнаружены на девяти поселениях Карелии с ромбоямочной керамикой, которые расположены в северной и северо-западной частях побережья Онежского озера (см. рис. 1): Оров-

наволоок – 57 экз., Войнаволоок IX – минимум 2 экз., Сандермоха I – 2 экз., Пегрема I – 61 экз., Пегрема VII – 9 экз., Клим I – 3 экз., Фофаново VIII – 2 экз., Вигайнаволоок I – 3 экз., Деревянное I – 6 экз. Из меди население с ромбоямочной керамикой изготавливало украшения (кольца, пронизки, видимо, уплощенные подвески) и небольшие по размерам орудия (рыболовные крючки, ножи).

По количеству медных предметов на единицу раскопанной площади стоянка Оровнаволоок занимает первое место среди вышеперечисленных памятников, что позволяет сделать вывод о наличии на ее территории мастерской по производству орудий и украшений из самородной меди. К западу от Заонежья – в юго-восточной и северо-восточной частях бассейна Балтийского моря медные предметы предполагаемого карельского происхождения обнаружены на двух стоянках и в одном из погребений культуры типичной гребенчатой керамики [19] (см. рис. 1). Эти данные косвенно указывают на основное направление обмена медными изделиями (с территории северного Обонежья) в первой половине IV тыс. до н. э. Четыре из пяти найденных за пределами Заонежья медных изделий являются украшениями (три кольца и пронизка [19], [20]), имеющими явные аналогии в материалах поселений с ромбоямочной керамикой.

Судя по материалам стоянки Оровнаволоок, с территории Заонежья на северо-восточный берег Онежского озера древними людьми, наряду с медью, видимо, на лодках доставлялась некоторая часть добываемого попутно кварцевого сырья. Можно допустить, что именно охотничье-рыболовецкое население культуры ромбоямочной керамикой впервые начинает добывать высококачественный жильный кварц на территории Заонежья. В некоторых кварцевых жилах затем обнаружилась самородная медь, первоначально воспринимаемая древними горняками как «ковкий камень». Освоение трудоемкой технологии добычи меди позволило энеолитическому населению Заонежья несколько позднее приступить к ломкам лидита, изделия из которого становятся продуктом обмена для населения региона во второй половине IV тыс. до н. э.

Поскольку нет данных о находках медных изделий на поселениях ромбоямочной керамики, расположенных за пределами Обонежья (в Юго-Западном Прибеломорье, Юго-Восточном Прионежье, Приладожье), то отнесение культуры населения, связанного с этим типом керамики, исключительно к энеолиту представляется пока преждевременным. Памятники этой культуры существовали в финале неолита – раннем энеолите.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. П. Журавлев в публикациях, посвященных стоянке Пегрема I [5], [7], сообщает о находке в одном из жилищ с ромбоямочной керамикой печи в виде ящика (без крышки) из каменных плит и миниатюрных сосудов (тиглей?), которые, по мнению исследователя, являются остатками медеплавильной мастерской. Металлографические исследования медных изделий с Пегремы и иных стоянок Карелии с ромбоямочной керамикой не выявили следов плавки металла [9], [15].
- ² Стоянка Оровнаволок вошла в археологическую литературу под таким названием в трудах Н. Н. Гуриной, однако по неясным причинам в фундаментальном исследовании И. Ф. Витенковой, посвященном памятникам с ромбоямочной керамикой Карелии, данное поселение имеет иное название – «Оровнаволок II» [1: 160].
- ³ Материалы раскопок стоянки Оровнаволок вместе с рядом иных коллекций находок, полученных в ходе работ Н. Н. Гуриной на территории Карелии в 1939–1940 годах (стоянки Войнаволок V, VI, VII, IX, Рышкола), были переданы в 1958 году в фонды Карельского государственного краеведческого музея (ныне – Национальный музей Республики Карелия). Среди предметов, попавших в музей, особый интерес представляет половинка медного кольца, так как оно не упоминается в отчетах и публикациях Н. Н. Гуриной. Тем не менее вполне очевидно, что медное кольцо происходит с одной из стоянок с ромбоямочной керамикой, исследованных в 1939–1940 годах на северо-восточном берегу Онежского озера.
- ⁴ Коллекция находок, собранная на стоянке Оровнаволок (Оровнаволок I) в 2018 году, передана в настоящее время в фонды Национального музея Республики Карелия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбоямочной керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. 208 с.
2. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-запада Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. № 87. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 588 с.
3. Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // Материалы и исследования по археологии СССР. № 20. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 77–142.
4. Жулъников А. М., Тарасов А. Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // Российская археология. 2021. № 4. С. 21–34.
5. Журавлев А. П. Древнейшая мастерская по металлообработке меди в Карелии // Советская археология. 1974. № 3. С. 242–246.
6. Журавлев А. П. Обследование медных рудников Заонежья // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 14.
7. Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 205 с.
8. Журавлев А. П., Врублевская Э. Л. Ранний этап металлообработки в Карелии // Советская археология. 1978. № 1. С. 154–165.
9. Журавлев А. П., Чистякова Э. Л., Жулъников А. М. Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии // Советская археология. 1991. № 1. С. 167–172.
10. Кузьминых С. Н., Дегтярева А. Д., Орловская Л. Б. Северная периферия Циркумпонтийской металлургической провинции: металл, сплавы, технология // *Stratum plus*. 2022. № 2. С. 347–372.
11. Кулешевич Л. В., Лавров О. Б. Самородная медь, золото и медные промыслы в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Науки о Земле. 2010. № 4. С. 46–49.
12. Нордквист К., Икякеймо Я., Херва В.-П., Лахелма А. Медь в каменном веке Северо-Востока Европы: перспективы исследования // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. С. 143–148.
13. Тимофеев В. И. Месторождения медных руд Заонежья // Известия Ленинградского геолого-гидрогеофизического треста. 1934. № 2. С. 2–15.
14. Хорошун Т. А. К вопросу о хронологии и периодизации памятников с ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой западного побережья Онежского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2015. С. 34–41.
15. Чистякова (Врублевская) Э. Л. Структура самородной меди и медных находок древних поселений Карелии // Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. С. 171–200.
16. Hood B. S., Helama S. Karlebotnbakken reloaded. Shifting the chronological significance of an Iconic Late Stone Age Site in Varangerfjord, north Norway // *Fennoscandia Archaeologica*. 2010. Vol. XXVII. P. 35–43.
17. Ikäheimo J. Neolithic native copper finds from Finland and north-west Russia: A multi-method approach // *Fennoscandia Archaeologica*. 2019. Vol. XXXVI. P. 87–107.
18. Kolpakov E., Murashkin A., Kiseleva A., Shumkin V., Mannermaa K. Kharlovka-6 on the Kola Peninsula: one of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia // *ISKOS*. 2021. Vol. 24. P. 21–42.
19. Nordqvist K., Herva V.-P., Ikäheimo J., Lahelma A. Early copper use in Neolithic north-eastern Europe: an overview // *Estonian Journal of Archaeology*. 2012. Vol. 16 (1). P. 3–25.
20. Zagorska I. Radiocarbon chronology of the Zvejnieki burials // *Acta Archaeologica Lundensia*. 2006. Series 8. № 52. P. 91–113.

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

THE PROCESS OF MAKING ARTICLES FROM NATIVE COPPER AT THE OROVNAVOLOK SITE WITH RHOMB-PIT WARE

Abstract. The article presents materials from the early Eneolithic site of Orovnavolok with rhomb-pit ceramics, studied by an expedition of Petrozavodsk University on the northeastern shore of Povenets Bay of Lake Onega. During the work at the settlement, a series of numerous items made from native copper were discovered. The main purpose of the study is to obtain data on the nature of making copper articles at the early stage of metal development by the ancient population of Fennoscandia. A geochemical method was used to analyze the composition of copper artifacts. The analysis revealed that they are made of pure, almost impurity-free, native copper, associated by origin with ore deposits in the Zaonezhye region and the northwestern part of Lake Onega. Cold forging technique was probably used at the site to make beads, knives, and fishing hooks. By drawing parallels with radiocarbon-dated samples of rhomb-pit ceramics from other settlements in Karelia, it is estimated that the Orovnavolok site dates back to the first half of the fourth millennium BC. These findings offer valuable insights into the operations of the oldest metalworking center in Northern Europe.

Key words: rhomb-pit ware, copper articles, Chalcolithic, geochemical method, metalworking workshop

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to A. M. Kulkov ("X-ray Diffraction Research Methods" resource center of Saint Petersburg State University) and S. V. Khavrin (State Hermitage Museum) for their help in determining the geochemical composition of copper articles from the Orovnavolok site.

For citation: Zhulnikov, A. M. The process of making articles from native copper at the Orovnavolok site with rhomb-pit ware. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1037

REFERENCES

- Vitenkova, I. F. Karelia at the beginning of the Metal Epoch (sites with rhomb-pit ware). Petrozavodsk, 2016. 208 p. (In Russ.)
- Gurina, N. N. Ancient history of the north-west of the European part of the USSR. *Materials and studies on the archaeology of the USSR*. No 87. Moscow; Leningrad, 1961. 588 p. (In Russ.)
- Gurina, N. N. Settlements of the Neolithic Epoch and Early Metal Period on the northern shore of Lake Onega. *Materials and studies on the archaeology of the USSR*. No 20. Moscow; Leningrad, 1951. P. 171–200. (In Russ.)
- Zhulnikov, A. M., Tarasov, A. Yu. On the origin and chronology of the asbestos-tempered pottery with the geometric style of decoration of Vojnavolok type. *Rossiiskaia arkheologiya*. 2021;4:21–34. (In Russ.)
- Zhuravlev, A. P. The oldest copper metalworking workshop in Karelia. *Soviet Archaeology*. 1974;3:242–246. (In Russ.)
- Zhuravlev, A. P. Inspections of copper outcrops in Zaonezhye. *Archaeological discoveries in 1974*. Moscow, 1975. P. 14. (In Russ.)
- Zhuravlev, A. P. Pegrema (settlements of the Eneolithic Epoch). Petrozavodsk, 1991. 205 p. (In Russ.)
- Zhuravlev, A. P., Vrublevskaya, E. L. Early stage of metalworking in Karelia. *Soviet Archaeology*. 1978;1:154–165. (In Russ.)
- Zhuravlev, A. P., Chistyakova, E. L., Zhulnikov, A. M. New data on processing native copper during the Eneolithic in Karelia. *Soviet Archaeology*. 1991;1:167–172. (In Russ.)
- Kuzminykh, S. N., Degtyareva, A. D., Orlovskaya, L. B. Northern periphery of the Circumpontian metallurgical province: metal, alloys, technology. *Stratum plus*. 2022;2:347–372. (In Russ.)
- Kuleshevich, L. V., Lavrov, O. B. Native copper, gold, and copper mining in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Earth Sciences*. 2010;4:46–49. (In Russ.)
- Nordqvist, K., Ikäheimo, J., Herva, V.-P., Lahelma, A. Copper in the Stone Age of Northeastern Europe: research prospects. *Tver archaeological collection*. Tver, 2013. Issue 9. P. 143–148. (In Russ.)
- Timofeev, V. I. Deposits of copper ores in Zaonezhye. *Proceedings of the Leningrad Geological-Hydrological-Geophysical Trust*. 1934;2:2–15. (In Russ.)
- Khoroshun, T. A. The issue of chronology and periodization of monuments with pit-comb, comb-pit and rhomb-pit ware of the western coast of Lake Onega. *Tver archaeological collection*. Tver, 2015. Vol. 1. P. 34–41. (In Russ.)
- Chistyakova (Vrublevskaya), E. L. Structure of native copper and items made of copper from ancient settlements in Karelia. *Zhuravlev, A. P. Pegrema (settlements of the Eneolithic Epoch)*. Petrozavodsk, 1991. P. 171–200. (In Russ.)
- Hood, B. C., Helama, S. Karlebotnbakken reloaded. Shifting the chronological significance of an Iconic Late Stone Age Site in Varangerfjord, north Norway. *Fennoscandia Archaeologica*. 2010;XXVII:35–43.
- Ikäheimo, J. Neolithic native copper finds from Finland and north-west Russia: A multi-method approach. *Fennoscandia Archaeologica*. 2019;XXXVI:87–107.
- Kolpakov, E., Murashkin, A., Kiseleva, A., Shumkin, V., Mannermaa, K. Kharlovka-6 on the Kola Peninsula: One of the oldest Gressbakken house sites in northern Fennoscandia. *ISKOS*. 2021;24:21–42.
- Nordqvist, K., Herva, V.-P., Ikäheimo, J., Lahelma, A. Early copper use in Neolithic north-eastern Europe: An overview. *Estonian Journal of Archaeology*. 2012;16(1):3–25.
- Zagorska, I. Radiocarbon chronology of the Zvejnieki burials. *Acta Archaeologica Lundensia*. 2006;52:91–113.

Received: 8 April 2024; accepted: 29 April 2024

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ДАНИЛЬЧЕНКО

директор
Каменский музей декоративно-прикладного искусства и на-
родного творчества
(Каменск-Шахтинский, Российская Федерация)
ADanil4enko@yandex.ru

МЕТОД ТОРЦОВОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ НУКЛЕУСОВ В ИНДУСТРИИ СЛОЯ 6 СТОЯНКИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА БИРЮЧЬЯ БАЛКА 2

А н н о т а ц и я . Нижние среднепалеолитические слои в границах раскопов 1, 2 многослойной палеолитической стоянки Бирючья Балка 2 исследовались А. Е. Матюхиным в 1989–1990, 2003–2005 годах. В нижней толще отложений была выявлена серия культурных слоев среднего палеолита. Слой 6 (6.1 и 6.2) занимает нижнюю позицию среди открытых среднепалеолитических слоев в стратиграфии стоянки. Целью статьи является анализ технологии расщепления кремня в индустрии слоя 6 и выделение признаков особой разновидности первичного расщепления, связанного с торцовыми участками нуклеусов с уплощенным корпусом. Для этого были проанализированы все нуклеусы каменной индустрии слоя, выделены специфические сколы, связанные с начальным этапом оформления торцовых участков нуклеусов. Скалывание пластин с торцового рабочего фронта нуклеусов – признак позднепалеолитической техники расщепления, поэтому каждый случай такого расщепления в индустрии среднего палеолита требует особого внимания. Зарождение пластинчатой техники позднего палеолита происходило разными путями. Проведенный технико-типологический анализ выборки кремневых изделий (нуклеусов и пластин) из коллекции слоя 6 указывает на присутствие здесь торцового метода расщепления нуклеусов и позволяет привести аналогии приемов и техники расщепления с известными палеолитическими стоянками Западной Европы, Крыма, Северо-Западного Донбасса и Леванта. Наблюдения позволяют прийти к следующим выводам. Элементы торцового метода расщепления нуклеусов из слоя 6 зафиксированы в двух контекстах: первый, не целевой, связан с подправкой и поднятием выпуклости рабочего фронта типичных среднепалеолитических нуклеусов. Второй метод, целевой, является самостоятельным приемом торцового расщепления нуклеусов, схожим по технике с расщеплением позднепалеолитических ядрищ для пластин.

К л ю ч е в ы е с л о в а : многослойный палеолитический комплекс, Бирючья Балка 2, низовья реки Северский Донец, слой 6, средний палеолит, техника торцового расщепления, технико-типологический анализ нуклеусов, пластины

Д л я ц и т и р о в а н и я : Данильченко А. Ю. Метод торцового расщепления нуклеусов в индустрии слоя 6 стоянки среднего палеолита Бирючья Балка 2 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 17–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1038

ВВЕДЕНИЕ

Технологическая база первичного расщепления среднего палеолита Восточной Европы была основана преимущественно на эксплуатации нуклеусов со слабовыпуклым рабочим фронтом, в том числе для получения отщепов и пластин [17]. Классические нуклеусы среднего палеолита Западной Европы, описанные на основе концепции Леваллуа [23] и рекуррентных методов расщепления [24], также были связаны преимущественно со скалыванием отщепов и пластин разных типов со слабовыпуклых поверхностей. Статистически выраженные прецеденты расщепления нуклеусов для пластин

с объемным рабочим фронтом (в том числе с торцовым рабочим фронтом) связаны со специфическими пластинчатыми индустриями среднего палеолита и встречаются в различных уголках Евразии. Среди них отметим стоянку Рокур в Бельгии [27], [28], Курдюмовку в Северо-Западном Донбассе [8: 152], горизонты 8–9 стоянки Кабази II в Крыму [20], [21], Бокер-Тахтит в пустыне Негев в Палестине [19], [22], [25], [26] и др. Возможно, в круг памятников среднего палеолита с выраженным пластинчатым компонентом первичного расщепления следует включить также стоянку Бирючья Балка 2 в низовьях р. Северский Донец на юге Русской равнины. Пер-

вооткрыватель и исследователь А. Е. Матюхин уделил много внимания пластинчатому компоненту индустрии среднего палеолита слоя 6. В итоговой монографии он отмечал, что «в коллекции горизонта много целых пластинчатых сколов. Их гораздо больше, чем фрагментов разных типов» [10: 70].

Стоянка Бирючья Балка 2 является составной частью скопления памятников среднего палеолита Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Традиция изучения этих памятников археологии имеет почти вековую историю [4]. Низовье Северского Донца впервые попало в поле зрения специалистов по каменному веку в 1960-е годы в связи с поисками сырьевой базы неолитической стоянки Ракушечный Яр на Нижнем Дону [1]. До низовьев Северского Донца доходят отроги Донецкого кряжа с залежами верхнемеловых пород с включениями кремня, обнажения которых (отложения сеноманского яруса) известны в балках Бирючья и Кременная у хуторов Кременской, Почтовый, Базки Константиновского района Ростовской области [16]. В 1970-е годы разведки здесь проводил Н. Д. Праслов¹, а с 1987 года разведочные и раскопочные работы осуществлял А. Е. Матюхин [11], [12], [13], [14], [15]. В 2018 году на стоянке Бирючья Балка 2 были возобновлены полевые работы под руководством А. К. Очередного [18].

К среднему палеолиту относятся слои 3в, 4, 5, 5б, 5в и 6 стоянки Бирючья Балка 2, сохранность которых существенно отличается. Слой 6 имеет признаки частичного переотложения при сохранении гомогенности каменной индустрии. В функциональном плане слой 6 связан со стоянкой с полным циклом расщепления кремня, стоянка расположена непосредственно на геологическом источнике каменного сырья. Следствием экстенсивного способа организации сырьевой стратегии явилось обилие отходов первичного расщепления кремня [7].

Кремневая индустрия слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 содержит около 12 000 кремневых изделий. Из них нуклеусов на различной стадии сработанности – 416 шт. [10: 65]. Подавляющее количество нуклеусов относится к технологиям расщепления камня, основанным на эксплуатации уплощенных или слабовыпуклых рабочих поверхностей. Вместе с тем часть нуклеусов относится к категории многоплощадочных («кубовидных») и нуклеусов с элементами торцового расщепления. Цель настоящей заметки – анализ последней категории ядрищ. Новые данные по пластинам слоя 6 и торцовым нуклеусам содержатся в нескольких предварительных публикациях автора [5], [6]. Методическую основу технологического анализа нуклеусов Би-

рючьей Балки 2, слой 6, составляют разработки Е. Ю. Гири [3], П. Е. Нехорошева [17], А. Е. Матюхина [10]. Используются наблюдения за особенностями расщепления нуклеусов с элементом торцового скалывания А. В. Колесника [8], О. Бар-Йозефа [22] и других исследователей.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ

Среди нуклеусов слоя 6 выделяется серия нуклеусов с рабочим фронтом, оформленным на боковом-торцовом участке изделия. Всего их в коллекции 18 штук: 11 единиц происходят из верхнего субгоризонта слоя 6 (6.1) и 7 из нижнего субгоризонта (6.2). Все изделия массивные, размер ядрищ данной выборки варьирует от 14,8 до 6,3 см, преобладают относительно крупные формы. Сырье, из которого выполнены изделия, местное, происходит из балки Бирючьей. Исползован кремль низкого качества, конкреции неоднородные по цвету и структуре, часто встречаются каверны, включения. Цвет сырья варьирует от светло-серого (дымчатого) до темно-серого (графитового). На некоторых ядрищах меловая корка белого, бело-бежевого цвета покрывает до 40 % поверхности. Использовались конкреции кремня во вторичном залегании, извлеченные из меловой породы в результате эрозии.

Нуклеусы с признаками торцового расщепления представлены изделиями на различной стадии обработки. Деление нуклеусов на заготовки, нуклеусы на средней стадии сработанности и остаточные формы хорошо обосновывается на материалах позднего палеолита [3: 22–25, 58–63], [9: 99–111], в коллекциях среднего палеолита такое деление носит условный характер. Заготовками нуклеусов среднего палеолита можно считать образцы со сформированными базовыми элементами в виде площадки и условного рабочего фронта. У анализируемых нуклеусов полностью оформлена система конструктивных элементов, необходимых для успешного целевого расщепления. Предельно истощенные ядрища отличаются значительной сработанностью рабочего фронта.

Для нуклеусов с признаками торцового расщепления данной кремневой индустрии характерны такие конструктивные элементы, как:

- поперечно расположенные ударные площадки на концевых участках;
- боковые (торцовые) участки с двусторонней или односторонней поперечной обработкой;
- боковые (торцовые) участки с продольной обработкой с одной или двух площадок во встречном направлении;
- самостоятельный слабовыпуклый рабочий фронт со сколами с одной или двух площадок;

– двусторонне обработанные участки, противоположащие ударной площадке («килевидное» основание нуклеуса).

Эти элементы описаны по аналогии с торцовыми нуклеусами позднего палеолита, у которых они морфологически хорошо выражены. Плоскость боковых (торцовых) участков, как правило, расположена под углом, близким к прямому по отношению к уплощенным сторонам нуклеуса или его заготовки. Торцовые участки нуклеусов несут следы формирования продольными и поперечными сколами, а также следы регулярного (целевого?) продольного скалывания. Комбинации выделенных конструктивных элементов более разнообразны, чем у классических позднепалеолитических нуклеусов данного типа. Часто сочетаются такие конструктивные элементы, как самостоятельный слабовыпуклый рабочий фронт со сколами с одной или двух площадок и боковой (торцовый) участок с двусторонней или односторонней поперечной обработкой. Критерием торцового элемента следует считать сопряжение условной широкой плоскости и узкой плоскости расщепления под углом, близким к прямому. Узкая боковая плоскость воспринимается как торец изделия, исходя из того что торец – поперечная грань чего-либо.

Заготовки нуклеусов, или нуклеусы в начальной стадии сработанности

Всего в коллекции 9 таких изделий:

- заготовка из крупного массивного первичного скола со следами формирования продольного торцового ребра (рис. 3, 2);
- заготовка из брусковидной конкреции кремня с выделенной поперечной площадкой, продольным двусторонне обработанным ребром и торцовым рабочим фронтом в начальной стадии формирования (наблюдаются негативы первичных продольных сколов с края поперечной площадки) (рис. 1, 1);
- заготовка из крупного массивного первичного отщепы, у которого с поперечной грубо оббитой площадки на узком конце преформы сколоты два крупных краевых удлиненных резцевидных скола (рис. 1, 2);
- две удлиненные заготовки с бифасиально оббитым выпуклым продольным краем;
- заготовка с наклонной площадкой и выразительным торцовым фронтом, неправильно-треугольным поперечным сечением;
- заготовка с одной площадкой и двумя сопряженными рабочими поверхностями – боковой и торцовой;
- заготовка двуплощадочного нуклеуса на удлиненной конкреции с двумя наклонными грубо фасетированными площад-

ками и заключенным между ними удлиненным торцовым участком с негативами продольных и поперечных сколов огранки; – цилиндрическая заготовка с поперечной гладкой площадкой, с которой удлиненными продольными сколами формировался слабовыпуклый рабочий фронт и (на заключительной стадии) сопряженный с ним под прямым углом торцовый участок.

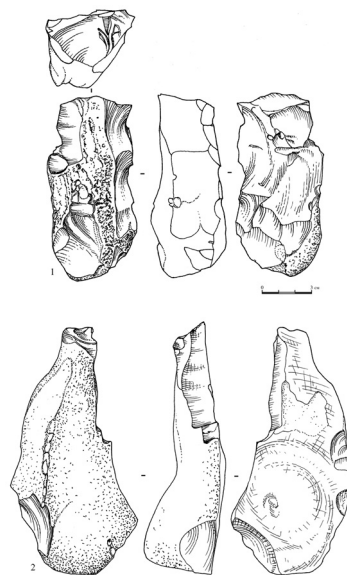

Рис. 1. Бирючья Балка 2, слой 6. Нуклеусы с элементами торцового расщепления (1, 2). Здесь и далее рисунки А. В. Крайнюк
 Figure 1. Biryuchya Balka 2, layer 6. Cores with elements of end cleavage (1, 2). All drawings are done by A. V. Krainyuk

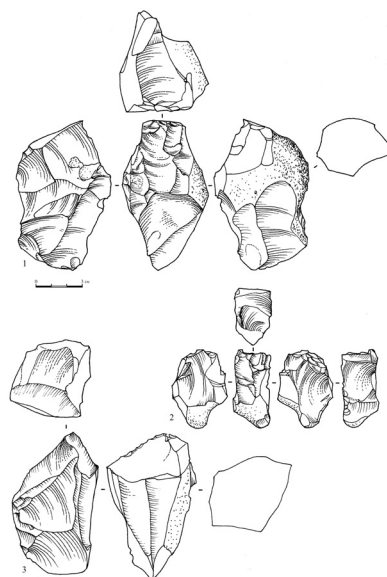

Рис. 2. Бирючья Балка 2, слой 6. Нуклеусы с элементами торцового расщепления (1, 2, 3)
 Figure 2. Biryuchya Balka 2, layer 6. Cores with elements of end cleavage (1, 2, 3)

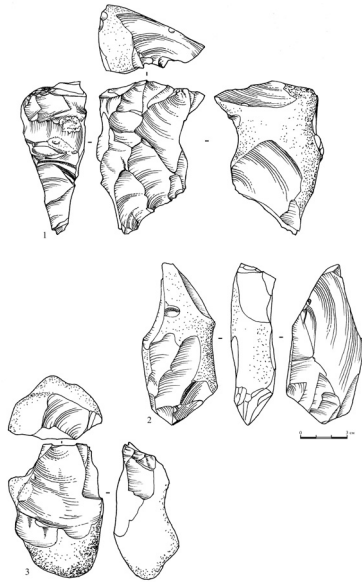

Рис. 3. Бирючья Балка 2, слой 6.
Нуклеусы с элементами торцового расщепления (1, 2, 3)
Figure 3. Biryuchya Balka 2, layer 6.
Cores with elements of end cleavage (1, 2, 3)

Нуклеусы на средней стадии сработанности

В коллекции насчитывается 5 нуклеусов на условной средней стадии сработанности:

- нуклеус с двумя площадками, уплощенным рабочим фронтом со встречной огранкой, тыльной корковой стороной и торцом, образованным серией продольных и поперечных сколов (рис. 3, 1);
- нуклеус с двумя площадками и слабовыпуклым рабочим фронтом; торцовый участок образован встречными сколами с краев площадок;
- нуклеус из массивной конкреции с одной поперечной площадкой для скалывания отщепов со слабовыпуклого фронта и сопряженной с этим фронтом боковой (торцовой) поверхностью (рис. 3, 3);
- нуклеус из округлой вытянутой конкреции с одной поперечной наклонной площадкой, заостренным двусторонней обработкой основанием, образованным серией продольных первичных удлиненных сколов торцовым фронтом и клиновидным тылом со следами крупных формирующих поперечных сколов (рис. 2, 1);
- нуклеус из кремневой конкреции с наклонной площадкой, клиновидным тылом, переходящим в клиновидное основание, и ограниченным продольными негативами торцовым фронтом; зона расщепления срезана негативом крупного скола подправки (рис. 2, 3).

Нуклеусы на предельной стадии сработанности

К остаточным формам (3 шт.) относятся:

- нуклеус с одной площадкой, переходящей в торцевидный тыл с поперечными сколами, боковыми гранями-негативами крупных сколов и торцовым фронтом с серией негативов удлиненных продольных сколов (рис. 2, 2);
- нуклеус из отщеп (рис. 4, 1);
- интенсивно сработанный двуплощадочный нуклеус с двусторонне обработанным тылом и сработанным торцовым фронтом; основная площадка грубо фасетирована, вспомогательная площадка сохранила корку (рис. 4, 2).

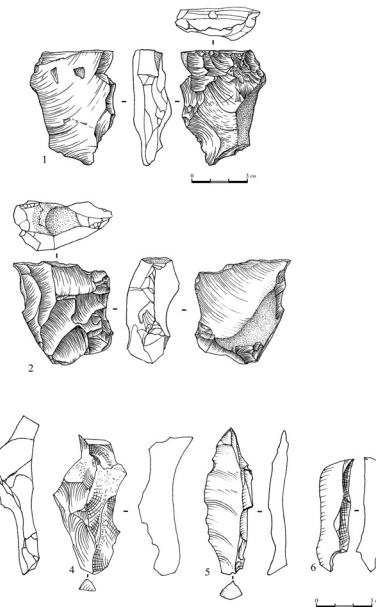

Рис. 4. Бирючья Балка 2, слой 6. Нуклеусы с элементами торцового расщепления (1, 2), реберчатые пластины (3–6)
Figure 4. Biryuchya Balka 2, layer 6. Cores with elements of end cleavage (1, 2), ribbed plates (3–6)

Сколы с торцовых участков нуклеусов, техника скола

Сколы с торцовых участков нуклеусов можно оценить по их негативам на нуклеусах и по самим сколам. Негативы сколов с торцовых участков такие же системные, как сколы с рабочего фронта нуклеусов других разновидностей. Примечательно то, что на отобранных в данную категорию нуклеусах четко просматриваются негативы торцовых сколов, спущенных с тщательно подготовленных ударных площадок. На 8 изделиях отчетливо фиксируется «киль» на противоположной ударной площадке стороне корпуса нуклеуса. Присутствуют в коллекции и сами сколы с таких участков, по форме близкие к реберчатым пластинам позднего палеолита (рис. 4, 3–6).

Торцовое расщепление в сочетании с техникой скалывания при помощи так называемого мягкого отбойника и особых зон расщепления с редуцированными площадками является одним из ведущих технологических признаков позднего палеолита. В этом плане интересен анализ техники скола в публикуемой выборке. Всего на нуклеусах отмечено 15 ударных площадок для целевого расщепления, из которых 8 гладких, 2 корковых, 5 грубо фасетированных. Следы перебора карниза в зоне расщепления сохранились на 1 нуклеусе.

В небольшой выборке пластин, предположительно связанных с торцовыми участками нуклеусов, отмечена параллельная или субпараллельная огранка, гладкие, в небольшом количестве грубо фасетированные площадки. Следы шлифовки края площадки не отмечены ни на нуклеусах, ни на сколах с них. В целом техника скола может быть охарактеризована как среднепалеолитическая, основанная на применении так называемого жесткого отбойника.

Реконструкция последовательности расщепления нуклеусов с торцовым скалыванием

Наличие нуклеусов на разных стадиях подготовки и целевого расщепления дает возможность проследить логику расщепления части из них. По крайней мере 5 нуклеусов характеризуются сочетанием широкого уплощенного (слабовыпуклого) рабочего фронта и торца на боковом участке этого фронта. Два из этих нуклеусов имеют по две площадки, что, скорее всего, отражает высокую интенсивность расщепления. Торцовые участки на этих нуклеусах обработаны встречными сколами с боковых участков ударных площадок. Эти сколы короткие, с заломами и, вероятно, носят вспомогательный характер. Смысл такой обработки торцов был связан с оживлением рабочих свойств нуклеусов со слабовыпуклым фронтом. Судя по «стратиграфии» следов обработки, манипуляции с торцовыми участками были связаны с последним циклом целевого расщепления этих нуклеусов. Обработка торцов включена в общий контекст расщепления плоскостных, в широком смысле, нуклеусов среднепалеолитических типов. Торцовое расщепление выступает здесь в качестве вспомогательного технического приема. Подобные выводы сделаны на основе изучения нуклеусов из лессового комплекса стоянки Курдюмовка в Северо-Западном Донбассе. А. В. Колесник отмечает, что в индустрии этой стоянки в большинстве случаев обработка торцовых участков нуклеусов

ассоциируется с операцией подъема выпуклости фронта [8: 129, 148]. Самостоятельное целевое скалывание пластин с торца плоских нуклеусов отмечено в этом комплексе в небольшом количестве случаев. Остальные пластины относительно тонкие и широкие. Они аналогичны пластинам, которые скалывались с нуклеусов леваллуазского, в широком смысле, облика. К этой категории относятся нуклеусы верхних «кабазийских» культурных слоев стоянки Кабази II в Крыму [21], пещерных стоянок Класиес Ривер в Южной Африке [29] и др.

Определенные аналогии техники расщепления нуклеусов с торцовыми участками слоя 6 стоянки Бирючьа Балка 2 можно привести в европейских и ближневосточных комплексах. Так, в индустрии стоянки Рокур в Бельгии краевой реберчатый скол с двусторонней огранкой изначально был связан с подъемом выпуклости уплощенного рабочего фронта, целиком в рамках техники леваллуа, но привел к формированию параллельно ограненного торцового рабочего фронта [26], [27], как в Курдюмовке. Близкий технологический контекст реберчатых краевых участков на уплощенных нуклеусах наблюдается в индустрии стоянки Бокер-Тахтит в пустыне Негев в Израиле [28].

Иной технологический контекст торцовых участков отмечается у одноплощадочных нуклеусов с двусторонне обработанным основанием и двусторонне обработанной тыльной стороной, а также неправильно-ромбическим, неправильно-каплевидным поперечным сечением (см. рис. 2, 1, 3). Торцовый фронт противостоит клиновидно заостренному тылу (контрфронту). Корпус таких нуклеусов специально формировался из расчета получения широкого торца, сопряженного в наиболее широкой части с «острой» ударной площадкой. По конструкции такие нуклеусы являются технологическими предшественниками клиновидных нуклеусов позднего палеолита. В среднепалеолитической индустрии Бирючьей Балки 2 эта технологическая новация не получила развития, так как не давала преимуществ по отношению к плоскостному (слабовыпуклому) расщеплению. Потенциал торцового метода первичного расщепления мог быть развит только на основании широкого внедрения техники скола «мягким» отбойником, что произошло уже после преодоления условной «технологической границы» между средним и поздним палеолитом. Было это связано и с массовой потребностью в более толстых (крепких) длинных пластинах, скалываемых с торцовых нуклеусов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 позволяют выделить торцовое расщепление в качестве самостоятельного метода расщепления нуклеусов среднего палеолита юга Русской равнины. Нуклеусы данной категории и продукты их расщепления не образуют каких-либо скоплений в пределах раскопанных участков и могут рассматриваться как гомогенная часть всей кремневой индустрии слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2. Этот метод расщепления нуклеусов сочетается с другими типичными для среднего палеолита методами и не выходит за пределы технических возможностей среднего палеолита. Торцовое расщепление встречено в двух контекстах. Первый

из них связан с подправкой боковых участков типичных среднепалеолитических нуклеусов с уплощенным или слабовыпуклым рабочим фронтом с целью поднятия выпуклости фронта. Второй связан с нуклеусами, по своей конструкции напоминающими нуклеусы позднепалеолитических типов. Торцовое расщепление с этих нуклеусов следует признать самостоятельным методом первичного расщепления среднего палеолита.

Культурный и хронологический контекст такого метода пока не ясен, хотя большинство аналогий в Западной Европе связано с индустриями среднего палеолита с выраженными элементами позднепалеолитического технокомплекса, существовавшими в период МИС 5с.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Праслов Н. Д. Отчет о полевых работах Палеолитического отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1735. Д. 70. 1972. С. 6–9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белановская Т. Д. Неолитические местонахождения на Нижнем Дону и Северском Донце (по материалам разведок) // 25-е Герценовские чтения. Исторические науки. Краткое содержание докладов. Т. XXIII. Л., 1972. С. 156–159.
- Гиря Е. Ю. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Висла Балка в Подонцове: технологический анализ пластинчатых сколов // Археологический альманах. Донецк, 2000. Вып. 9. С. 99–112.
- Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. СПб., 1997. Ч. 2. 198 с.
- Данильченко А. Ю. История изучения среднего палеолита Северо-Восточного Приазовья и нижнего течения р. Северский Донец // Stratum plus. 2022. № 1. С. 387–403.
- Данильченко А. Ю. Нуклеусы с торцовым расщеплением из среднепалеолитического слоя 6 стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Междунар. науч. конф. (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). Т. 7: Исторические науки / Под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. С. 238–240.
- Данильченко А. Ю. Пластинчатые сколы как показатель технологии первичного расщепления камня в индустрии слоя 6 (средний палеолит) стоянки Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца // Верхний палеолит Европы: Время культурных новаций: Тезисы междунар. науч. конф. (6–8 декабря 2021 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. С. А. Васильев; ИИМК РАН, ГАМЗ «Костенки». СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 62–64.
- Колесник А. В. Система расселения и сырьевые стратегии в среднем палеолите Донбасса // Stratum plus. 2016. № 1. С. 79–84.
- Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003. 293 с. (Археологический альманах № 12.)
- Колесник А. В., Коваль Ю. Г., Гиря Е. Ю. Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Донецк, 2002. С. 98–135. (Археологический альманах № 11.)
- Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: многослойный палеолитический памятник в бассейне Северского Донца. СПб., 2012. 244 с.
- Матюхин А. Е. Изучение техники первичного расщепления индустрий среднепалеолитических горизонтов памятника Бирючья Балка 2 в долине Северского Донца // Кавказ и первоначальное заселение Старого Света. СПб., 2007. С. 87–118.
- Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // Археологические вести. 1994. № 3. С. 25–37.
- Матюхин А. Е. Позднепалеолитическая мастерская Бирючья Балка 1 // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2001. С. 27–44.
- Матюхин А. Е. Техника расщепления в мустьерских и позднепалеолитических индустриях памятника Бирючья Балка 2 // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятинский сб. Вып. 1 / Отв. ред. А. Г. Хлопачев. СПб., 2008. С. 3–35.
- Матюхин А. Е., Сапелко Т. В. Вопросы геологии, хронологии и палеоэкологии палеолитического памятника Бирючья Балка 2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 2–12.
- Морозов Н. С. Верхнемеловые отложения междуречья Дона и Северного Донца и южной части Волго-Донского водораздела. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. 207 с.

17. Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999. 170 с.
18. Очередной А. К., Воскресенская Е. В., Степанова К. Н., Вишняцкий Л. Б., Нехорошев П. Е., Ларионова А. В., Зарецкая Н. Е., Блохин Е. К., Колесник А. В. Комплексные геоархеологические исследования среднепалеолитических памятников Русской равнины // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 74–83.
19. Сарель Ж., Ронен А., Бойда Э. Есть ли «переходная индустрия» в северном Израиле? // *Stratum plus*. 2000. № 1. С. 147–157.
20. Чабай В. П. Аккайцы в Западном Крыму: Кабази-II, культурный слой III // *Археологический альманах*. № 8, Донецк, 1999. С. 51–76.
21. Чабай В. П. Средний палеолит Крыма. Симферополь: Шлях, 2004. 323 с.
22. Var-Yosef O. The Middle and Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions // *The geography of Neanderthals and modern humans in Europe and the Greater Mediterranean*. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University, 2000. P. 107–156.
23. Bordes F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux: Delmas. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux. Mémoire; t.1. 1961. 2 vols.
24. Boëda E. Le concept Levallois et évaluation de son camp d'application // *L'Homme de Néandertal*. Vol. 4. ERAUL 31. Liege, 1988. P. 13–29.
25. Marks A. E. Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel: The Avdat/Aqev area. Vol. 3. SMU Press, 1983.
26. Otte M. Rocourt (Liege, Belgique): industrie lumineuse ancienne // *Les industries lumineuses au Paléolithique moyen*. Actes de la table ronde internationale organisée par l'ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d'Ascq les 13 et 14 novembre 1991. S. Revillion et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentation Archéologique 18, CNRS. Paris, 1991. P. 179–186.
27. Otte M., Boëda E., Haesaerts P. Rocourt: industrie lumineuse archaïque // *Hélium*. 1990. T. XXIX/1. P. 3–13.
28. Volkman P. Boker Tachtit: core reconstruction // *Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 3. The Adat/Aqev area, part 3. (A. E. Marks, Ed.). Dallas, 1983. P. 127–190.
29. Wurz S., Bentsen S.E., Reynard J., Van Pletzen-Vos L., Brenner M., Mentzer S., Pickering R., Green H. Connections, culture and environments around 100000 years ago at Klasies River main site // *Quaternary International*. 2018. Vol. 495. P. 102–115.

Поступила в редакцию 16.02.2024; принята к публикации 12.04.2024

Original article

Alexey Yu. Danilchenko, Director, Kamensk Museum of Decorative, Applied, and Folk Art (Kamensk-Shakhtinsky, Russian Federation)
ADanil4enko@yandex.ru

THE END-FACE METHOD OF SPLITTING CORES FROM THE INDUSTRY OF LAYER 6 OF THE BIRYUCHYA BALKKA 2 MIDDLE PALEOLITHIC SITE

Abstract. The multilayer Paleolithic site Biryuchya Balkka 2 was investigated by A. E. Matyukhin in 1989–1990 and 2003–2005. A series of Middle Paleolithic cultural layers was identified in the lower sediment strata. Layer 6 (6.1 and 6.2) occupies the lowest position among the exposed Middle Paleolithic layers in the stratigraphy of the site. This study aims to examine the flint splitting technology in layer 6 and identify signs of a specific type of primary splitting related to the end sections of flattened cores. To achieve this, all cores in the stone industry of the layer were analyzed, revealing specific chipping linked to the initial design stage of the end sections of cores. Chipping of plates from the end working front of cores indicates a Late Paleolithic chipping technique, so each such case in the Middle Paleolithic industry requires special attention. The Late Paleolithic plate technique originated in various ways. A technical and typological analysis of samples of flint objects (cores and plates) from layer 6 shows the presence of the end-face method of core splitting and allows for comparison with Paleolithic sites in Western Europe, Crimea, North-Western Donbass, and the Levant. The observations lead to the conclusion that elements of the end-face method of splitting cores from layer 6 can be found in two contexts. The first (non-targeted) method is associated with correcting and raising the bulge of the working front of typical Middle Paleolithic cores, while the second (targeted) method is an independent technique of end-face splitting of cores, similar to the splitting of Late Paleolithic plate cores.

Keywords: multilayered Paleolithic complex, Biryuchya Balkka 2, lower basin of the Seversky Donets River, layer 6, Middle Paleolithic, end-face method of splitting cores, technical and typological analysis of cores, plates

For citation: Danilchenko, A. Yu. The end-face method of splitting cores from the industry of layer 6 of the Biryuchya Balkka 2 Middle Paleolithic site. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):17–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1038

REFERENCES

1. Belanovskaya, T. D. Neolithic sites on the Lower Don and Seversky Donets (based on exploration materials). *25th Herzen Readings. Historical sciences. Abstracts of reports*. Vol. XXIII. Leningrad, 1972. P. 156–159. (In Russ.)

2. Girya, E. Yu. Late Paleolithic flint-processing workshop Vislaya Balka in Podontsovye: technological analysis of plate chips. *Archaeological almanac*. Donetsk, 2000. Issue 9. P. 99–112. (In Russ.)
3. Girya, E. Yu. Technological analysis of stone industries. The technique of macro-microanalysis of ancient tools. St. Petersburg, 1997. Part 2. 198 p. (In Russ.)
4. Danilchenko, A. Yu. History of the study of the Middle Paleolithic of the north-eastern Azov Sea region and the lower reaches of the Seversky Donets. *Stratum plus*. 2022;1:387–403. (In Russ.)
5. Danilchenko, A. Yu. End-split cores from the Middle Paleolithic layer 6 of the Biryuchya Balka 2 site in the lower reaches of the Seversky Donets River. *Donetsk Readings 2021: Education, Science, Innovation, Culture, and Modern Challenges: Proceedings of the VI international research conference (Donetsk, 26–28 October 2021)*. Vol. 7: Historical sciences. Donetsk, 2021. P. 238–240. (In Russ.)
6. Danilchenko, A. Yu. Lamellar chips as an indicator of the technology of primary stone splitting in the industry of layer 6 (Middle Paleolithic) site Biryuchya Balka 2 in the lower reaches of the Seversky Donets. *The Upper Paleolithic of Europe: A time of cultural innovations. Abstracts of the international research conference (6–8 December 2021, St. Petersburg)*. St. Petersburg, 2021. P. 62–64. (In Russ.)
7. Kolesnik, A. V. Settlement system and raw material use strategies in the Middle Paleolithic of Donbass. *Stratum plus*. 2016;1:79–84. (In Russ.)
8. Kolesnik, A. V. The Middle Paleolithic of Donbass. Donetsk, 2003. 294 p. (Archaeological almanac. No 12.) (In Russ.)
9. Kolesnik, A. V., Koval, Yu. G., Girya, E. Yu. Morphology of primary cleavage products and a brief technological analysis. *Visla Balka – Late Paleolithic monument on the Seversky Donets*. Donetsk, 2002. P. 98–135. (Archaeological almanac. No 11.) (In Russ.)
10. Matyukhin, A. E. Biryuchya Balka 2: a multilayered Paleolithic monument in the basin of the Seversky Donets. St. Petersburg, 2012. 244 p. (In Russ.)
11. Matyukhin, A. E. Studying the technique of primary splitting of industries of the Middle Paleolithic horizons of the Biryuchya Balka 2 monument in the valley of the Seversky Donets. *The Caucasus and the initial settlement of the Old World*. St. Petersburg, 2007. P. 87–118. (In Russ.)
12. Matyukhin, A. E. Paleolithic workshops in the basin of the Lower Don. *Archaeological News*. 1994;3:25–37. (In Russ.)
13. Matyukhin, A. E. Late Paleolithic workshop Biryuchya Balka 1. *Don archeology*. Rostov-on-Don, 2001. P. 27–44. (In Russ.)
14. Matyukhin, A. E. Splitting technique in the Mousterian and Late Paleolithic industries of the Biryuchya Balka 2 monument. *Chronology, periodization and cross-cultural relations in the Stone Age: Zamyatin collection of papers*. Issue 1. (A. G. Khlopachev, Ed.). St. Petersburg, 2008. P. 3–35. (In Russ.)
15. Matyukhin, A. E., Sapelko, T. V. Paleolithic site Biryuchya Balka-2: geology, chronology, and paleoecology. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2009;4(40):2–12. (In Russ.)
16. Morozov, N. S. Upper Cretaceous deposits between the rivers of Don and Northern Donets and the southern part of the Volga-Don watershed. Saratov, 1962. 207 p. (In Russ.)
17. Nekhoroshev, P. E. Technological method for studying the primary splitting of stone in the Middle Paleolithic. St. Petersburg, 1999. 170 p. (In Russ.)
18. Ocherednoy, A. K., Voskresenskaya, E. V., Stepanova, K. N., Vishnyatsky, L. B., Nekhoroshev, P. E., Larionova, A. V., Zaretskaya, N. E., Blokhin, E. K., Kolesnik, A. V. Complex geoarchaeological studies of the Middle Paleolithic monuments of the Russian Plain. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, 2018. P. 74–83. (In Russ.)
19. Sarel, J., Ronen, A., Boeda, E. Is there a “Transitional industry” in northern Israel? *Stratum plus*. 2000;1:147–157. (In Russ.)
20. Chabai, V. P. The Akkai in the Western Crimea: Kabazi-II, cultural layer III. *Archaeological almanac*. Issue 8. Donetsk, 1999. P. 51–76. (In Russ.)
21. Chabai, V. P. Middle Paleolithic of the Crimea. Simferopol, 2004. 323 p. (In Russ.)
22. Bar-Yosef, O. The Middle and Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions. *The geography of Neanderthals and modern humans in Europe and the Greater Mediterranean*. Cambridge, 2000. P. 107–156.
23. Bordes, F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux: Delmas. Publications de l’Institut de Préhistoire de l’Université de Bordeaux. Mémoire; t. 1. 1961. 2 vols.
24. Boëda, E. Le concept Levallois et évaluation de son camp d’application. *L’Homme de Néandertal*. Vol. 4. ERAUL 31. Liege, 1988. P. 13–29.
25. Marks, A. E. Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel: The Avdat/Aqev area. Vol. 3. SMU Press, 1983.
26. Otte, M. Rocourt (Liege, Belgique): industrie lumineuse ancienne. *Les industries lumineuses au Paléolithique moyen. Actes de la table ronde internationale organisée par l’ERA 37 du GRA-CNRS à Villeneuve-d’Ascq 13 et 14 novembre 1991*. S. Revillion et A. Tuffreau dir. Dossier de Documentation Archeologique 18, CNRS. Paris, 1991. P. 179–186.
27. Otte, M., Boëda, M., Haesaerts, P. Rocourt: industrie lumineuse archaïque. *Hélium*. 1990. T. XXIX/1. P. 3–13.
28. Volkman, P. Boker Tachtit: core reconstruction. *Prehistory and paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 3. The Adat/Aqev area, part 3. Dallas, 1983. P. 127–190.
29. Wurz, S., Bentsen, S. E., Reynard, J., Van Pletzen-Vos, L., Brenner, M., Mentzer, S., Pickering, R., Green, H. Connections, culture and environments around 100000 years ago at Klasies River main site. *Quaternary International*. 2018;495:102–115.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАВИДОВСКАЯ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра изучения культуры Китая
Институт Китая и современной Азии РАН
(Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры всеобщей истории и международных от-
ношений
Брянский государственный университет имени академика
И. Г. Петровского
(Брянск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8369-7776; katushaza@yahoo.com

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ ПРОВИНЦИИ ЮНЬНАНЬ
(по материалам Цинского альбома из собрания Научной библиотеки
Санкт-Петербургского университета)**

А н н о т а ц и я . Хранящийся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета рукописный альбом о провинции Юньнань с шифром Хул. F-25 (период создания около 1830–1840-х годов) содержит 76 карт провинции и ее областей с описаниями и картинками. Он преследует цель познакомить читателей с историей каждой административной единицы и характерными особенностями местности. Помимо сведений об административных преобразованиях, особенностях быта и костюма разных этнических групп, удивительных природных явлениях, альбом содержит краткие упоминания о религиозных и культовых практиках как ханьского, так и аборигенного населения провинции. Научная актуальность исследования связана с недостаточной изученностью подобных альбомов. Новизна заключается в уникальности исторического источника и введении его в научный оборот. Цель статьи – дать пояснение к кратким сведениям из альбома о религиозной ситуации провинции Юньнань. Основной задачей является описание ключевых религий и практик, упомянутых в альбоме: это конфуцианство и образование, многообразие храмовых построек в городской местности, специфика местного буддизма и обычаи местных народов. Результаты исследования альбома позволяют прийти к выводам, что начиная с эпохи Мин в ряде городов Юньнани сформировалась прослойка ханьцев с конфуцианским образованием, которые совместно с назначаемыми чиновниками принимали участие в почитании Конфуция и открытии множества учебных заведений. Купцы и торговцы солью участвовали в спонсировании буддистских и даосских храмов, некоторые местные народы поклонялись Будде, что может быть связано с наследием государств Наньчжао и Дали.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Юньнань, источник, китайская книжная коллекция, эпоха Цин, конфуцианство, буддизм, ицзу

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Завидовская Е. А., Харитонова А. М. Религиозный ландшафт провинции Юньнань (по материалам Цинского альбома из собрания Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 25–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1039

ВВЕДЕНИЕ

В Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ хранятся два альбома о народах провинции Юньнань (шифр Хул. F-26, Хул. F-25). Оба издания являются рукописными и, как следствие, уникальными. Один из них (Хул. F-26) был переиздан в 2020 году с переводом на русский язык и научными комментариями [1]. Оригинал этого альбома датируется 1839 годом, имеет предисловие, содержит описания и изображения 44 народов провинции с иллюстрациями. Еще не переизданный альбом Хул. F-25 включает одну карту провинции, а также 75 карт административных единиц (округов, областей, уездов) и их описания. На обложке альбома на русском языке пером указано название – «Карты городов провинции Юньнань», оригинальное китайское название не сохранилось, предисловия и дат нет. Альбом Хул. F-25 был предположительно приобретен будущим академиком В. П. Васильевым (1818–1900) в Китае в 1840-е годы и затем привезен в Казань, а около 1855 года перемещен на Факультет восточных языков в Санкт-Петербурге. Проведенное авторами тщательное исследование этого альбома позволило заключить, что тексты описаний округов и областей датируются примерно 1660-ми годами, когда цинская администрация еще фактически не контролировала Юньнань. При этом хранящийся в СПбГУ экземпляр – это, скорее всего, копия 1830–1840-х годов.

Задача альбома Хул. F-25 заключается в ознакомлении с географией каждой административной единицы Юньнани, а также наиболее значимыми, по мнению неизвестного составителя, фактами о данной местности. Почти все описания содержат краткие сведения об административных преобразованиях в ходе исторического развития региона, упоминания о живущих там аборигенных народах, количестве ханьцев, роде занятий населения, известных достопримечательностях. Иногда упоминаются обычаи местных народов; данные о религиозных верованиях и ритуальных практиках немногочисленны. Все карты местности выполнены в традиционной манере, имеющей много общего с рисунком, нанесены все основные объекты внутри и за пределами городских стен (при наличии). Такого рода карта позволяет лучше представить, какие административные и культовые здания имелись в каждой местности. Статус города (управа округа, области или уезда) определял количество и назначение административных зданий, пред-

писанных китайскими властями. Количество храмовых построек напрямую связано как с географическим положением населенного пункта, так и с его административным статусом. Например, Куньмин, центральный город провинции и место размещения управы округа Юньнань-фу, внутри городских стен имел следующие административные здания:

Гунъюань 貢院 – экзаменационный двор, место для провинциальных и столичных экзаменов при системе государственных экзаменов *кэцзюй* 科舉;

Бучжэн-сы 布政司 – департамент по гражданским и финансовым делам, управлявший делами всей провинции;

Цзундуцзюнь юань 總督郡院 – резиденция генерал-губернатора;

Чжаоча-сы 招察司 – управление приезжающего цензора;

Ванфу 王府 – княжеский двор – резиденция принца крови, наместника двора в регионе (система внедрена при Юань);

Сюньфубу юань 巡撫部院 – двор генерал-губернатора, заведовавшего одной или несколькими провинциями при Цин;

Души-сы 都使司 – управление местного военного командования;

Юньнань-фу 雲南府 – управа округа Юньнань-фу.

Несмотря на то что альбом Хул. F-25 создавался для того, чтобы дать представление об административном устройстве Юньнани, в данном исследовании мы ставим цель проанализировать прямые или косвенные данные о религиозном ландшафте провинции, отраженном в этом альбоме. Можно выделить текстовую и визуальную информацию о следующих аспектах: 1) роль конфуцианства в жизни социума Юньнани; 2) характер храмовых построек; 3) роль и специфика местного буддизма; 4) мечети и ислам в регионе; 5) религиозные практики местных народов. Далее проанализируем данные альбома Хул. F-25, касающиеся этих аспектов. Дополнительные источники и современные исследования привлекаются нами для расширения и пояснения этих кратких сведений.

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В ЖИЗНИ СОЦИУМА ЮНЬНАНИ

Обширный вопрос о конфуцианстве в Юньнани связан с изучением процессов культурной, идеологической и духовной интеграции «варварской окраины», какой исконно являлась Юньнань,

в систему управления империи, предполагавшей приобщение некитайского населения к конфуцианским ценностям и практикам жизненного устройства (от предписаний к внешнему облику до брачных и похоронных обрядов). Эти аспекты отражены в исследуемом альбоме лишь отчасти¹. Первые контакты и попытки включить регион в состав империи предпринимались еще в эпоху Хань (206 до н. э. – 220 н. э.). Однако только после подчинения основной его территории власти династии Юань (1271–1368) Китайская империя накопила достаточный военный, административный и экономический ресурс для начала внедрения управления посредством туземных военных и гражданских чиновников. Процесс постепенной замены туземных чиновников присылаемыми из центра (*гайтушэлю* 改土設流), а также упорная работа по внедрению конфуцианских норм поведения среди местной правящей элиты активно велись властями Мин и Цин, следуя принципу «прибегать к [культуре Хуа]ся, чтобы изменить варваров-и» (*юнсябяньи* 用夏變夷). Государство проводило здесь систему регистрации населения и сбора налогов, внедряло государственный ритуал и китайскую администрацию. Вследствие мощной инфильтрации ханьского населения в Юньнани сформировалась группа местных образованных мужей, прославивших провинцию почетными местами на местных и государственных экзаменах, заложивших основу местной традиции конфуцианского образования². Неханьское население к этим экзаменам допущено не было, таким образом, это были именно представители образованных ханьских семей, поселившиеся в Юньнани.

Составитель альбома одобрительно отзывается о распространении конфуцианских ценностей и учености в той или иной местности. Так, в описании области Синьсин-чжоу (新興州, № 1³) упомянуто, что «среди образованных есть получившие ученую степень». В описании округа Хэцин-фу (鶴慶府, № 4) есть наставительная фраза о жизни местных народов: «Детей немного и их не обучают, не заняты пахотой и чтением книг, в дела не вникают, при тяжбах просты в решениях, слушают вышестоящих», а об области Цзяньчуань-чжоу (劍川州, № 42) сказано, что «с момента учреждения школы процветает сдача экзаменов на государственные должности, наравне с округом Хэцин-фу». Описание области Чжао-чжоу (趙州, № 14) подтверждает, что там распространение конфуцианского образования началось в правление под девизом

Хунчжи (1488–1505): «В годы Хунчжи при Мин проверяли учебные заведения и утверждали учителей, изучение классических книг – какая же чистая простота». В описании военного поста Янлин-со (楊林所, № 28) упоминается о «вевании [Книги] песен и [Книги] истории» (*шишучжи-фэн* 詩書之風), про уезд Синьпин-сянь (新平縣, № 24) сказано, что туда «постепенно просачиваются знания о разметке фраз классического текста». Говоря об области Чжэньнань-чжоу (鎮南州, № 43), автор благосклонно отзывается о том, что «ведающие конфуцианством прекрасно знают ритуал и манеры» (*ечжучжэ по лижан* 業儒者頗知禮讓), в управе этой области имелась частная академия Цзихэшуюань 鷄和書院 и бесплатная школа (*исюэ* 義學). В округе Яоань-фу (姚安府, № 45) «нравы и обычаи начали меняться под воздействием воспитания». О народе *божэнь*⁴ из области Лулян-чжоу (陸涼州, № 53) сказано, что «только ханьцы и *божэнь* имеют обычаи как в Китае, у них еще есть обычаи “Книги песен”, “Книги истории”, “Книги церемонии и долга”», тем самым подчеркивается приобщение аборигенного народа к конфуцианской учености и ритуалу.

Храм Конфуция *вэньмяо* 文廟 начиная с эпохи Мин стал важным атрибутом комплекса официальных построек в каждом обнесенном стеной городе, их строительство спонсировалось как государством, так и местными учеными мужами, при храме Конфуция обязательно действовали учебные заведения. В альбоме Хуи. F-25 храмы Конфуция графически обозначены на картах четырех управ округов-фу, восьми управ областей-чжоу, восьми управ уездов-сянь.

Цинские источники о провинции Юньнань содержат упоминания о многочисленных «книжных дворах», или частных конфуцианских академиях *шуюань* 書院, учреждавшихся в разных частях Юньнани с начала правления Мин на средства местных образованных элит. Так, в округе Мэнхуа-фу 蒙化府 в 1488–1505 годах была открыта академия Минчжишуюань 明志書院, основанная знатными чиновниками региона. Кроме того, источники упоминают наличие академий *шуюань* в областях: Дэнчуань-чжоу 鄧川州, Цзяньчуань-чжоу 劍川州, Чжэньнань-чжоу 鎮南州, Аньнин-чжоу 安寧州, уездах: Мэнцзы-сянь 蒙自縣, Лоцы-сянь 羅次縣, Сяньбо-сянь 三泊縣, и этот перечень не является исчерпывающим. По данным У. Роу, в правление Мин в Юньнани было открыто 72 школы в уездах и округах, 33 частных академии, при Цин указом Юнч-

жэна от 1725 года требовалось учредить школу в каждом уезде, предполагалось обучение там ханьцев и аборигенов [10: 426]. Исследователи региональной истории Юньнани подчеркивают роль такого рода центров конфуцианской учености как важных каналов распространения власти и влияния Китая в некитайском регионе. Конкретно в Юньнани они превращались в центры общественной и интеллектуальной жизни в силу того, что в провинции не сложилась сходная с южным Китаем система родовых кланов, объединенных вокруг храма предков, что опять же было связано с преобладанием неханьского населения, а ханьское население вело свой род от предков из-за пределов Юньнани [11: 10].

ХАРАКТЕР ХРАМОВЫХ ПОСТРОЕК

Знакомство с картами альбома Хул. F-25 указывает на неоднородное количество храмовых построек как внутри городских стен, так и за их пределами в разных округах, областях и уездах Юньнани. В силу того, что городские образования в подавляющем большинстве были населены ханьским населением, то и храмовые постройки отражают специфику религиозной и культовой жизни ханьского общества, где четко прослеживается следование Трем учениям (*саньцзяо* 三教) – конфуцианству, буддизму, даосизму. Как правило, количество храмов определялось размерами и статусом города. Так, внутри стен столицы округа Хэцин-фу (鶴慶府, № 4) обозначены следующие храмы официального государственного культа, где ритуалы отправляли местные гражданские и военные чиновники: храм Гуань Юя 關王廟 (официальное название – *умяо* 武廟) и храм покровителя города Чэнхуана 城隍, два буддистских храма: Мяоцзюэ-сы 妙覺寺, храм Байи-сы (Белохитонной бодхисатвы Гуаньинь) 白衣寺, даосский храм Тайи-гун 太乙宮. В столице округа Мэнхуа-фу (蒙化府, № 3) также имелись официальные храмы Конфуция, Гуань Юя, Чэнхуана, храм покровителя ученых Вэнчана 文昌, один буддистский храм Дэнцзюэ-сы 等覺寺, два храма, связанных с народным даосизмом, – Люду-мяо 六毒廟 (Шести ядовитых), Юшэн-мяо 佑升廟 (Поднятия покровительства). О храме Дэнцзюэ-сы сообщается, что он спонсировался местными чиновниками, в нем сохранились надписи XV–XVII веков [11: 159]. На общем фоне выделяется количеством буддистских храмов управа области Бэйшэн-чжоу (北勝州, № 66), расположенная на севере Юньнани, грани-

чащая с Сычуанью, где проходили важные торговые пути. Внутри стен и за их пределами имелся Терем Гуань-инь 觀音閣, буддистские храмы: Тайпин-сы 太平寺, Чжэнцзюэ-сы 正覺寺, Баогун-сы 寶光寺, Дэхуа-сы 德化寺, а также два даосских храма: Саньюань-гун 三元宮, Бэйцзи-гун 北極宮. В их сооружении могли принимать участие купцы. В Вэйюане 威遠 (в альбоме указан на карте, но описание отсутствует) на южных окраинах Юньнани строили здания купеческих гильдий (*хуэйгуань* 會館), где квартировались купцы из различных регионов Китая; торговцы солью из Юньнани, Хунани и Цзянси спонсировали возведение храмов, в котором шло поклонение привезенным из этих регионов божествам локальных культов [6: 154]. Таким образом, нахождение вблизи к освоенному китайцами центру провинции в районе озер Куньмин 昆明 и Эрхай 洱海 или расположение на важных торговых путях определяет большее количество буддистских и даосских храмов, которые нередко возводились купеческими гильдиями. К наиболее распространенным храмам народной религии можно отнести храмы бодхисатвы Гуаньинь и Терем яшмового императора (*Юйхуан гэ* 玉皇閣). Как будет указано ниже, распространение храмов Гуаньинь имеет глубокие исторические корни.

РОЛЬ И СПЕЦИФИКА МЕСТНОГО БУДДИЗМА

Буддизм в Юньнани был распространен как среди некоторых аборигенных народов, так и среди ханьского населения. Исторически среди тибето-бирманских народов группы *ицзу* (彝族) бытовали течения буддизма махаяны, а среди тайских народов самого юга Юньнани – буддизм тхеравады. В центральной части Юньнани буддизм стал важным компонентом символического наполнения власти верхов государств Наньчжао (738–902) и Дали (937–1253). В Наньчжао циркулировали тексты школы изотерического буддизма (*мицзун* 密宗) на китайском языке, приходившие из Китая при Тан (618–907), при этом в иконографии сохранившихся скульптур видно индийское влияние (подробнее об иконографии и источниках влияния на скульптуру Наньчжао в [4], о формах буддизма в Наньчжао в [7]). В Наньчжао позднего периода получил развитие культ Авалокитешвары направления *аджая* (кит. *ачжали*) как покровителя основателей правящего дома Наньчжао, пришедшего из соседних государств Юго-Восточной Азии. Особое место в буддизме Дали занимал культ женского божества, защитницы Махакалы,

Белой старшей сестры священной наложницы (*Байцзешэнфэй* 白姐聖妃); правивший в государстве Дали род Дуань также перенял у Наньчжао культ Будды Вайрочаны [3].

В исследуемом альбоме мы видим следующие сведения о буддистских практиках в Юньнани. Иллюстрация к описанию округа Лицзянь-фу (麗江府, № 18) изображает *гои* (совр. назв. *ицзу*), поклоняющихся Будде (*гои байфо* 猓彝拜佛), в описании сказано, что *ицзу* «любят гадания и шаманов-у 巫, почитают Будду, любят делать подношения... Опираясь на учение Будды, увещевают их быть верными долгу, не начинать смуты», то есть отмечается благотворное влияние буддизма на их нравы. Изображенные подношения указывают на так называемый тибетский буддизм. Важно отметить, что Лицзянь был населен народом, называемым в цинский период «мосе» (麼些), который в настоящее время определяется как две группы национальных меньшинств – *мосе* (摩梭) и *насицзу* (納西族). В XIV веке у *мосе* стал возвышаться клан Му-ши (木氏), члены которого сохраняли за собой пост туземного главы округа (*тучжифу* 土知府) в Лицзяне на протяжении эпохи Мин и вплоть до 1723 года уже при Цин, при этом род Му-ши поддерживал и развивал тибетский буддизм.

Карты альбома Хул. F-25 свидетельствуют о том, что к концу династии Мин в Юньнани существовало впечатляющее количество буддистских храмов и монастырей. При Мин в правительственных учреждениях появился отдел, регистрировавший буддистские храмы и монастыри, которые были включены в систему власти через спонсорство как туземных, так и назначаемых местных чиновников [11: 159]. Округ Дали-фу как центр бывших государств Наньчжао и Дали обращает на себя внимание большим количеством буддистских храмов. В подчиненной округу области Биньчуань-чжоу (賓川州, № 32) упомянут известный до сих пор храмовый комплекс на горе Цицзу-шань 雞足山 (Гора куриной ноги):

«Вверху есть врата Хуашоу-мэнь, место, где в горы Цицзу-шань вошел Почтенный Кашьяпа (迦葉尊者)⁵. В ходе истории там построен один большой буддистский храм и восемь маленьких, на переулках более ста построек. Каждый год в двенадцатом месяце с близка и издалека приезжают без числа совершить поклонение. На дороге образовался рынок. После бандитских нападений стало безлюдно».

Иллюстрация к описанию области Биньчуань-чжоу также изображает этот храмовый комплект как главную местную особенность.

Выше уже упоминалось примечательное количество буддистских храмов в области Бэйшэн-чжоу 北勝州. Исследование Лянь Жуйчжи показывает связь между ростом культа Махакашьяпы (как части чань-буддизма) в храмовых комплексах Бэйшэн-чжоу, Дэнчуань-чжоу 鄧川州 и округе Лицзянь-фу и деятельностью туземных чиновников по укреплению власти и борьбе с восстаниями населения из слабоуправляемых горных районов в Минский период [13].

Таким образом, альбом Хул. F-25 лишь упоминает присутствие буддизма в религиозной жизни провинции, который на самом деле имел глубокие исторические корни и играл роль инструмента управления аборигенными народами начиная с периода Мин.

ИСЛАМ В ЮНЬНАНИ

В описаниях округов Сюньдянь-фу (尋甸府, № 6) и Чэнцзянь-фу (澂江府, № 68) исследуемого альбома имеется два упоминания мечетей (*цинчжэньсы* 清真寺), а мусульмане *хуэйхуэй* 回回 упомянуты в описаниях округа Мэнхуа-фу 蒙化府, уездов Илян-сянь 宜良縣, Янцзун-сянь 陽宗縣. Об уезде Илян-сянь сказано, что в нем имеется «четырнадцать военных деревень (*цзюньцунь* 軍村), это исконно местные люди, их два вида – *бо(жэнь)* и *хуэйхуэй*», то есть мусульмане представлены как один из аборигенных народов, хотя, безусловно, исторически таким не является. Мусульмане поселились в Юньнани после ее подчинения власти монголов в XIII веке. Это были выходцы из Средней Азии, которым монголы доверяли административные и военные должности. В частности, бухарец Сайид Аджалл Шамсад-Дин Омар аль-Бухари (1211–1279) был назначен в Юньнань губернатором и внес немалый вклад в управление периферией и усиление мусульманской общины в Юньнани, где были построены первые мечети, учебные заведения, было официально разрешено открытое исповедание ислама [2: 34–35]. При Мин создавались военные поселения, организованные по этническому принципу или по месту происхождения солдат, включая поселения *хуэйхуэй*. Мусульмане работали на рудниках, служили солдатами, контролировали управление торговыми караванами. При Минах мусульмане продолжали занимать высокие военные посты в Юньнани, группа интеллектуалов-мусульман разрабатывала новые подходы к исламу с учетом конфуцианских представлений [9: 66]. Несколько случаев массовой резни мусульман ханьцами вылились в кровопролитное восстание мусульман Юньнани 1856–1873 годов, когда восставшие провозгласили Дали столицей своего султаната.

ПРАКТИКИ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ

В альбоме содержится мало упоминаний обычаев местных народов. В описании уезда Гуантун-сянь (廣通縣, № 16) приведена иллюстрация, изображающая праздник факелов у *ицзу* (*ицзэнь гоцзюйцзе* 彝人火炬節). Эта традиция, связанная с поклонением огню, сохранилась у *ицзу* до наших дней. Они сооружают посреди деревни большой костер, а также небольшие костры у каждого дома, ночью жители деревни с факелами обходят улицы деревни и свои поля, изгоняя вредоносные силы, затем факелами зажигают костер, танцуют вокруг него и поют. Про *ицзу* из округа Гуаннань-фу (廣南府, № 19) говорится, что «в случае болезни гадают на курице и молят богов», это подтверждает широкое распространение среди местных народов так называемой «магической медицины», в центре которой был ритуал изгнания демонов болезни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в альбоме Хул. F-25 сведения датируются примерно серединой XVII века, когда в регионе еще не была установлена власть Цинской династии. Отрывочные данные подтверждают, что к тому периоду в Юньнани шло постепенное изменение нравов под влиянием конфуцианского образования, на средства купечества и торговцев солью воздвигалось немало буддистских и даосских храмов, присылаемые из центра и туземные чиновники также поощряли и поддерживали строительство буддистских храмов, пытаясь укрепить власть в труднодоступных горных областях. Упомянуты в альбоме и мусульмане *хуэйхуэй*, община которых начала формироваться в Юньнани с монгольского завоевания 1253 года. Более полное понимание представленных в альбоме отрывочных сведений требует привлечения более широкого круга источников и современных исследований региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевое исследование места конфуцианства в современной Юньнани в [5].

² С утверждением власти Мин в Юньнани в 1380-х годах началось активное распространение конфуцианского образования из старых центров провинции – Куньмина 昆明, Дали 大理, Линьняня 臨安 на периферию в Шуньнин 順寧, Юнчан 永昌 и проч. К середине эпохи Мин конфуцианское образование распространилось шире, после 1500-х годов из числа местных элит выходило все больше обладателей степени *цзиньши* 進士, которые поддерживали строительство общественных школ, к концу Мин сформировалась система связей между региональными учеными [8: 150–151].

³ Эти номера указывают на место данного описания в составе 75 описаний альбома.

⁴ По одной из версий не существующий в настоящее время народ *божэнь* 僂人 являлся предком современного народа *байцзу* 白族, относясь к группе народов *ицзу* 彝族. Дуань Динчжоу считает, что *божэнь* – название народа в период Воюющих царств, в последние века до н. э. проживавшего на пограничье Юньнани и Сычуани, при Сун-Тан источники именовали их *бай-мань* 白蠻 из Западной Цуань 西爨, при Мин-Цин они назывались *байжэнь* 白人, все это разные народы [12: 52]. Высокая степень китаизированности данного народа связана с тем, что он проживал в северо-восточной части Юньнани и соседней Сычуани, раньше всего заселявшихся ханьцами-переселенцами еще с периода Цинь (221–206 до н. э.).

⁵ Махакашьяпа 摩訶迦葉尊者 (санскр. Mahākāśyapa) – один из десяти великих учеников Будды, архат, руководитель Первого буддийского собора, по легенде он проживал в пещере Хуамэнь в горах Цзицзу-шань.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маяцкий Д. И., Миронова Т. С., Сомкина Н. А. Нравы народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 124 с.
2. Atwill D. G. The Chinese Sultanate: Islam, ethnicity, and the Panthay Rebellion in Southwest China, 1856–1873. Stanford: Stanford University Press, 2005. 264 p.
3. Bryson M. Goddess of the frontier: Religion, ethnicity, and gender in Southwest China. Stanford: Stanford University Press, 2017. 246 p.
4. Chapin H. B. Yunnanese images of Avalokiteśvara // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1944. Vol. 8, № 2 (Aug). P. 131–186.
5. Chung Yun-ying. Belief and faith: The situation and development of Confucianism in Yunnan Province // The varieties of Confucian experience documenting a grassroots revival of tradition. Sébastien Billiouded. Leiden: Brill, 2018. P. 122–152.
6. Giersch C. P. Asian borderlands: The transformation of Qing China's Yunnan frontier. Harvard University Press, 2006. 308 p.
7. Howard A. F. The dhāraṇī pillar of Kunming, Yunnan. A legacy of esoteric buddhism and burial rites of the Bai people in the Kingdom of Dali (937–1253) // Artibus Asiae. 1997. Vol. 57, № 1/2. P. 33–72.

8. Ma Jianxiong. Re-creating Hui identity and the charity network in the imperial extension from Ming to Qing in the southwest Chinese frontier // *Charities in the non-western world: The development and regulation of indigenous and Islamic charities*. (R. A. Brown, J. Pierce, Eds.). Routledge, 2013. P. 147–170.
9. McCarthy S. K. The Dai, Bai, and Hui in historical perspective // *Communist multiculturalism: Ethnic revival in Southwest China*. University of Washington Press, 2009. P. 49–69.
10. Rowe W. T. Education and empire in southwest: Ch'en Hung-mou in Yunnan, 1733–38 // *Education and society in late imperial China, 1600–1900*. (B. A. Elman, A. Woodside, Eds.). Berkeley: University of California Press, 1994. P. 417–457.
11. Wright E. E. Re-writing Dali: The construction of an imperial locality in the borderlands, 1253–1679: PhD Diss. University of California, Berkeley, 2019. 217 p.
12. 段鼎周, 傣人西爨白蠻和白人, 各有自己的源流 / 雲南學術探索, 1994第2期, 52–56頁 (Дуань Динчжоу. *Убожэнь, баймань* из Западной Цуани и *байжэнь* имеют разные истоки // Научный поиск Юньнани. 1994. № 2. С. 52–56).
13. 連瑞枝, 大理山鄉與土官政治: 雞足山佛教聖地的形成 / 漢學研究, 2015 第33卷第3期, 131–168頁 (Лянь Жуйчжи. Горные районы Дали и политика туземных чиновников: формирование священной буддистской земли в Цицзю-шань) // *Синологические исследования*. 2015. Т. 33 (3). С. 131–168).

Поступила в редакцию 03.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Ekaterina A. Zavidovskaya, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Ivan Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8369-7776; katushaza@yahoo.com

Anna M. Kharitonova, Assistant Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

RELIGIOUS TERRAIN OF YUNNAN PROVINCE **(in the Qing-period album from the collection of the Scientific Library** **of Saint Petersburg State University)**

Abstract. The hand-written Qing-period album about Yunnan Province from the Scientific Library of Saint Petersburg State University (No Xyl. F-25, created around the 1830s or 1840s) contains 76 maps of Yunnan Province and its territories with descriptions and pictures. Its aim was to provide readers with an overview of the historical background of each administrative unit and the distinct characteristics of the region. Apart from the information on administrative reforms, details on lifestyles and clothing of various ethnic groups, and amazing natural phenomena, the texts of the studied album briefly mention various religious practices of both Han and aboriginal populations. The significance of the study stems from the insufficient knowledge of such albums. The originality of the research can be attributed to the uniqueness of the historical source and its introduction into scholarly circulation. The purpose of the article is to provide explanations for the brief information from the album about the religious situation in Yunnan Province. The main objective of the article is to describe the key religions and practices mentioned in the album: the religious life of the Yunnanese society as Confucianism, development of educational institutions, diversity of temples in the urban areas of Yunnan, specifics of local Buddhism, and ritual practices of local peoples. The study of the album leads to the conclusion that in the Ming period a social class of the educated Confucian elite began to develop in Han-populated areas of the province. This group actively sought to establish various educational institutions and venerate Confucius together with local officials. Merchants and salt traders were involved in the financial support of Buddhism and Daoist temples, while certain local ethnic groups engaged in the worship of Buddha, reflecting the enduring influence of Buddhist practices from the Nanzhao and Dali states.

Keywords: Yunnan, source, Chinese book collection, Qing period, Confucianism, Buddhism, Yizu

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Chinese Academy of Social Sciences as part of the project No 21-59-93001 “Collections of Chinese Manuscripts and Early Printed Books in Scientific Institutions of Saint Petersburg: Attribution, Research, and Systematization”.

For citation: Zavidovskaya, E. A., Kharitonova, A. M. Religious terrain of Yunnan Province (in the Qing-period album from the collection of the Scientific Library of Saint Petersburg State University). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):25–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1039

REFERENCES

1. Mayatsky, D. I., Mironova, T. S., Somkina, N. A. Mores of the peoples of China. Illustrated description of the peoples of the south and the west of Yunnan Province. St. Petersburg, 2020. 124 p. (In Russ.)
2. Atwill, D. G. The Chinese Sultanate: Islam, ethnicity, and the Panthay Rebellion in Southwest China, 1856–1873. Stanford, 2005. 264 p.
3. Bryson, M. Goddess of the frontier: Religion, ethnicity, and gender in Southwest China. Stanford, 2017. 246 p.
4. Chapin, H. B. Yünnanese images of Avalokiteśvara. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1944;8(2): 131–186.
5. Chung, Yun-ying. Belief and faith: The situation and development of Confucianism in Yunnan Province. *The varieties of Confucian experience documenting a grassroots revival of tradition*. (Sébastien Billiouded, Ed.). Leiden, 2018. P. 122–152.
6. Giersch, C. P. Asian borderlands: The transformation of Qing China's Yunnan frontier. Harvard University Press, 2006. 308 p.
7. Howard, A. F. The dhāraṇī pillar of Kunming, Yunnan. A legacy of esoteric Buddhism and burial rites of the Bai people in the Kingdom of Dali (937–1253). *Artibus Asiae*. 1997;57(1/2):33–72.
8. Ma, Jianxiong. Re-creating Hui Identity and the charity network in the imperial extension from Ming to Qing in the southwest Chinese frontier. *Charities in the non-western world: The development and regulation of indigenous and Islamic charities*. (R. A. Brown, J. Pierce, Eds.). Routledge, 2013. P. 147–170.
9. McCarthy, S. K. The Dai, Bai, and Hui in historical perspective. *Communist multiculturalism: Ethnic revival in Southwest China*. University of Washington Press, 2009. P. 49–69.
10. Rowe, W. T. Education and empire in southwest: Ch'en Hung-mou in Yunnan, 1733–38. *Education and society in late imperial China, 1600–1900*. (B. A. Elman, A. Woodside, Eds.). Berkeley, 1994. P. 417–457.
11. Wright, E. E. Re-writing Dali: The construction of an imperial locality in the borderlands, 1253–1679: PhD Diss. Berkeley, 2019. 217 p.
12. 段鼎周, 焚人西爨白蠻和白人, 各有自己的源流 / 雲南學術探索, 1994第2期, 52–56頁.
13. 連瑞枝, 大理山鄉與土官政治: 雞足山佛教聖地的形成 / 漢學研究, 2015 第33卷第3期, 131–168 頁.

Received: 3 April 2024; accepted: 29 April 2024

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

ОСВЕЩЕНИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ 175-ЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ

А н н о т а ц и я . Рассмотрены юбилейные публикации эмигрантских газет, направленные на формирование у читателей желаемого образа университета. Это в основном репортажи о торжествах, обзоры исторического прошлого, характеристика достижений профессоров и научных школ, оценка студенческого движения и будущего университета. В результате исследования делается вывод о том, что прокламируемый принцип аполитичности при освещении юбилейных торжеств и исторической миссии университета не соблюдался. Поэтому при изучении материала газет следует учитывать их направленность и политическую позицию, занимаемую издателем и редакцией. Важным является учет возможностей главного редактора по привлечению тех авторов статей и мемуаров, которые в прошлом были связаны с университетом и могли поделиться своими знаниями и воспоминаниями. Индивидуальные способности мемуаристов представить адекватный и полный образ *alma mater* нужно также принимать во внимание при оценке источников. Наконец, значимым является место издания газет, так как члены их редакций вынуждены были учитывать прошлые взаимоотношения стран-реципиентов с Россией, а также нынешнюю правительственную политику по отношению к русским диаспорам. Все это приводит к выводу о многообразии представлений в газетах облика Московского университета. Методом изучения этого множества образов является их деконструкция, позволяющая понять цели, мотивы и принципы их формирования у предполагаемых читателей, а значит, значение для складывания культурно-исторической идентичности российских пореволюционных эмигрантов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Московский университет, юбилей, образ, российская пореволюционная эмиграция, газеты

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена в ПетрГУ при поддержке гранта РНФ в рамках проекта «Празднование 175-летия Московского университета и академическое сообщество пореволюционной российской эмиграции», № 23-28-00836.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Антощенко А. В. Освещение празднования 175-летия Московского университета в эмигрантской прессе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1040

ВВЕДЕНИЕ

Изучение юбилейных торжеств и создаваемых в ходе их празднования образов университетов в последние годы становится все более важным направлением общего исследования истории университетского образования в России [8], [9]. Не стал исключением 175-летний юбилей Московского университета, широко отмеченный во всех ведущих центрах русского зарубежья. Исследователи коммеморативных практик начали с изучения праздничных мероприятий прежде всего в Париже [3], а затем и в других столицах стран-реципиентов, где волею судьбы

оказались изгнанники из Советской России [1]. Затем были предприняты попытки определения места этих торжественных событий в праздничной культуре российских пореволюционных эмигрантов, перенесенной ими за рубеж и развитой в новых условиях [4: 359–361], [5: 132–133], [7: 102–105]. Специальное внимание было уделено образу Московского университета, формировавшемуся в ходе празднования и в опубликованных по этому случаю мемуарах [6], [10]. Однако обращение к конкретным данным, ярко и разнообразно характеризующим основные черты изучаемого предмета, вытеснило из поля

зрения вопрос об особенностях источников информации¹, каковыми были эмигрантские газеты. Именно они, являясь одним из ведущих средств формирования образа университета, выступают в то же время значимым историческим источником, игнорирование специфики которого может привести к не вполне адекватным представлениям о формируемом образе, который на поверку оказывается многообразным. Характеристика этого многообразия является целью данной статьи.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУБЛИКАЦИЙ

С инициативой празднования 175-летия Московского университета 25 января 1930 года, то есть в Татьянин день, выступили члены созданного в Париже Общества бывших выпускников Императорского Московского университета². На первом заседании 15 мая 1929 года они образовали юбилейный комитет, в который *in cogroge* вошел Президиум общества, получивший право широкой кооптации для пополнения своих рядов. Инициатива была подхвачена в другом крупном центре российской пореволюционной эмиграции – Праге, где юбилейный комитет начал работу 2 июля 1929 года. В интенсивной переписке между уполномоченными представителями этих двух комитетов наметились наиболее значимые требования к подготовке и проведению предстоящих торжеств. Среди них на первое место можно поставить аполитизм, который должен был устранить возможные разногласия между организаторами и участниками праздника, вызываемые различиями их политических пристрастий. Понятно, что это требование не распространялось на отношение к политике большевистской власти, общее отрицательное отношение к которой было основой негативной идентичности большинства эмигрантов, противопоставления «мы» и «они». Неразрывно связанным с требованием аполитизма выступало стремление придать как можно больший размах празднованию. Этому должны были служить, с одной стороны, создаваемые юбилейные комитеты, в состав которых стремились включить наиболее известных и пользующихся популярностью эмигрантов. С другой – широкое освещение их деятельности по подготовке и проведению торжественных мероприятий в эмигрантской прессе.

Уже с лета 1929 года в ведущих русскоязычных газетах стали появляться заметки о ходе подготовки к празднованию в специально отводимых для этого разделах «175-летие Московского университета». Крещендо достаточно стройно

прозвучавшего оркестра, в обычных условиях нередко порождавшего диссонанс из-за политических разногласий редакторов эмигрантской прессы, пришлось на 25 января 1930 года, которое в этот год было субботним днем. Так что материалы о торжествах публиковались в номерах газет, являющихся обычно итоговыми за неделю. Это позволяло преподнести их по-особенному, порадовать подписчиков обширным интересным материалом, отвечая тем самым настроению читающей публики, ждущей от уикенда если не праздника, то, по крайней мере, отдыха от повседневных дел.

Неудивительно, что большинство публикаций сопровождалось иллюстрациями. Визуализация давала возможность воочию представить прошлое. С одной стороны, она служила убедительности, порождаемой непосредственным восприятием изображения. Особенно важным это было в случаях с далеким прошлым, когда представлялся образ «другого», но родного. Хотя здесь следует отметить размытость грани при переходе от «другого» к «своему» в зависимости от возраста читателей. Для всех образ инициатора создания Московского университета М. В. Ломоносова был знаком лишь по портрету австрийского художника Г. Преннера или его репродукциям. Для большинства портреты значительной части профессоров прошлого века были лишь воспроизведением облика тех, кого они никогда не видели живьем. И только немногие фотографии или портреты конца XIX века могли у части читателей вызвать живые воспоминания, как, скажем, изображение знаменитого историка В. О. Ключевского могло напомнить о его манере чтения лекций, воскрешая в памяти его голос и интонации. К этому следует добавить и еще один важный аспект визуализации – ее символический характер. Фотографии в газетах тех или иных профессоров являлись зримым символом-знаком выдающихся ученых, причем легко воспринимаемым в силу возраста той части читателей, которая пережила, так или иначе, символизм как культурно-художественное явление. При этом эмоциональная окрашенность символов была заранее задана, так как они воспринимались как родные, а не чуждые. К последним относились лишь те, что отвергались, – признаки большевистского правления, которые воспроизводились только эмоционально-словесно (клишированное описание должно было порождать негативные эмоции).

Показательно, что юмор, присущий студенческой жизни, практически не присутствовал в публикациях. Это объясняется, очевидно, тем,

что шутивное представление материала не подбало торжественности момента. В репортажах газетчиков наиболее полно фиксировались лишь выступления на торжественных актах. Возможно, что на банкетах, особенно в частных разговорах, разного рода юмористические воспоминания всплывали, но они не могли найти места в газетных публикациях из-за обобщенной характеристики царившей на них атмосферы. Лишь в газете «Время» был помещен один юмористический рассказ «Экзаменационные кроки»³.

ЭМИГРАНТСКИЕ ГАЗЕТЫ О ТОРЖЕСТВАХ

Характер публикаций зависел от таких возможностей редакций, как его политическая направленность, объемы и периодичность издания, личные склонности, авторитет и связи главного редактора. П. Б. Струве, редактировавший в это время выходивший в Париже еженедельник «Россия и славянство», почти все восемь страниц выпуска 25 января отдал под юбилейные материалы, которые иллюстрировались тремя фотоснимками «старого» и «нового» зданий университета и его актовом зала, а также восемнадцатью портретами и фотографиями профессоров, включая скульптуру известного хирурга Н. И. Пирогова. Для политических новостей в номере он оставил лишь две колонки «Дневника политика», который в этот день переместился с первой на последнюю страницу издания. Наряду с написанными им передовицей «Московский университет» и биографической зарисовкой о Д. Л. Крюкове редактор поместил очерки о научных школах и обществах Московского университета, многочисленные воспоминания выпускников, охватывающие период с конца XIX века и вплоть до начала большевистского правления на родине, а также стихотворное приветствие юбиляру, написанное поэтессой Любовью Столицей. Воспоминания профессора болгарина С. С. Бобчева и академика серба А. И. Белича⁴ о Московском университете и чеха Н. Поспишила о Киевском университете оправдывали международную направленность издания⁵, которая подтверждалась также помещением репортажей о торжествах в столицах, прежде всего, славянских стран⁶.

Парижское «Возрождение», редактируемое в это время Ю. Ф. Семёновым, в вышедшем 25 января номере разместило на первой странице рядом с двумя фотографиями здания университета, портретами императрицы Елизаветы Петровны и М. В. Ломоносова редакционную статью «Знамя просвещения», выдержки из Указа об образовании университета, ломоносовские «речения»

и его «Оду 1747 года», список выдающихся выпускников⁷ и очерк Н. С. Тимашева «Потомство юбиляра»⁸. На второй и четвертой страницах приводилась краткая информация о торжественном заседании в зале Гава с упоминанием о назревавшем скандале, чуть не произведенном выступлением П. Н. Милюкова⁹. Подробный разбор скандальной и «скучной лекции» (по определению редакции) на нем лидера Республиканско-демократической группы Партии народной свободы, а также изложения речей других ораторов были представлены на следующий день¹⁰. Здесь же упоминался торжественный молебен в соборе Александра Невского¹¹. 31 января в газете был опубликован русский перевод выступления на торжественном заседании В. А. Маклакова¹², произнесшего свою речь по-французски.

Милюковские «Последние новости» открывались редакционной статьей «Университетская годовщина»¹³, в которой давалась характеристика Московского университета как «рассадника высшего гуманитарного и политического образования в России», страдавшего в прошлом от «экспериментирования» над ним царского самодержавия, а ныне – большевиков, одинаково не заинтересованных в просвещении народа, опасном для власти. Помимо редакционной статьи Татьянин день был отмечен яркими и живо написанными воспоминаниями о студенческих годах в Московском университете Н. Н. Кнорринга¹⁴, что можно оценить как своеобразный анонс «Юбилейного сборника»¹⁵, издание которого не поспевало к праздничной дате. На следующий день газета поместила обзор торжественного собрания в зале Гава, отметив «в высшей степени содержательную» речь на нем редактора издания¹⁶. В двух последующих номерах появился ее полный текст. В начале февраля были опубликованы репортажи о праздновании в Париже (очень яркий экспрессионистский очерк Дон Аминадо), Берлине, Праге и Хельсинки (в общем-то, формальные и сухие)¹⁷.

25 января в белградском «Новом времени» его редактор М. А. Суворин отвел материалам о юбилее первую, вторую и часть третьей страницы, представив читателям редакционную оценку значения Московского университета, очерк профессора Е. В. Спекторского о Ломоносове, воспоминания А. В. Еропкина, а подвал отведя живо написанному С. Оремом очерку, посвященному традиции празднования Татьянина дня. Через два дня изданием был опубликован краткий отчет о панихиде в Белградской церкви, торжественном заседании в актовом зале Белградского университета и товарище-

ском ужине в ресторане «Mon Repos». Наконец, 30 января газета перепечатала воспоминания выпускника 1865 года князя Д. Д. Оболенского из «Юбилейного сборника», а также выступление П. Б. Струве на юбилее.

25 января в рижской газете «Сегодня» редактировавший ее М. И. Ганфман поместил в качестве передовицы свой очерк о миссии Московского университета «Вечная связь» и фотографию его здания на Моховой. Внизу страницы была опубликована репродукция известной картины Л. О. Пастернака, изображающая историка В. О. Ключевского, читающего лекцию в Училище живописи, ваяния и зодчества, но перенесенного подписью почему-то на кафедру в Московском университете. На второй странице располагалась программа празднования в Риге и редакционная статья «Латыши и Московский университет», главная идея которой о значении университета для формирования латышской интеллигенции стала ведущей в ходе торжеств. Визуально она подкреплялась фотографией кружка студентов-латышей, учрежденного А. И. Занденбергом в 1880 году, помещенной на четвертой странице. На последней странице публиковались стихи Лере, посвященные юбилею. В следующих двух номерах давался подробный обзор торжественного акта и Татьянинского бала. Здесь же помещались продолженные в последующих номерах репортажи от корреспондентов из соседних прибалтийских стран (из городов Ковно и Юрьева, как по привычке называли их корреспонденты) и из столиц государств Центральной Европы (Берлина и Праги).

«Новое русское слово», выходявшее в Нью-Йорке под редакцией М. Е. Вейнбаума, отвило для освещения юбилейного события вторую и третью страницы сдвоенного номера за 24–25 января. А. Л. Фовицкий, принявший эстафету представительства Общества бывших воспитанников и преподавателей Московского университета в Нью-Йорке от профессора И. М. Гольдштейна, кратко охарактеризовал значение университета для развития науки, просвещения и культуры¹⁸. Выпускники разных лет М. Я. Каменский, М. М. Карпович и И. С. Назаров поделились с читателями своими воспоминаниями о времени учебы в университете¹⁹. Доктор М. С. Зернов воспользовался случаем, чтобы от имени Московского землячества в Париже призвать своих соотечественников, живущих в США, пожертвовать на создание юбилейного фонда Московского университета²⁰. Через день газета поместила репортаж с «им-

позантно и торжественно» прошедшего праздника²¹.

26 января редактировавший берлинский «Руль» И. Р. Штейн поместил на второй и третьей страницах газеты информацию о праздновании юбилея в Берлине (среди них – неподписанное выступление на торжествах С. Л. Франка²²) и о первых шагах университета. В течение следующей недели газета систематически освещала юбилейные события в европейских столицах в специальной рубрике «Татьянин день». Софийский «Голос» наряду с анонсом и описанием торжеств в болгарской столице поместил список 102 выпускников Московского университета, проживавших в Болгарии²³. Выходившая в Варшаве газета «За свободу» также анонсировала торжественные мероприятия и представила их описания²⁴. Шанхайское «Время» под редакцией Б. А. Суворина на первой странице разместило фотографию здания университета, а на второй – текст гимна «Gaudeamus», редакторскую зарисовку о Татьянинном дне и выдержки из очерка профессора А. А. Кизеветтера «Московский университет и его традиции», отведя подвал уже упоминавшейся юмореске «Экзаменационные кроки». Пражский еженедельник «Неделя», редакторами которого были В. И. Ильинский и С. Я. Савинов, поместил в двух выпусках 24 и 31 января соответственно краткий анонс предстоящего юбилея, написанный бывшим ректором университета М. М. Новиковым, и столь же краткий отчет о праздновании в Праге, в котором особо отмечалось присутствие официальных лиц из министерств и представителей чехословацкой общественности²⁵.

Скромные по размерам (двухстраничное издание) «Вести дня», выходявшие в Таллинне, 25 января проинформировали читателей о программе университетского юбилея в Юрьеве²⁶, а через три дня представили вниманию читателей подробный отчет о ее реализации²⁷. На следующий день газета сообщила о прошедшем праздновании в Печорах (тогда эстонский Petseri / Петсери)²⁸.

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Репортажи о чествовании юбиляра на газетных полосах соседствовали с характеристиками его исторического пути. Правда, в отличие от последовательного и цельного очерка истории Московского университета, подготовленного А. А. Кизеветтером для «Юбилейного сборника»²⁹, этот путь представлялся в отдельных небольших заметках полуисторического

или мемуарного характера. История XVIII века – отдаленная и менее памятная современникам – представляла как в виде «беспорядочных заметок», подобно «связкам пожелтевших» листов, извлекаемых И. С. Лукашем из старинной «дорожной шкатулки» и призванных передать «живое дыхание старины»³⁰, так и в виде выдержек из государственных постановлений, то есть императорских указов и сенатских решений, а также полусатирических зарисовок анекдотического свойства в духе того времени, прежде всего об иностранных профессорах у Е. А. Фальковского³¹. В отличие от И. С. Лукаша и Е. А. Фальковского, В. К. Абданк-Коссовский представил развернутый очерк формирования образовательных учреждений начиная с правления Петра I, поместив факт создания Московского университета в историческую перспективу перехода от утилитарной направленности обучения при нем к постепенной гуманизации образования при Елизавете Петровне и к формированию «новой породы людей» при Екатерине Великой, хотя и не скрывал негативных сторон университетских «нравов» того времени. При этом первенство по времени создания Петербургского университета при Академии наук признавалось, но всячески принижалось его значение, и проводилась идея постепенного вытеснения иностранных профессоров и обретения самостоятельности русской науки, в чем подчеркивалась особая роль Московского университета. Основой для такой трактовки являлись мысли М. В. Ломоносова о том, что при Академии «не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно», а также его известное поэтическое изречение: «Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать». Неудивительно, что репродукции его портрета, написанного австрийским художником Г. Преннером, были помещены в ряде юбилейных выпусков эмигрантских газет, а идеализированно-романтический очерк его биографии, подготовленный профессором Е. В. Спекторским, был опубликован в «Новом времени»³².

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ, НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И ШКОЛЫ

Более близкий XIX век представлялся в эмигрантской печати в виде очерков о выдающихся ученых, научных школах и воспоминаний отдельных выпускников.

П. Б. Струве, выступая в несколько непривычной для него роли историка науки, решил напомнить читателям «России и славянства» о «по-

лузабытом “публикой” московском профессоре» Д. Л. Крюкове³³. При этом в отличие от привычного подчеркивания особой роли Т. Н. Грановского в становлении науки всеобщей истории в Московском университете он указал на большую, хотя и скромную заслугу Д. Л. Крюкова в научном изучении отличия плебеев от патрициев по происхождению и культуре. Не претендуя на всестороннюю характеристику биографии московского профессора, П. Б. Струве тем не менее очень точно подметил значение Дерптского педагогического института и заграничных командировок для формирования профессиональных качеств ученых его поколения. Критерием же значимости научных исследований Д. Л. Крюкова для П. Б. Струве являлось признание их результатов международным научным сообществом. Последнее позволяло ему поставить московского историка и правоведа в один ряд с Дж. Вико, Б. Г. Нибуром и Н. Д. Фюстель де Куланжем.

Вспоминая ступени своего обучения, сделавшего из него в конечном итоге известного врача³⁴, М. С. Зернов критиковал однобокий «классицизм» в гимназиях того времени и ратовал за прочный общеобразовательный фундамент для медицинского образования. Характеристика состояния обучения на медфаке была представлена перечислением имен светил факультета с выделением троих: А. И. Бабухина, лекторский талант которого позволял ему вводить в изложение даже такого специального предмета, как гистология, «экскурсы в область других наук, философии, истории и даже литературы», делавшие ее чрезвычайно привлекательной для студентов научной дисциплиной, Г. А. Захарьина, основавшего клиническое преподавание, и А. А. Остроумова, подводившего под медицинские дисциплины прочный теоретический фундамент. Упоминание о памятном избиении охотнорядцами студентов, в которых «купеческая» Москва видела сторонников политических смутьянов, стало поводом для подробной характеристики хорошо известной М. С. Зернову по собственному опыту студенческой самоорганизации в форме касс взаимопомощи, библиотек-читален, студенческих столовых, существовавших при поддержке, с одной стороны, московского общества, а с другой – А. А. Сабурова в его кратковременное пребывание на посту министра народного просвещения.

Значимой темой воспоминаний были научные общества и школы, складывающиеся в университетских стенах. Л. М. Сухотин в статье об Обществе истории и древностей российских³⁵, созданном при Московском университете в 1804 году, представил его краткую историю. Бегло охарак-

теризовав начальный период его работы, когда в нем сочетались любительское и профессиональное начала, автор особо подчеркнул роль попечителя Московского университета графа С. Г. Строганова, долгое время председательствовавшего в обществе и добившегося императорского покровительства и субсидий на издание «Чтений». Центральное место при характеристике результатов деятельности общества отведено изданию «Чтений», в которых со времени секретарства и редакторства О. М. Бодянского наметилось возрастание интереса к истории славянства, что привело к избранию в члены общества представителей славянских народов. Упомянул Л. М. Сухотин и правительственную реакцию николаевского периода, и замену «Чтений» благонамеренным «Временником». Надежды, которые породило избрание председателем общества С. М. Соловьева, не успевшего из-за преждевременной смерти воплотить свои планы, в мемуарах Л. М. Сухотина сменились упадком деятельности общества при председательстве И. Е. Забелина. Живые воспоминания мемуариста свидетельствовали о возрождении славянских традиций общества при председательстве В. О. Ключевского, которого автор уже не застал, но позитивное влияние которого он видел и после его ухода с поста председателя. Наконец, глухая ссылка на современное жалкое существование общества вполне вписывалась в общий дискурс упадка научной деятельности ученых Московского университета при большевиках.

Не только воспоминания, но и характеристики А. И. Беличем московской лингвистической школы, созданной Ф. Ф. Фортунатовым³⁶, и Д. П. Рябушинским Московского математического общества³⁷, из которого выросло несколько научных школ, интересны тем, что выражают различия двух подходов к восприятию условий и содержания формирования научного знания – гуманитарного и естественно-научного, а также двух этапов этого процесса.

Для А. И. Белича было свойственно скорее романтическое представление о науке филологии, которое основывалось на «любви к слову», что предполагало единство личностного отношения к предмету исследования и общепринятости его результатов. Поэтому достоинство Ф. Ф. Фортунатова он видел в способности «соединить в себе человека и мыслителя-ученого», а также объединить вокруг себя «людей, живших лингвистической наукой». Лежащее в основе такого подхода единение «души» (или «сердца») и «разума», с первенством того или другого в зависимости от личностных особенностей

ученого, создавало своеобразную научную атмосферу, выразившуюся в неразрывности жизненного быта и научного исследования. Научная школа при этом становилась большой семьей, для которой была характерна близость исследовательских идей и подходов, воспринимаемая как душевное родство.

У Д. П. Рябушинского отчетливо проявляется строго позитивистское отношение к науке как получению и распространению новых знаний, когда именно их новизна и общепринятая обязательность становятся главным мерилем достижений. Вполне логично при таком подходе специализация выступала как показатель развития научного знания и условие получения новых достижений, что выражалось в их конкретности, но и порождало известного рода сухость характеристик успехов, обеспечивавших первенство в мировом масштабе науки. Такой подход позволял Д. П. Рябушинскому не исключать из числа упоминаемых ученых тех, кто оставался в СССР. В основном этот принцип был характерен и для упоминавшегося уже М. С. Зернова при определении им достижений профессором-медиков, несмотря на то что их научное поле в конце XIX века все более оказывалось расположенным на границе между гуманитарным и естественно-научным знанием.

Выпускники юридического факультета не только не могли похвастаться научными школами, традиции которых можно было бы продолжать, но даже лекции большинства преподавателей конца XIX века вызывали в их памяти тоску и скуку³⁸. Правда, среди профессоров факультета были два общепризнанных светила – А. И. Чупров и И. И. Янжул, сочетавшие преподавание с общественной деятельностью. Как их достойных преемников С. Л. Франк вспоминал еще тогда только начинавших свою карьеру приват-доцентов П. И. Новгородцева и А. А. Мануйлова, а также С. А. Муромцева, председательствовавшего на заседаниях Юридического общества.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БУДУЩЕЕ УНИВЕРСИТЕТА

Еще одной общей темой воспоминаний являлось студенческое движение. Однако представление о нем зависело во многом от его этапов и восприятия в той или иной мере затронутых этим движением выпускников университета. Уже отправные для публикуемых мемуаров точки отсчета – годы «деляновского министерства», «брызгаловская история», препровождение студентов в Манеж, а затем и в Бутырскую тюрьму – изображались двумя

сибиряками, оказавшимися в старой столице, по-разному. И. С. Назаров, для которого, судя по всему, увлечение протестным движением ограничилось студенческими годами, вспоминал об этом скорее иронично-шутливо. Не случайно его воспоминания о пребывании в Бутырках заканчивались замечанием: «Посидели, пошалили, а теперь пора было расходиться по домам»³⁹. А. А. Аргунов, не только оказавшийся в студенческие годы в тюремном заключении, но и перешедший затем на нелегальное положение и участвовавший в создании партии эсеров⁴⁰, представлял развитие студенческого движения, связывая его с более широким освободительным движением. Проследившая его нарастание от единичных протестов студентов и столкновения с охотнорядцами к многочисленным студенческим сходкам, он отмечал расширение его размаха, превращавшего студенческое движение в общероссийское, а также рост организованности и переход от академических требований к политическим⁴¹. Вместе с тем в его воспоминаниях намечалась идейная эволюция студенчества того времени от народничества к марксизму, при характеристике которой его симпатии в силу партийной принадлежности были на стороне народников⁴². С Л. Франк, увлекавшийся марксизмом в студенческие годы, также отмечал эту эволюцию, но с другим акцентом⁴³. Для студента более позднего времени Н. Н. Кнорринга это был уже переход «от марксизма к идеализму»⁴⁴. В своих воспоминаниях-размышлениях он признавал неизбежность «вторжения улицы» в стены университета и искал возможности противостоять негативным последствиям этого при «мудром руководстве», пример которого являл выбранный ректором после частичного восстановления университетской автономии князь С. Н. Трубецкой. Эту же тему подробно развивал И. М. Херасков в своих воспоминаниях о студенческих волнениях рубежа XIX–XX веков, считавший, что благодаря воздействию внешних обстоятельств «политикам» удалось тогда одержать верх над «академистами»⁴⁵. Учившийся чуть позже на том же историко-филологическом факультете Н. С. Арсеньев вспоминал о восстановлении академической работы в университете после революционного бурления 1905 года, также отмечая в студенческой среде поворот от позитивизма к идеализму и религиозному мировоззрению, плодотворное влияние на студентов братьев С. Н. и Е. Н. Трубецких⁴⁶. С. С. Ольденбург, сосредоточившись исключительно на политической борьбе в среде студенчества в 1906–1910 годах, показал, как левые партии (прежде всего социал-демократы) утратили свою

лидирующую позицию в среде студенчества, что проявилось во время студенческой забастовки 1908 года, прекращенной «конституционными средствами», то есть организованным голосованием, а не митинговым решением студенческой сходки⁴⁷.

В воспоминаниях о последних предреволюционных годах жизни Московского университета М. М. Карпович⁴⁸ и Л. И. Львов⁴⁹ упоминали о «кризисе» при министерстве Л. А. Кассо, но оба выражали уверенность, что университет способен был преодолеть его, сохраняя верность принципам классической модели университетского образования – свободы преподавания и исследовательской деятельности. При этом, учитывая специфику положения своих читателей, знакомых с пробольшевицкой пропагандой, М. М. Карпович указывал на демократический и общенациональный характер образования в дореволюционных университетах. Л. И. Львов начинал составление скорбного мартиролога профессоров университета, значительно пополнившегося в связи с приходом к власти большевиков, и особо отмечал готовность бороться с ними не только преподавателей, но и студентов. Эту линию, возведенную в академическую традицию, продолжал в своих воспоминаниях А. И. Ильин⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Охарактеризованные публикации эмигрантских газет, появившиеся в связи с празднованием 175-летия Московского университета, дают обширный и разносторонний материал для рассмотрения способов формирования у читателей восприятия желаемого образа юбиляра. Несмотря на прокламируемую беспартийность подхода к освещению юбилейных торжеств и воспроизведению миссии и прошлого университета, при изучении материала источников следует учитывать общую политическую направленность той или иной газеты и позицию, занимаемую издателем и редакцией. В последнем случае немаловажно учитывать возможности привлечения определенного круга авторов, которые отбирались, но и сами могли не только согласиться, но и отказаться от участия в издании. Это обстоятельство, наряду с учетом того, насколько полно и адекватно представлялся образ *alma mater* ее питомцами, опирающимися на свои субъективные воспоминания, переосмысливаемые в новых условиях эмиграции, приводило к вынужденной пристрастности и односторонности. Не менее значимым оказывалось и место издания газет, редакциям которых приходилось учитывать прошлое

и нынешний характер взаимоотношений стран-реципиентов, в которых они оказались, с Россией и с формирующимися в них русскими диаспорами. В результате калейдоскоп воспроизведения облика Московского университета становился еще более сложным. Все это говорит в пользу того, что дальнейшее изучение его образа, а точнее – образов, требует учета всех этих обстоятельств. Оно должно вести не к воспроизведению (по-

просту новому конструированию) обобщенного облика и единой образовательной традиции, как это нередко делают некоторые современные исследователи, а к деконструкции тех образов, которые стремились сформировать у своих читателей газетные репортеры и приглашенные авторы. Только так можно будет лучше понять цели и принципы такого смыслообразования и причины многообразия облика юбиляра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В статье С. И. Гореловой вводится в научный оборот новый архивный документ – тезисы доклада Е. Ф. Шмурло [2], однако это не снимает вопроса о характере основного источника формирования образа юбиляра, каковым являлась пресса.
- ² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 8. Л. 191.
- ³ Экзаменационные кроки. Из воспоминаний старого московского студента // *Время*. 1930. 25 янв. С. 2.
- ⁴ П. Б. Струве опубликовал также полный текст выступления А. И. Белича на торжествах в Белграде. См.: Белич А. Чем был русский университет? // *Россия и славянство*. 1930. 1 фев. С. 2, 7.
- ⁵ Все указанные публикации, как всегда, анонсировались на первой странице. См.: Содержание номера // Там же. 1930. 25 янв. С. 1.
- ⁶ Варшавский С. Татьянин день в Чехословакии. Письмо из Праги // Там же. 1930. 1 фев. С. 6; Осведомитель. Собрание в честь 175-летия Московского университета в Белграде // Там же. 1 фев. С. 7; Варшавский С. Анкета к Татьянину дню. Письмо из Праги // Там же. 8 фев. С. 6; Ламский В. К. Юбилей Московского университета в Болгарии. Письмо из Софии // Там же. Помимо этих репортажей был опубликован также обзор торжеств в Париже, где издавалась газета: Празднование 175-летия Московского университета в Париже // Там же. 1 фев. С. 7.
- ⁷ Студенты Московского университета // *Возрождение*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Юбилей И. М. университета // Там же. С. 2.
- ¹⁰ 175-летие Московского университета // Там же. 1930. 26 янв. С. 4.
- ¹¹ Торжественное молебствие // Там же. С. 4.
- ¹² Московский университет. Речь В. А. Маклакова // Там же. 1930. 31 янв. С. 3, 5.
- ¹³ Университетская годовщина // *Последние новости*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ¹⁴ Кнорринг Н. Н. В стенах университета // Там же. С. 3.
- ¹⁵ Ср.: Кнорринг Н. Н. Из жизни московского студенчества в начале XX века. Памяти проф. кн. С. Н. Трубецкого // *Московский университет: 1755–1930*. Париж, 1930. С. 450–466.
- ¹⁶ С. К. 175-летие Московского университета. Торжественное заседание в зале Гаво // *Последние новости*. 1930. 26 янв. С. 2.
- ¹⁷ Н. «Татьянин день» в Берлине (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 1 фев. 1930. С. 3; Мейснер Д. «Татьянин день» в Праге (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 2 фев. 1930. С. 2; К. С. Татьянин день в Гельсингфорсе (от нашего корреспондента) // *Последние новости*. 1930. 11 фев. 1930. С. 2.
- ¹⁸ Фовицкий А. Л. К сегодняшнему торжеству. Собрание в честь Московского университета // *Новое русское слово*. 1930. 24–25 янв. С. 2.
- ¹⁹ Каменский М. Я. Татьянин день (Из жизни Московского университета в начале восьмидесятых годов) // *Новое русское слово*. 1930. 24–25 янв. С. 2–3; Карпович М. М. Московский университет прежде и теперь // Там же; Назаров И. С. Из воспоминаний о Московском университете // Там же. С. 3.
- ²⁰ Зернов М. С. Культурный памятник Московскому университету // Там же.
- ²¹ Татьянин день // *Новое русское слово*. 1930. 27 янв. С. 1.
- ²² Ср.: Праздник русского просвещения (Руль. 1930. 26 янв. С. 2) и изложение выступления С. Л. Франка в газете «Сегодня» (Юрьев К. Татьянин день в Берлине // *Сегодня*. 1930. 30 янв. С. 3).
- ²³ См.: 175-летие Московского императорского университета // *Голос*. 1930. 19 янв. С. 2; Список бывших воспитанников Московского императорского университета, проживающих в Болгарии // Там же. 26 янв. С. 2; Татьянин день (175-летний юбилей Московского университета) // Там же.
- ²⁴ Татьянин день в Варшаве // *За свободу*. 1930. 17 янв. С. 4; К юбилею Московского университета // Там же. 23 янв. С. 5; 175-летие Московского университета // Там же. 27 янв. С. 4.
- ²⁵ Новиков М. М. 175-ый Татьянин день // *Неделя*. 1930. 24 янв. С. 1; Юбилей Московского университета // Там же. 31 янв. С. 3.
- ²⁶ 175-летие Московского университета // *Вести дня*. 1930. 25 янв. С. 1.
- ²⁷ Празднование 175-летия Московского университета в Юрьеве // Там же. 28 янв. С. 1.
- ²⁸ Печоры. Празднование дня Татьяны // Там же. 29 янв. С. 2.
- ²⁹ См.: Кизеветтер А. А. Московский университет. Исторический очерк // *Московский университет: 1755–1930*. Париж, 1930. С. 9–140.
- ³⁰ Лукаш И. Университет двух императриц // *Возрождение*. 1930. 25 янв. С. 3.
- ³¹ Фальковский Е. Первые шаги Московского университета (архивное) // *Руль*. 1930. 26 янв. № 2787. С. 2–3.

- ³² Спекторский Е. Ломоносов // Новое время. 1930. 25 янв. С. 1–2.
- ³³ Струве П. Б. Дмитрий Львович Крюков // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 5.
- ³⁴ Зернов М. С. На медицинском факультете в старое время // Там же. С. 4.
- ³⁵ Сухотин Л. М. Императорское Общество истории и древностей российских // Там же. С. 6.
- ³⁶ Белич А. Из воспоминаний о московском университете // Там же. С. 3.
- ³⁷ Рябушинский Д. П. Московская школа математиков // Там же. С. 5–6.
- ³⁸ См., напр.: Еропкин А. Alma mater // Новое время. 1930. 25 янв. С. 2.
- ³⁹ Назаров И. С. Из воспоминаний о Московском университете // Там же. С. 3.
- ⁴⁰ Думается, что именно поэтому его мемуарам не нашлось места в «Юбилейном сборнике», хотя они были предложены для публикации Пражскому комитету (см.: ГА РФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 8. Л. 417). Также «пражане» отказались от мысли попросить написать воспоминания для сборника казавшихся его составителям чрезмерно радикальными «политиками» в бытность свою студентами И. Г. Церетели и М. С. Аджемова, которые в начале 1900-х годов «держали <...> в руках весь университет» (см.: Там же. Л. 289).
- ⁴¹ См.: Аргунов А. А. Студенческие годы (К 175-летию Московского университета) // Вольная Сибирь: литературно-общественный и экономический сборник. Вып. 8. Прага, 1930. С. 27–33.
- ⁴² Там же. С. 32–33.
- ⁴³ Франк С. Л. На юридическом факультете в 90-х годах // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 4.
- ⁴⁴ Кнорринг Н. Н. В стенах университета // Последние новости. 1930. 25 янв. С. 3.
- ⁴⁵ См.: Херасков И. М. Из истории студенческого движения в Московском университете (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет: 1755–1930. С. 431–449.
- ⁴⁶ Арсеньев Н. С. 1906–1910 гг. // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 4.
- ⁴⁷ Ольденбург С. С. «Политика в университете» (1906–1910) // Там же. С. 6.
- ⁴⁸ Карпович М. М. Московский университет прежде и теперь // Новое русское слово. 1930. 25 янв. С. 2–3.
- ⁴⁹ Львов Л. И. В последнее десятилетие // Россия и славянство. 1930. 25 янв. С. 5–6.
- ⁵⁰ Ильин А. И. Русская академическая традиция // Там же. С. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф., 19–22 сентября 2001 г. Петрозаводск, 2002. С. 73–86.
2. Горелова С. И. Русская эмиграция о 175-летию Московского университета // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 104–112.
3. Гутнов Д. А. Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2004. № 3. С. 88–101.
4. Климович Л. В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-356-368
5. Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. Кн. 25/2. С. 119–138.
6. Кононова М. М. Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 161–165.
7. Муромцева Л. П. Праздники и памятные даты в жизни русской эмиграции // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2013. № 6. С. 92–115.
8. Посохов С. И. Университетская юбилейная культура на востоке Европы // Res Historica. 2015. № 39. С. 171–189. DOI: 10.17951/rh.2015.39.1.171
9. Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142–152.
10. Щелыгина И. В. Воспоминания об alma mater: выпускники Московского университета в эмиграции // Вестник Московского университета. Серия: 8. 2010. № 4. С. 17–34.

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Aleksandr V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

COVERAGE OF THE 175th ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE EMIGRANT PRESS

Abstract. The article examines the anniversary publications of emigrant newspapers aimed at creating the desired image of the university among their readers, in particular the celebration reports, reviews of the historical past, and the assessments of the achievements of professors and scientific schools, the student movement, and the future of the university. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the proclaimed principle of apoliticality when

covering anniversary celebrations and the historical mission of the university was not observed. Therefore, when studying the material of newspapers, one should consider the political orientation and position taken by their publishers and editors. It is important to take into account the editor-in-chief's ability to involve those authors of articles and memoirs who were associated with the university in the past and could share their knowledge and memories with readers. The individual capacity of memoirists to present an adequate and complete image of their alma mater must also be considered when evaluating sources. Finally, the place of publication of newspapers is significant, since members of their editorial boards were forced to keep in mind the past relationships of the recipient countries with Russia, as well as their current government policy towards Russian diasporas. All this brings the author to the conclusion about the diversity of representations of the images of Moscow University in newspapers. The method for studying this multitude of images should be their deconstruction, allowing us to understand the goals, motives, and principles of their formation among implied readers, and, therefore, their significance for the formation of the cultural and historical identity of Russian post-revolutionary emigrants.

Key words: Moscow University, anniversary, image, Russian post-revolutionary emigration, newspapers

Acknowledgements. The study was conducted at Petrozavodsk State University with the support of the Russian Science Foundation grant as part of the project "Celebration of the 175th Anniversary of Moscow University and the Academic Community of the Post-Revolutionary Russian Emigration" (No 23-28-00836).

For citation: Antoshchenko, A. V. Coverage of the 175th anniversary of Moscow University in the emigrant press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1040

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. Celebration of the 175th anniversary of Moscow University in Russian Abroad. *Culture of historical memory: Proceedings of the research conference, 19–22 September 2001*. Petrozavodsk, 2002. P. 73–86. (In Russ.)
2. Gorelova, S. I. Russian emigrants about the 175th anniversary of Moscow University. *Voprosy istorii*. 2005;8:104–112. (In Russ.)
3. Gutnov, D. A. Celebration of the 175th anniversary of the foundation of Moscow University in Paris on 24–26 January 1930. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2004;3:88–101. (In Russ.)
4. Klimovich, L. V. Holidays of Russian emigration as reflection of historical code of pre-revolutionary Russia (1920–1930). *Scientific Dialogue*. 2017;11:356–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-356-368 (In Russ.).
5. Kovalev, M. V. Historical holidays of Russian emigration as a way of preserving collective cultural memory. *Dialogue with Time*. 2008;25/2:119–138. (In Russ.)
6. Kononova, M. M. Traditions of Moscow University: a view from Russian Abroad. *Social Sciences and Contemporary World*. 2002;1:161–165. (In Russ.)
7. Muromtseva, L. P. Holidays and memorable dates in the life of the Russian emigration. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2013;6:92–115. (In Russ.)
8. Posokhov, S. I. Culture anniversaries university in Eastern Europe. *Res Historica*. 2015;39:171–189. DOI: 10.17951/rh.2015.39.1.171 (In Russ.)
9. Repina, L. P. Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography. *Dialogue with Time*. 2017;60:142–152. (In Russ.)
10. Shcheblygina, I. Memoirs on alma mater: graduates of Moscow University in emigration. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2010;4:17–34. (In Russ.)

Received: 12 April 2024; accepted: 29 April 2024

НИКИТА ВАДИМОВИЧ ТИХОМИРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2808-3763; tihomirov_n@rambler.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАРЕЛОВ НОВГОРОДЧИНЫ В НАБЛЮДЕНИЯХ СТУДЕНТА-КОММУНИСТА (по материалам дневника деревенской практики 1928 года)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена малоизученной проблематике истории новгородских карелов. В научный оборот вводится ранее не использованный в исследовательской практике документ, освещающий обыденную жизнь карельского населения Новгородского округа Ленинградской области в конце 1920-х годов. Публикуется дневник деревенской практики студента Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, ставший результатом наблюдений, которые молодой коммунист проводил в населенных пунктах, расположенных близ озера Вельё (на территории современного Демянского района Новгородской области). Актуальность работы обусловлена насущной необходимостью расширения источниковой базы исследований о повседневной жизни народов России в ранний советский период, и в частности новгородских карелов. Документ содержит сведения о быте, социальных отношениях, культурных и религиозных устоях, умонастроениях, исторической памяти и степени вовлеченности населения в мероприятия социалистической перестройки деревни. В тексте запечатлелись особенности мировосприятия его автора – представителя молодого поколения российских коммунистов послереволюционного периода. Публикуемый дневник дополняет этнографические, статистические, делопроизводственные и прочие материалы, привлекаемые для изучения различных сторон жизни карельского населения северо-запада России в первое десятилетие становления советской власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история повседневности, карелы, коммунистический университет, крестьянство, микроистория

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тихомиров Н. В. Повседневность карелов Новгородчины в наблюдениях студента-коммуниста (по материалам дневника деревенской практики 1928 года) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041

ВВЕДЕНИЕ

Общественные процессы в России в начальный период социалистического строительства вызывают устойчивый интерес у историков. При этом остается немало слабо разработанных тем и нерешенных вопросов. Существующие лакуны в научных представлениях связаны с недостаточной исследованностью проблематики повседневной жизни населения в отдельных регионах страны. Это, в частности, касается северо-западного региона РСФСР в 1920–1930-х годах и его деревенских обитателей.

Советским органам был мало известен социально-культурный облик жителей сельской провинции, в особенности поселений, слабо связанных с районными центрами и плохо охваченных государственным надзором. Всесоюзная

перепись населения 1926 года дала большевистскому руководству лишь общие данные по ряду демографических показателей. В то же время успешная советизация общества требовала дополнительных сведений, которые отражали бы умонастроения людей, их отношение к мероприятиям и политике советской власти, степень приверженности прежним убеждениям и т. д.

Большевики, плохо знавшие культуру, язык и образ жизни малых народов СССР [10: 105], стремились решить эту проблему усилением этнографической работы. Одним из объектов исследования стали карелы. К настоящему времени создана обширная литература по истории и культуре карельского населения ряда регионов страны [3], [5], [6]. В то же время некоторые этнотерриториальные группы карелов изучены

слабо, в их числе так называемые новгородские карелы [1: 238].

* * *

В число организаций, способствовавших развертыванию советского модернизационного проекта в Новгородском регионе, входило Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского (ЛО КУНМЗ). Как и прочие коммунистические университеты, вуз готовил кадры для партийной и советской работы. Специфику его деятельности составляла ориентация на представителей финской и эстонской национальностей. Частью образовательного процесса была партийно-производственная практика, которую студенты проходили в деревне, выступая помощниками райкомов и сельсоветов в деле социалистических преобразований. Молодые коммунисты использовались преимущественно для обслуживания «нацменьшинских» поселений.

Итоги своей работы они отражали в отчетах и дневниках, которые вели для предварительного закрепления полученных впечатлений. Отчетных документов, сообщающих о пребывании ленинградцев среди карелов Новгородчины, сохранилось мало, информация о будничной жизни населения представлена в них весьма скупо. В этой связи примечателен дневник студента Фомы Семеновича Хайконена, который проходил практику летом 1928 года в деревнях Полновского и Лычковского районов Новгородского округа Ленинградской области. Документ отложился в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в составе фонда Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского.

Записи сделаны от руки в ученической тетради. Почти отсутствует указание дат, что можно объяснить созданием текста постфактум, когда исследовательская работа была завершена и нужно было подготовить материалы для последующего составления отчета. На это указывает и заметное различие в объеме записей, в одних случаях занимающих несколько строк, а в других – несколько абзацев. Анализ композиции документа наводит на мысль, что автор не столько писал дневник, сколько пытался обобщить впечатления и сформулировать соответствующие выводы.

Хайконен с однокурсником был послан университетом в Новгородский окружной комитет ВКП(б), откуда их отправили обслуживать населенные пункты, сосредоточенные вокруг озера Вельё.

Исторически в пределах Новгородской губернии (в 1927 году включена в состав Ленинградской области) сложились четыре относительно обособленные этнографические группы карелов: тихвинские, крестецкие, боровичские, валдайские. Именно последние, компактно проживавшие в указанной выше местности, стали объектом наблюдения практиканта.

Статистический справочник по Новгородскому округу 1930 года в числе «главнейших народностей» Полновского и Лычковского районов не выделял карелов как особую категорию, отнеся их в разряд «прочих», насчитывавший 462 и 29 человек соответственно¹. Однако, несмотря на сравнительную малочисленность относительно всех карелов Новгородчины, данная категория населения привлекала внимание советских руководителей, стремившихся обеспечить принцип национального самоопределения в рамках осуществляемой культурной революции. Одним из ключевых направлений новой национальной политики явилась коренизация [4: 23] и как частное ее проявление – карелизация / финизация [7], активно проводимая на севере и северо-западе РСФСР.

По замечанию А. А. Бландова, в XX веке субэтническая группа валдайских карелов «осталась практически неизученной» в этнографическом отношении [2: 79] (в отличие, например, от тихвинской группы [8], [9]).

В этой связи обсуждаемый дневник интересен как исторический источник, включение которого в научный оборот позволяет расширить представления о жизни новгородских карелов 1920-х годов. Записи отличает подробность в отображении ряда бытовых и мировоззренческих особенностей, характеризующих повседневность указанных деревень. С языковой точки зрения документ раскрывает своеобразие мировосприятия и образа мысли молодых партработников раннего советского периода.

Автор вел наблюдения не произвольно, а направляя свое внимание сообразно установкам, полученным в университете и райкоме партии. Это сказалось на структуре и содержании дневника. В первую очередь практиканта интересовало отношение обывателей к советской власти, ее учреждениям и мероприятиям. Помимо личных наблюдений, студент получал разнообразную информацию от местных жителей, рассказывавших о настоящем и прошлом данной местности.

Особо занимала автора тема национальной эмансипации карельского меньшинства, в частности языковой вопрос. По наблюдениям исследователей, валдайские карелы в первой трети

XX века заметно обрусели, в большинстве перейдя к использованию русского языка². Судя по записям Хайконена, ему довелось общаться с карелами, не до конца ассимилированными и в какой-то мере принимавшими еще карельскую идентичность. Весьма вероятно, что практикант преувеличивал стремление крестьян «считать себя нацменами» – статистических данных на сей счет в дневнике не содержится. Однако заключить о существовании самой тенденции такие свидетельства позволяют.

ВЫВОДЫ

Анализ публикуемого дневника позволяет составить представление о некоторых сторонах жизни валдайских карелов накануне «великого перелома», в корне поменявшего подход большевистского руководства к осуществлению социалистической перестройки села. Студенческие материалы свидетельствуют об успехах и проблемах советизации новгородской глубинки. Они показывают карельскую деревню в переходном состоянии, которому свойственны признаки поступательной ассимиляции с русским населением и в то же время – сохранение крестьянами карельской идентичности и навыков речевого общения на местном диалекте карельского языка. Невзирая на лаконичность, приведенные записи, безусловно, являются ценным источником для изучения новгородских карелов, а именно представителей валдайской субэтнической группы, сосредоточенных в первой половине XX века вокруг озера Вельё.

Документ рисует картину традиционного общества, слабо затронутого культурной революцией. Воспоминания крестьян, собранные и обобщенные практикантом, отразили историческую память населения, восприятие им двух эпох – дореволюционной и советской на раннем ее этапе. При общем благожелательном расположении к советской власти, жители региона остались невосприимчивы к ряду нововведений, что во многом было обусловлено слабой материальной базой развертывания социально-культурных преобразований. Реалии новой жизни проникали в картину мира сельских обывателей, но подчас в искаженном виде, на что указывает, к примеру, своеобразная трактовка крестьянами целей колхозного строительства.

В некоторой степени дневник раскрывает и облик своего создателя – студента партийного вуза конца 1920-х годов. Записи отразили дискурсивные практики, характеризующие образ мысли молодых коммунистов, чье миропонимание складывалось под определяющим воздействием постулатов идеологического воспитания.

При подготовке настоящей публикации сохранена стилистика и некоторые грамматические оплошности оригинала, не влияющие на понимание написанного, с целью передачи духа документа, созданного человеком определенного уровня культуры и образованности. Сокращения, где это необходимо, раскрыты в квадратных скобках.

ТЕКСТ

«Дневник Хайконен Ф. С., составленный во время практической работы по исследованию карельских деревень в Новгородском округе летом 1928 г.

6/VI

В Новгородском окружке нам были указаны Новгородские деревни, расположенные в Новгор[одском] округе, а также дан маршрут следования и соответствующие наставления. Указания давали: уполн[омоченный] Новг[ородского] Окружисполкома по работе среди нацмена т. Кродер и зав. нацмен п[олит]о[тдела] окружкома.

8/VI

Прибыли в дер. Исаково³ Полновского района, где наняли кварт[иру]. Карельские деревни расположены от районного центра – Полноваза 20–30 килом. Район работы: д[еревни] Исаково, Пестово, Залужье, Балусево, Климово, Дупленец и Вельё Полновского р[айона], Лобаново – Лычковского района.

.../VI⁴

Крес[тьяне] предполагают, что колонизация карелов произошла во время Новгородского княжества, когда была оживленная торговля Новгородом с жителями берегов Ладожского озера, связывающая Новгородцев с жителями-карелами берегов Ладожского озера рекой Волхов.

.../VI

Крестьяне говорят, что 30 лет тому назад карельские деревни жили своей собственной жизнью: ни один карел, как молодой, так и старый, не умел говорить по-русски; в случае если попал в деревню русский, то приходилось разьясниться знаками. В настоящее время каждый, за исключением стариков и старух 70–80 лет, умеет по-русски. Молодежь говорит большей части времени по-русски, но, несмотря на это, каждый молодой парень и девочка знают карельский язык, хотя даже и мать русская. Замечается интересное явление: когда соберется группа домохозяйств соседи, хотя бы даже покурить, то после пары-трех слов, сказанных по-русски, разговор переводится на свой, карельский, язык, что подтверждает желание карельского населения сохранить за собой свой карельск. родной язык.

.../VI

Благодаря развитию промышленного капитала, начиная в конце XIX в., что вызвал поток людей в города, а также в силу политики царской власти о русификации нацменьшинств, начинается перелом и в карельских деревнях: карелы женятся на русских, население идет на заработки в города, и особенно заметный толчок к русификации карелов-молодежи дала мировая война.

В настоящее время у населения-карелов имеется глубокое желание вернуть себе отнятый язык⁵, в силу чего имеются просьбы о присылке учителей, владеющих русским и финским языком.

Школы в карельских деревнях в большинстве случаев существуют только 2–3 года. Учителей-карел не имеется, за исключением одной учительницы (Климовская шк[ола]), которая в смысле педагогической подготовленности еще слабоватая. В школах имеются 2 учебника по 25 экз. на школу на финском языке «Lastenystävä»⁶ и «Nuori Rakentaja»⁷, которые не могут быть использованы за незнанием педагогами финского языка.

Особенную заботу о нацменьшинствах-карелах проявляют в округе, но в районном центре этого не чувствуется. Что подтверждается и в том факте, что население карельских деревень имеет желание объединиться в один сельсовет, но район предусматривает слияние карельских деревень с русскими.

Особ[енно] гнет нацменьшинств чувствовалось 1905–1909 – мужиков пороли за малейшееслушание. В случае поимки крестьянина с удочкой (деревни расположены поблизости озера б[ывшего] помещика), то пороли розгами до потери сознания. О этих жестокостях даже была просьба к царю, который сжалился и воспретил порку.

Школьные здания, заарендованные, не приспособлены к школьной работе, ощущается недостаток в партах и в учебных пособиях. Имеется много детей, не охваченных школой. Двум деревням обещаны под школы здания 2 дома б[ывших] помещиков, которые необходимо перевезти и поставить. Вопрос об этих домах пока окончательно не решен – дело тормозится РИКом⁸.

.../VI

На открытом общем парт. собрании ячейки замечалось, что расслоение обнаруживается и на собраниях, также это выявлялось и на общих собраниях граждан: беднота, маломощные с частью середняков смело, упорно выступая против зажиточных и примазавшихся к ним середняков. Чувствуется, что на собраниях господствующее положение занимает мнение в пользу проводимых мероприятий сов. властью в деревне. Беднота с удовольствием слушая доклад о колхозах, о займе укрепления с[ельского] х[озяйства], а также активно выступает с поддержкой тех, мнения которых направлены к поддержке и осуществлению мероприятий сов. власти. Зажиточная часть деревни также выступает за, но к тому же прибавляет мнение, что это неосуществимо; например, о колхозах зажиточный высказывается, что «это хорошо, но тут ничего не выйдет, если мы не организуем сразу же фабрики-деревни, т. е. мы должны стать с[ельско]х[озяйственными] рабочими, и чтобы нам только платили зарплату»⁹. Этот тонкий подход, конечно, бьет на то, чтобы выбить с голов маломощных крестьян охоту к осуществлению в деревне первичных форм коллективного труда – колхозов путем отпугивания, что в случае, если они войдут в колхоз, то превратятся в наемных батраков и тем лишатся своих хозяйств¹⁰.

Вера среди карелов укоренилась глубоко, начиная от дитя и до старых людей – на всех чувствуется отпечаток особой религиозности. Для примера можно указать,

что у крестьянина-середняка, где расквартировали, вся задняя стена и «божеств[енный]» уголок развешены 53-мя картин святых угодников, в том числе 23 иконы и иконочек в стеклах. Во второй избе 3 больших иконы. По воскресеньям и праздничным дням население, не исключая и молодежи, почти поголовно валится в церковь. В каждой деревне имеется часовня.

Сильная религиозность карелов может быть объяснена тем, что все время до Октябрьск[ой] революции нацменьшинства были более притесняемы: насилием проводилась русификация, отделяли карелов от обществ[енной] жизни, культурных работников-учителей из их среды не воспитывали, школ не открывали. Необходимо [зачеркнуто: отметить, что] существовали в некоторых местах церковно-приходские школы, где получали грамотность сынки деревенских кулаков – «почетных мужиков», кои, конечно, с [то...]»¹¹ предусмотрительностью Самодержавия предназначались «воротилами» [зачеркнуто: в деревне] и в действительности имели в руках узды управления в деревне.

Теперь население с воодушевлением слушает [зачеркнуто: рассказ] объяснения о национальной политике Сов. власти, высказывая недовольство РИКом, который воспрепятствует в выдаче б[ывших] помещичьих домов под школы. С удовлетворением карельское население отзывается о уполномоченном Округисполкома по делам нацменьшинств тов. Кродер, заботами которого с великим трудом удалось закрепить 2 деревням под школы два помещичьих дома. Пожилые кр[естьян]е в 35–40 лет также говорят, что в случае, если удастся поставить учебу в школе на двух языках, и русском, и финском яз., то они также будут обучаться финскому языку.

В районе, где мы находились, имеется ячейка ВКП(б) – часть членов ячейки очень развитые, которые способны руководить и проводить политику партии и Сов. власти, но у них нет стремления, и не считают нужным проводить работу среди карелов как среди нацменьшинств, т. е. боятся, что в случае, если развернется работа под углом нацменьшинств, то карельские деревни будут иметь больше привилегий, чем русские, в виду чего воспрепятствуют желанию населения карельских деревень объединиться в один районный сельсовет.

Из бесед с населением-карелами выясняется, что они хотя и считают себя нацменами, они желают и будут добиваться осуществления преподавания детям в школах финского языка. Против этих стремлений настроено русское население, видя в этих настроениях якобы какую-то корыстную цель и охоту в привилегиях. Это мнение также высказал член местной ячейки партии – завхоз гос. рыбободным заводом¹². Диалект [зачеркнуто: язык] здешних карел похож на язык олонечских карел (определение Потапова¹³).

[подпись: Хайконен]

10/VII 28».

РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 181. Л. 141–147 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статистический справочник по Новгородскому округу за 1928, 1929 и 1930 гг. с кратким описанием районов. Новгород: Окрплан, 1930. С. 111–112.

² Лебедев К. Город Валдай и его уезд. Опыт родиноведения. Холм: Н. Н. Павлов, 1913. С. 15; Труды Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии). Вып. 12. Л.: АН СССР, 1931. С. 55.

- ³ Обращает на себя внимание умолчание автором о событиях 7 июля. Вероятно, эти сутки ушли на ожидание транспорта к месту начала практики, которым была определена деревня Исаково, где располагался один из обслуживаемых им сельсоветов.
- ⁴ В оригинале число не указано. Здесь и далее такие пропуски в датах даны отточием.
- ⁵ В мышлении студента-коммуниста определенно сказывается образовательная установка 1920-х – начала 1930-х годов, согласно которой политика Российского государства по отношению к малым народам трактовалась как исключительно колониально-угнетательская.
- ⁶ «Друг детей» (фин.).
- ⁷ Вероятно, имеется в виду книга чтения для 1-х и 2-х классов на финском языке «Юный строитель» 1926 года за авторством Urho Tuurala.
- ⁸ Районный исполнительный комитет ВКП(б).
- ⁹ В этом, вероятно, выразилось близкое знакомство с городской средой и распространенное среди крестьян представление о рабочих как о людях, легко, в сравнении с ними, получающих деньги.
- ¹⁰ Неясно, насколько правильно практикант понимал настроения крестьян и толковал их высказывания. Бесспорно, его мышление и оценки были во многом обусловлены партийно-идеологическим воспитанием, что могло давать известные искажения в отражении действительности.
- ¹¹ Слово написано неразборчиво, читается: «тонкой».
- ¹² Завод, основанный в 1855 году помещиком В. П. Врасским (1829–1963) в с. Никольском на западном берегу оз. Вельё.
- ¹³ Степан Иванович Потапов, однокурсник Хайконена, вместе с ним проходивший практику в указанной местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б л а н д о в А. А. Малоизвестные группы карел за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 238–245. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1621
2. Б л а н д о в А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83.
3. К и р к и н е н Х., Н е в а л а й н е н П., С и х в о Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 321 с.
4. М а р т и н Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
5. Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809–2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ; Joensuu: Itä-Suomenyliopisto, 2011. 250 с.
6. Народы Карелии: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с.
7. П о п о в А. А., К у а п п а л а П. Новая советская национально-языковая политика в Карелии и Коми в условиях НЭПа: карелизация/финизация и зырянизация // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах Республики Коми): Сб. статей. Сыктывкар, 2016. С. 113–122.
8. Р я г о е в В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977. 287 с.
9. Ф и ш м а н О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 407 с.
10. Х и р ш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.

Поступила в редакцию 06.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Nikita V. Tikhomirov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2808-3763; tikhomirov_n@rambler.ru

**THE DAILY LIFE OF THE KARELIANS IN THE NOVGOROD REGION
 THROUGH THE EYES OF A COMMUNIST STUDENT
 (a study of 1928 village practice diary)**

Abstract. This research article delves into the lesser-explored history of the Novgorod Karelians. It introduces a previously untapped document, shedding light on the daily lives of the Karelian population in the Novgorod District of the Leningrad Region in the late 1920s. A village practice diary of a student from the Leningrad Branch of the Com-

munist University of National Minorities of the West is unveiled, documenting observations made in settlements near Lake Velyo (the territory of the present-day Demyansk District of the Novgorod Region). The significance of this study lies in the necessity of broadening the sources for understanding the daily lives of the Russian peoples in the early Soviet era, specifically the Novgorod Karelians. The document provides insights into everyday life, social relations, cultural and religious traditions, attitudes, historical memory, and community involvement in the socialist transformation of villages. Additionally, it provides a glimpse into the worldview of the diary's author, a representative of the younger generation of Russian communists from the post-revolutionary era. The published diary's contents can complement existing ethnographic, statistical, clerical and other materials for a deeper comprehensive study of the Karelian population in northwestern Russia during the first decade of the establishment of Soviet power.

Key words: history of everyday life, Karelians, communist university, peasantry, microhistory

For citation: Tikhomirov, N. V. The daily life of the Karelians in the Novgorod Region through the eyes of a communist student (a study of 1928 village practice diary). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041

REFERENCES

1. Blandov, A. A. Little-known groups of the Karelians outside the Karelian Republic. History of assimilation and current state. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2020;5:238–245. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1621 (In Russ.)
2. Blandov, A. A. “We were called Korelyaks, and we do not know the Karelian language...”: subethnic group of the Valdai Karelians in the XX century and the beginning of the XXI century. *Finno-Ugric World*. 2014;4:78–83. (In Russ.)
3. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. The history of the Karelian people. Petrozavodsk, 1998. 321 p. (In Russ.)
4. Martin, T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Moscow, 2011. 855 p. (In Russ.)
5. A nation divided by a border: Karelians in the history of Russia and Finland in 1809–2009: the evolution of national identity, religion, and language. Petrozavodsk; Joensuu, 2011. 250 p. (In Russ.)
6. The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. (I. Yu. Vinokurova, Ed.). Petrozavodsk, 2019. 752 p. (In Russ.)
7. Попов, А. А., Куаппала, П. New Soviet national language policy in Karelia and Komi under the New Economic Policy: Karelianization/Finnicization and Zyryanization. *Socio-cultural dynamics of the Russian northern province: history and modernity (a study of the Komi Republic)*. Syktyvkar, 2016. P. 113–122. (In Russ.)
8. Ryagoev, V. D. The Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad, 1977. 287 p. (In Russ.)
9. Fishman, O. M. Life by faith: Old Believers among the Tikhvin Karelians. Moscow, 2003 407 p. (In Russ.)
10. Hirsch, F. Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Moscow, 2022. 472 p. (In Russ.)

Received: 6 April 2024; accepted: 29 April 2024

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ БОРИСОВ

аспирант

Российский государственный гуманитарный университет

младший научный сотрудник

Институт российской истории РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0720-4298; maksbor2202200@mail.ru

«ИЗВЕЩЕНИЕ ЧЮДЕСЕ О СЛОЖЕНИИ ТРИЕХ ПЕРВЫХ ПЕРСТОВ...» (М. 1677) В СОБРАНИИ РГБ: ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ ЭКЗЕМПЛЯРОВ

А н н о т а ц и я . В историографии «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов...» (М. 1677) рассмотрено недостаточно подробно. Книга стала важным документом в противостоянии официальной церкви и старообрядчества. В ней повествуется о чуде, произошедшем с бывшим ясельничим царя Алексея Михайловича Федором Вышеславцевым. Цель исследования заключается в изучении истории издания данной книги и особенностей бытования ее экземпляров с применением методов источниковедческого и книговедческого анализа. В статье отмечается, что автор книги использовал основные положения «Жезла правления» (М. 1667) Симеона Полоцкого о троеперстном крестном знамении в полемике со старообрядцами. Определено, что в первоначальной редакции заимствования были практически дословными, а изменения, упрощающие восприятие текста, внесены только при подготовке печатного издания. Рассмотрены девять экземпляров «Извещения чудесе...» из собрания Российской государственной библиотеки, изучены их переплеты, экслибрисы, записи и пометы. Был выявлен и использован корпус архивных документов об издании «Извещения чудесе...», а также черновая рукопись, что позволило сделать вывод о текстологических особенностях данной книги и о предназначении издания для самого широкого круга читателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Московский печатный двор, кириллические книги, история книги, церковный раскол, патриарх Иоаким

Д л я ц и т и р о в а н и я : Борисов М. Ю. «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов...» (М. 1677) в собрании РГБ: история издания и бытования экземпляров // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 49–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1042

ВВЕДЕНИЕ

Реформа патриарха Никона привела к церковному расколу во второй половине XVII века. Сторонники старых догматов и обрядов не принимали нововведения, проводимые русской церковью. Споры развернулись вокруг ряда богослужебных практик, которые подверглись изменениям, одним из центральных был вопрос о перстосложении. Сторонники реформы, поддерживающие троеперстное крестное знамение, обосновали свою позицию в ряде богословских, полемических и других сочинений, например, в таких программных трудах, как «Скрижаль» (1656), «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667), «Увет духовный» Афанасия Холмогорского (1682). При этом в полемике относительно этого вопроса в XVII веке все авторы использовали тезисы Симеона Полоцкого из «Жезла правления»¹ [3: 5]. В этом контексте оригинальным по жанру, а значит, инструментарию аргументов стало изданное

в 1677 году на Московском печатном дворе (далее – МПД) «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов» (Зернова, 1958. № 346). Это небольшая по объему книга, где в рамках подробного рассказа о произошедшем чуде доказывалась правильность употребления троеперстного крестного знамения. Жанр рассказа о чуде позволяет предположить, что в первую очередь книга была адресована широкому кругу читателей.

Изучение истории полемики о перстосложении между сторонниками церковной реформы и ее противниками имеет глубокие корни в отечественной историографии. Традиционно внимание исследователей обращено на основные антистарообрядческие издания, например такие, как «Скрижаль», «Жезл правления» и «Увет духовный», которые на сегодняшний день довольно хорошо изучены как с точки зрения истории издания, распространения и бытования экземпляров [1], [5], [10], так и смыслового содержания²

[12], [16]. Однако в историографии «Извещение чудесе...» рассматривалось недостаточно подробно, главным образом иллюстративно. Оно привлекалось исследователями исключительно в контексте изучения отдельных вопросов истории церковного раскола в XVII веке, вокруг развивавшегося спора и конфликта о перстосложении³ [2], [3], [13: 145]. Единственным исследованием, в котором поднимались проблемы авторства и достоверности описываемых в ней событий, является работа А. Гаврилова⁴. Настоящая статья ставит целью рассмотреть «Извещение чудесе...» комплексно, используя методы источникововедческого и книговедческого анализа, изучить историю издания данной книги, особенности бытования ее экземпляров (на примере экземпляров из собрания Российской государственной библиотеки (далее – РГБ)), проанализировать содержание и определить, какую роль она сыграла в истории отечественной культуры и книжности второй половины XVII века.

* * *

Причины издания «Извещения чудесе...» стоит искать во внутривосточной обстановке, сложившейся в эпоху патриаршества Иоакима. В ходе работы Малого и Большого поместных Соборов 1677–1678 годов рассматривалось среди прочего дело о деканонизации святой княгини Анны Кашинской, в том числе и из-за двуперстного сложения пальцев руки у ее мощей, что вызвало недовольство среди старообрядцев. Можно сделать предположение, что одним из ответов на нарастающую полемику, в том числе и участников Соловецкого восстания 1676 года, могло стать издание «Извещения чудесе...», которое должно было прекратить «много сумнительства и прения в народе российском о сложении трех первых перстов»⁵. Привлечение и использование чудес и знамений было частью системы аргументаций той или иной стороны в острых религиозных дискуссиях. Апелляция к ним представлялась наиболее доступной широкому кругу верующих людей. Так, например, помимо «Извещения чудесе...» известно о тексте обращения 1670-х годов, сохранившегося в одном из дел Приказа тайных дел и составленного по заказу государя, в котором речь идет о «новом и предивном чуде в наших летех», случившемся со староверами Михаилом Евдокимовым и учеником протопопы Аввакума пресвитером Мокием Васильевым. Документ был составлен с целью борьбы со старообрядцами [6: 98–102]. Также известно еще об одной рукописи «О том же крестном знамении четырех братьев Плещеевых», повествующей о чуде исцеления братьев от «раскольнических заблуждений» [4: 16]. Комплекс текстов в жан-

ре о чудесах получает распространение в рукописной традиции, и, возможно, в этом контексте появляется печатное издание «Извещение чудесе...».

Все известные повествования о чудесах не содержат указания на авторов. Это объясняется, с одной стороны, средневековыми традициями, где подобные тексты анонимны, с другой – специальным уподоблением именно средневековому жанру и стремлением избежать адресной полемики с автором. Вопрос об авторстве «Извещения чудесе...» в отечественной историографии поднимался поверхностно, ряд исследователей приписывали авторство патриарху Иоакиму, однако убедительных доказательств они не приводили⁶ [13: 145]. А. Гаврилов, напротив, отмечал, что иерарх не являлся автором этого произведения⁷. В «Извещении чудесе...» патриарх Иоаким упоминается исключительно в третьем лице («испросити ему у святлейшаго кирь Иоакима патриарха московского и всеа Росии») (Л. 5), хотя, например, в других полемических сочинениях, составленных от своего имени («Слово на Никиту Пустосвята». М. 1682), повествование ведется от первого лица («предлагаю глась мой пастьерский») ⁸. На это обстоятельство обратил внимание А. Гаврилов⁹.

Анализируя текст, можно попытаться реконструировать портрет автора. Это книжник, хорошо знакомый со Священным Писанием, агиографией и полемическими сочинениями. Несомненно, это был искренний сторонник церковных реформ Никона, который посредством использования в своем тексте литературных приемов, характерных для второй половины XVII века, пытался убедить «расколочубцев» (не без угроз) отказаться от своих идей. Вся совокупность фактов позволяет сделать вывод о том, что Иоаким не являлся автором рассматриваемого произведения.

Благодаря сохранившимся документам архива Приказа книгопечатного дела мы имеем возможность изучить историю издания «Извещения чудесе...». Книга была напечатана никитинской азбукой двойным заводом в 2400 экз., вышла из печати 15 июля 1677 года в формате in-quarto и состояла из двух тетрадей¹⁰. Издание обошлось казне МПД довольно дешево – всего в 69 рублей, из которых 35 рублей 23 алтына 2 денги были заложены «на строение» новой палаты с соответствующим печатным оборудованием¹¹. При этом интересно, что в печати в основном использовалась не «чистая бумага» (3 стопы и 17 дестей), а бумага «московского дела» (16 стоп и 14 дестей), стоившая дешевле первой и имевшая российское происхождение¹². Благодаря низкой стоимости издания было решено продавать «Извещение чудесе...» без наценки по 6 денег

за одну книгу¹³. Одновременно этот факт иллюстрирует преследуемые властями цели, стоявшие за изданием данной книги. Очевидно, что острота конфликта побудила быстро, путем распространения печатного слова, ответить на действия старообрядцев и донести государственную позицию до паствы. Следуя этой логике, стояла задача не заработать на розничной продаже, а наоборот, сделать книгу как можно доступнее для приобретения. Это предприятие носило чисто политический характер. В итоге 6 августа 1677 года в продажу поступило 2300 экз., а 100 оставшихся были розданы «безденежно»¹⁴. Сколько удалось продать книг, к сожалению, установить точно невозможно из-за отсутствия сохранившихся источников, однако по описи имущества МПД 1678 года на его балансе находилось 383 экземпляра¹⁵, из которых десять «изволил взять к себе» царь Федор Алексеевич во время посещения типографии в следующем году¹⁶. Таким образом, можем утверждать, что большая часть тиража была успешно реализована менее чем за год.

Детально определить социальный состав покупателей не представляется возможным из-за отсутствия источников. В отличие от изданий, ориентированных на священников и богословов («Увет духовный», «Жезл правления»), которые получили распространение преимущественно административным ресурсом [3: 5], «Извещение чудесе...» практически полным тиражом поступило в розничную продажу, и 83 % было реализовано. Популярность этой книги среди читателей подтверждает и тот факт, что в книгохранилище МПД осталось относительно малое количество экземпляров большого тиража. На нее намекают и редкие сведения об экземплярах «Извещения чудесе...», отмеченные в отечественной историографии и в описаниях собраний книг кириллической печати¹⁷ [15: 330].

В НИО редких книг (Музей книги) РГБ хранится девять экземпляров «Извещения чудесе...», пять из которых являются конволютами и переплетены вместе с «Поучением во время нахождения супостатов» (М. 1678). Это сочинение также приписывается исследователями перу патриарха Иоакима [7: 54]. Среди изученных экземпляров можно выделить следующие группы. Первая объединяет книги, принадлежавшие фундаментальной библиотеке Вифанской духовной семинарии, на что указывают соответствующие печати на экземплярах (Инв. № 5508, 5509, 8210, 8211). Они имеют идентичные переплеты, сделанные из мраморной бумаги первой трети XIX века одного сорта, выполненной синей и черной красками, с жилковато-пятнистым узором («caillouté»)¹⁸. Отдельно были подклеены корешки бумагой такого же узора (красная и зеленая краски), обрезы украшены напыском красной краской. По всей видимости, книги были переплетены уже при по-

ступлении в семинарию. Однако, когда и откуда они туда попали, неизвестно. Самые ранние сведения об этих экземплярах были обнаружены в каталоге библиотеки за 1830 год (Инв. № 1513–1516) и описаны с переплетами «в бумажке»¹⁹. На настоящий момент они находятся в удовлетворительном состоянии, имеются лишь небольшие затеки от сырости. Следы пользования читателями, выраженные в виде записей и помет, а также следы от свечного воска или затертости листов фактически отсутствуют.

Вторую группу представляют экземпляры собственно издания «Извещения чудесе...» из частных собраний. Один из них имеет обложку из недублированной мраморной бумаги XIX века с жилковато-пятнистым узором («caillouté»), выполненной синей и красной красками, имеющей ряд утрат и потертостей на двух сторонах и корешке (Инв. № 1779). Экземпляр происходит из коллекции А. Я. Котельникова, о чем свидетельствует его экслибрис. Второй экземпляр имеет твердый переплет – картон, обклеенный мраморной бумагой XIX века, выполненной синей, красной и желтой красками, с жилковато-пятнистым узором («caillouté»), уголки и корешок подклеены красной кожей (Инв. № 9154). Книга не раз меняла своего владельца, о чем свидетельствуют записи. Первым владельцем был гость Михайло сын Гурьев, который на четвертый день продажи в МПД «Извещения чудесе...» пришел за ней в книжную лавку типографии: «1677 / авгу / ста / в 10 де(нь) / взял / си / тетради / с печатного / двора / гость / Михайло / Иванов / с(ы)нь / Гурьев / конец»²⁰. Примечательно, что он, как и в архивных документах МПД, использует слово «тетради» вместо «книга», видимо, из-за малого объема. Следует отметить, что в книжной лавке МПД книги продавались преимущественно без переплета, что называлось «в тетрадах», но во владельческих записях использовали слово «книга». В 1842 году экземпляр был приобретен Иваном Петровичем Серебряниковым в личную библиотеку: «Изъ книгъ / Ивана Петрова Серебряникова / Куплена въ Ярославле въ Августе / 1842 года заплачено 80 [рублей?] асигнациями»²¹. Третий экземпляр также имеет твердый переплет – картон, обклеенный псевдодекоративной бумагой второй половины XIX века [17: 114–115] (желтая и коричневая краски), углы и корешок подклеены зеленой гладкой бумагой (Инв. № 9305). Обе крышки переплета и корешок имеют потертости. Владелец книги ранее являлся известный библиофил Иван Яковлевич Лукашевич (1811–1860), о чем свидетельствует его экслибрис на обороте верхней крышки переплета, здесь же имеется ярлык с номером «174».

Эти экземпляры не только восходят к крупнейшим частным библиофильским собраниям

XIX века, но и несут свидетельства их активного использования читателями XVII–XVIII веков. Их листы имеют ярко выраженные следы зачитанности в виде потемнений и замыливания углов, которые прослеживаются на протяжении всей книги. Встречаются также и рукописные пометы по типу «зри» или «+» почерками более позднего времени, которые концентрируются в основном во второй части «Извещения чудесе...» вокруг «вин», иллюстрируя таким образом некоторые предпочтения читателей, пользовавшихся данной книгой. Можно отметить, что в экземплярах РГБ особый интерес читателей вызывали третья и десятая «вины», в которых правильность употребления троеперстного сложения доказывается авторитетом Панагиота философа и константинопольского патриарха Паисия.

Особняком стоят два экземпляра «Извещения чудесе...» (Инв. № 1780, 9160), обладающие переплетом из картона, обклеенные волнистой мраморной бумагой XVII века одного сорта с узором, сделанным с использованием длинного гребня²², в который были добавлены элементы в виде завитков (красная, синяя и желтая краски) [17: 180]. Книги имеют обрез, украшенный напыском красной краской. У одной из них (Инв. № 9160) сохранились три завязки, выполненные из зеленой шелковой нити. Переплеты обоих экземпляров имеют сильные потертости, а также утраты фрагментов бумаги на корешке. Происхождение двух книг разное: на одной (Инв. № 1780) имеется экслибрис «Московского Публичного / и Румянцевскаго Музеев / № 405», история второй, к сожалению, неизвестна. При этом экземпляр (Инв. № 9160) является конволютом, а первый (Инв. № 1780) – нет. В собрании РГБ хранится отдельный переплет «Поучения во время нахождения супостатов» (Инв. № 5507) с экслибрисом «Московского Публичного / и Румянцевскаго Музеев / № 404». Он имеет идентичный с этими двумя экземплярами «Извещения чудесе...» переплет, завязки и обрез. Соседство старых инвентарных номеров и родственность переплетов позволяют говорить о том, что эти книги также связаны, но по каким-то причинам расплетены. Кроме того, у обоих экземпляров (Инв. № 1780, 9160) отсутствуют выраженные следы их использования, за исключением небольших затеков от сырости.

Были просмотрены экземпляры «Извещения чудесе...» из собраний ГПИБ, РГАДА и ГПНТБ СО РАН (всего 3 экз.), которые подтверждают наши выводы, сделанные на основании изучения экземпляров из собрания РГБ.

Вызывают интерес причины переплетения ряда экземпляров «Извещения чудесе...» с «Поучением во время нахождения супостатов», которое, по сути, являлось дополнением к «Молебному пению, певаемое во время брани» (М. [1678]) и было

издано вместе с ним. По содержанию эти книги никак не пересекались, к тому же издание «Поучения...» явилось реакцией на идущую Русско-турецкую войну 1672–1681 годов. Оно было напечатано в количестве всего 200 экземпляров²³, поэтому вряд ли предназначалось для розничной продажи и распространялось целенаправленно. Вероятно, причины создания подобных конволютов стоит искать в тексте самого «Поучения...», которое наставляет паству не совершать грехи для избегания «воистину совершеннаго мщениа и мечныа от Бога казни»²⁴. Объединение книг в конволют позволяет говорить о единой текстовой программе против двоеперстия и других способов крестного знаменья, в которых официальная церковная позиция объясняется для широкой аудитории читателей. В историографии была высказана мысль о заложенной в каноны-молебны более значительной идее, которая могла использоваться церковными реформаторами в разнообразных целях [14: 52–55].

В фонде Рукописного отдела библиотеки Московской Синодальной типографии нами был обнаружен рукописный черновой вариант «Извещения чудесе...»²⁵. Он представляет из себя небольшую книгу в формате in-quarto, переплетенную в обложку из синей бумаги и состоящую из 11 листов, из которых в правом нижнем углу буквенной цифирью пронумеровано 9 л. (между л. 6 и 7 вплетено два нумерованных листа). На л. 10 и 11 имеются части филигранный «герб города Амстердама»²⁶. Текст рукописи написан профессиональной книжной скорописью. Этот важный источник отображает первоначальную задумку автора текста, процессы его редактирования и помогает понять, почему печатная книга была издана именно в таком виде.

Стоит отметить некоторые особенности чернового варианта «Извещения чудесе...». В нем отсутствует титульный лист. Автором текста был пропущен придворный чин Вышеславцева (после «некто благочестивый» было оставлено пустое место, за которым сразу шло «и именуемый»), на этот пробел позже был наклеен листок с записанным тем же почерком «бывый царскаго величества яселничей»²⁷. На л. 2 и 6 об. напротив текстов о правильном сложении перстов при крестном знамении на полях рукой редактора красными чернилами были сделаны идентичные записи: «Поставити рука зде». Скорее всего, речь идет о гравированных изображениях крестознаменья, которые имеются в «Скрижали», «Жезле правления» и «Увете духовном», что само по себе примечательно. Вероятно, по причине нежелания удорожания себестоимости книги было решено не использовать эти доски в наборе. Два вшитых нумерованных листа содержат явно

первоначальную редакцию текста – «вины» 1–12, абзац «Сия вины благословныя 12 тому суть недовольны...» и часть абзаца «Над всеми сими вина величайшая истины...». Заметим, что сначала предлагалось в книгу поместить 12 «вин», однако десятая была перечеркнута, видимо, самим автором, одиннадцатая была исправлена на десятую, а двенадцатая сначала была исправлена на одиннадцатую, а потом и вовсе была вычеркнута рукой редактора красными чернилами. За этими листами идут л. 8

и 9, которые содержат уже финальный вариант вышеперечисленных частей книги. В нем после десятой «вины» был добавлен абзац «К симь винам приложитися можетъ...», рассказывающий об обретении честной десницы некоего преподобного отца Комненоса, принесенной в Москву в 1619 году²⁸. В конце книги читается запись мастерового МПД, которая была замазана чернилами: «Печатная отдана слов(олитцу) Вас(илию) Пав[лову?]]»²⁹. Подробнее изменения в тексте книги будут показаны в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение изменений текста в черновой рукописи и печатном «Извещении чудесе...»

Table 1. Comparison of text revisions between the draft manuscript and the printed version of “The Story of a Miracle...”

Черновая рукопись «Извещение чудесе...»	Печатное издание «Извещение чудесе...» 1677 года
Л. 2 об. – «Тогда Феодор положи на себе (над словом буквенной цифирью – 1) знамение (5) креста (6) святаго трижды тако (2) согбенными (3) (красными чернилами поставлена глосса «), а на полях приписано «треми первыми») персты (4) и ужасень бивъ слезы точаше»	Л. 3 об. – «Тогда Феодор положи на себе тако согбенными тремя первыми персты знамение креста святаго трижды, и ужасень бивъ слезы точаше»
Л. 6 – (Первая «вина») «такое по велицей части Малая и Белая Россия и Литва яже въ православии (зачеркнуто красными чернилами, на полях стоит кавыка) знаменуются»	Л. 10 об. – (Первая «вина») «такое по велицей части Малая и Белая Россия знаменуются»
Л. 7 – (Третья «вина» в 1-й редакции) «И не крестишися десною рукою, еже чтется во книзе Кирилла Иерусалимскаго на листе 236»	Л. 11 об. – (Третья «вина») «И не крестишися десною рукою, еже обретается во многих рукописныхъ славенскихъ книгахъ»
Л. 9 – (Третья «вина» во 2-й редакции) «И не крестишися десною рукою, еже чтется (зачеркнуто серыми чернилами и ими же вписано сверху «обрета») во книзе Кирилла Иерусалимскаго на листе 236 (зачеркнуто черными чернилами и сверху вписано серыми чернилами «многих рукописныхъ славенскихъ книгахъ»)»	
Л. 7 и 9 – (Седьмая «вина» обеих редакций) «Яко во сетей горе Афонстей книгу рускимъ диалектомъ написаную некимъ»	Л. 12 – (Седьмая «вина») «Яко во сетей горе Афонстей книгу славенским диалектомъ написанную некимъ»
Л. 8 – (Одиннадцатая «вина», исправленная в 1-й редакции на десятую) «Въ Цареграде от кирь Паисия патриарха (вписано между словами сверху коричневыми чернилами «константинопольскаго»)»	Л. 13 – (Десятая «вина») «Въ Цареграде от кирь Паисия патриарха константинопольскаго»
Л. 8 – «Сия вины благословныя †2 (зачеркнуто красными чернилами) тому суть не доволны во утверждение истины»	Л. 14 – «Сия вины благословныя тому суть не доволны во утверждение истины»
Л. 10 – «Во всемъ житии крестное знамение творяше и делом обличающыя непокоривыя, чего ради во прешедшее лето 7178 (1670) (красными чернилами поставлена глосса «+», на полях ими же написано «+ в неделю православия»)»	Л. 13 об. – «Во всемъ житии крестное знамение творяше и делом обличающыя непокоривыя, чего ради во прешедшее лето 7178 (1670) в неделю православия»

Печатное «Извещение чудесе...» начинается с констатации того, что «настоящее время мятежы и расколами исполненное» (Л. 1 об.), и логически книгу можно разделить на две части. Первая – описание чуда, произошедшего 18 марта 1677 года со смертельно больным отставным ясельничим царя Алексея Михайловича Федором Вышеславцевым, у которого «внезапну нача десница его трястися и <...> невидомою силою Божию три персты первии совокупишася» (Л. 2 об.–3). После молитвы и троеперстного крещения больной был исцелен, несмотря на попытки испугавшихся окружающих «развести персты его». Несколько раз автором был сделан акцент на правильности сложения пальцев при крестном знамении во время чуда, о чем подробнее говорится во второй части книги. По инициативе уже бывшего приверженца староверов Федора Вышеславце-

ва была составлена сказка с покаянием и описанием произошедшего чуда, доставленная 21 марта его духовником патриарху Иоакиму. Особенно интересно посмотреть на процесс официального признания этого события, который также описан в «Извещении чудесе...». По приказу патриарха была организована комиссия из авторитетных сановников в составе митрополита Казанского и Свияжского Иоасафа, архиепископа Суздальского и Юрьевского Стефана и архимандрита Чудова монастыря Павла, призванная допросить лично Вышеславцева, его супругу Татьяну Федоровну, шурина стряпчего Георгия Федоровича Шишкина, московского дворянина Ивана Григорьевича Мусина-Пушкина и других свидетелей³⁰. Как только сказка, подписанная иереями храма Святой Троицы в Хохлах Федором и храма Святого апостола и евангелиста Луки Иваном Тимофеевым, была

доставлена патриарху, он «возрадовася духом своим» и приказал «печатнымъ тиснениемъ» издать историю об этом чуде, чтобы «о истине уверяти и утверждати». Процедура признания чудес в России XVII века проходила по единой схеме, например, процесс признания чуда об исцелении Федора Вышеславцева идентичен делу о яренгских чудотворцах 1620-х годов [9: 426–427]. Это значит, что «Извещение чудесе...» содержит достоверное описание верификации этого события официальной церковью.

Со слов «О всеблагословенъ еси Христе Боже нашъ...» (Л. 7) начинается вторая часть книги. По характеру содержания ее можно назвать поучением, в котором следуют слова благодарности Господу за явленное чудо («мы во вся дни и ноши служим тебе и славословим тя») (Л. 8) в борьбе со старообрядцами. Автор уповает на силу Господа, который должен помочь «просветить очи сердечныя людей помраченныхъ лестию дьявольскою» (Л. 8 об.). Затем идут обвинения всех, кто не следует правильному крестознамению, и угрозы божественного наказания за это. Однако при этом все они снабжены оговорками с призывами отказаться от своих воззрений («аще не прибегните ко бездне милосердия Божия с покаяния слезами, ея же дверь отверзает-

ся ключами данными церкви») (Л. 9 об.). После призыва автора к «единству церкви и согласию спасенному» следует лаконичное объяснение в десяти «винах» преимущества троеперстного сложения перед двоеперстным, которое кратко пересказывает основные утверждения «Жезла правления», где «о треперстном сложении писася вас ради пространие» (Л. 10).

Содержательно «вина» являются переложением основного смысла «Обличения Никитино 21» «Жезла правления» (Л. 56 об.–62 об.) с сохранением общей стилистики. Сравнив тексты рукописи и этих двух книг, видим, что автор «Извещения чудесе...» стремился вычлнить из «обличения» Симеона Полоцкого маркерные положения его аргументации. Причем в черновом варианте копирования они практически дословные, и только на финальном этапе редактирования были внесены некоторые изменения. Также наблюдается общее стремление сохранить стилистику текста из источника, но при этом были убраны все витиеватые литературные обороты, такие как «солнца есть светлше». Очевидно, это делалось с целью максимального упрощения итогового текста. В табл. 2 представлено сравнение разночтений в печатном «Извещении чудесе...» и «Жезле правления».

Таблица 2. Сравнение разночтений текстов в печатном «Извещении чудесе...» и «Жезле правления»

Table 2. Comparison of discrepancies between the printed version of “The Story of a Miracle...” and “The Rod of Rule”

Печатное издание «Извещение чудесе...» 1677 года	«Жезл правления» 1667 года Симеона Полоцкого
Л. 10 об. – (Первая «вина») «так по велицей части Малая и Белая Россия знаменуются»	Л. 57 об. – «Малая и Белая Россия, Литва яже в православи и прочии народове»
Л. 11 об. – (Третья «вина») «еже обретается во многихъ рукописныхъ славенскихъ книгахъ»	Л. 58 – «еже чти в книзе Кирилла Иерусалимскаго на листе 236-мъ»
Л. 11 об. – «Четвертая вина, яко прилично есть и благо, Троицы единство, в ея же имя крестихомся триехъ персть совокуплениемъ изображати»	Л. 58–58 об. – «Креста воображениемъ на насъ исповедуемъ, яко крестихомся в три лица Божественныя Отца, и Сына и Святаго Духа, во едино же естество <...> то и персты должествуемъ изображати, сиречь, Троицы единство чрезъ трехъ перстовъ соединение»
Л. 11 об.–12 – «Пятая вина, яко совершенныя Троицы единство, совершенныхъ триехъ перстовъ соединениемъ прилично есть изображати. Но паче суть совершении первии персты, неже последний, убо первыхъ триехъ перстовъ соединениемъ, подобает то изображати»	Л. 58 об. – «Совершеншии же суть персты первии три, тако в себе, яко сравнениемъ другъ ко другу, якоже всемъ есть яве, неже первый с последнимъ и четвертымъ, убо первыми тремя персты подобает Троицу совершенную изображати»
Л. 12 – «Шестая вина, яко благоразумно есть первое лице Бога, первым, второе вторымъ, третие, третим перстомъ изображати, неже второе четвертымъ и третие пятымъ»	Л. 59 – «Паки унше есть образовати первое лице божества первымъ перстомъ, второе вторымъ, неже четвертымъ, и третие третимъ, неже пятымъ»
Л. 12 – (Седьмая «вина») «Яко во святей горе Афонстей книгу славенскимъ диалектомъ написанную некимъ»	Л. 59 – «Яко во святей горе Афонстей книгу российскую, некимъ написанную»
Л. 12–12 об. – (Седьмая «вина») «Убо яве есть, яко сие неприятно, но первыхъ триехъ совокупление перстовъ праведно»	Л. 59 – «Яве убо, яко несть приятно»
Л. 12 об. – (Восьмая «вина») «В божественней же Троице нести леть глаголити, лице четвертое, и пятое убо ниже лепо есть сими персты образовати, но тремя первыми персты, о них же праведно глаголется: первый, второй и третий»	Л. 59 об. – «В божественней же Троице несть леть рещи – лице четвертое и пятое. Убо ниже лепо есть сими персты образовати»
Л. 12 об.–13 – (Девятая «вина») «Убо несть лепо теми образовати персты. Но первымъ вторымъ и третимъ между ними же никое же обретаемо есть посредствие»	Л. 59 об. – «Убо несть сими лепо образовати персты, но теми, между ими же есть непосредствие; сичевы же суть три первии персты. Убо тремя первыми персты образовати годствуетъ»
Л. 13 – (Десятая «вина») «Въ Цареграде от киръ Паисия патриарха константинопольскаго»	Л. 60 – «Въ Цареграде от киръ Паисиа патриарха собраномъ»

В «Жезле правления» Симеон Полоцкий, завершая свою аргументацию, напомнил о Московском соборе 1654 года, на котором было утверждено троеперстное крестное знамение, а всех несогласных подвергли анафеме. В «Извещении чудесе...» автор, видимо, ориентируясь на логику изложения богослова, поступил похожим способом. В качестве итоговых аргументов после «вин» в книге приводится свидетельство о представленной в Москве по инициативе царя Алексея Михайловича в 1666 году честной деснице преподобного отца Комненоса. Автор, напоминая, что «вы убо расколюбцы, зрите кому противитесь» (Л. 14 об.), в конце призывает вернуться в лоно официальной церкви, которая готова всех принять, «якоже блудного сына». Текст книги насыщен неоднократными повторениями с требованием старообрядцев покаяться, а также риторическими фигурами, например параллелизмом и градацией («Исцеляйте язвы душ вашихъ пластырми духовными, язву непослушания – пластыремъ послушания, рану непокорства – благопокорением...») (Л. 15–15 об.).

Подобные аргументы использовались официальной церковью в «Соборном деянии на еретика Арменина, на мниха Мартина» (М. 1718), в истории об обретении в Москве мощей св. апостола Андрея (правой руки с перстами, символизирующими троеперстное крестное знамение). Данный сюжет был также включен в «Увет духовный» Афанасия Холмогорского и вызвал бурную критику в «Поморских ответах» Андрея и Семена Денисовых относительно правдивости ряда изложенных в нем фактов.

К сожалению, точная дата смерти Федора Вышеславцева не установлена. Известно о его кончине в 1677 году³¹, как и описываемое связанное с ним чудо об исцелении в «Извещении чудесе...», произошедшее также в этом году. Последовательность этих событий пока не устанавливается, но даже факт кончины Вышеславцева вскоре после якобы произошедшего с ним чуда вызывает сомнение в достоверности описываемых фактов.

Содержание книги и, главное, простота языка, которым она написана, позволяют считать, что издание предназначалось для широкого круга читателей, в том числе и для священнослужителей, которые потом должны были донести эту информацию до своей паствы. Об этом говорит умелая расстановка акцентов, так, например, подробно описывается чудо вплоть до диалогов (поименно перечисляются свидетели) и процесс его «регистрации» церковными властями, что было нацелено на убеждение окружающих в реаль-

ности и правдивости произошедшего события. Одновременно часть подробностей в «винах» была явно намеренно опущена и сведена фактически до тезисов. В таком виде в них приводилась основная суть с апелляцией на мнение авторитетных церковных деятелей, так было проще и понять, и запомнить неподготовленному читателю. При этом в тексте «вин» прослеживаются постоянные повторы того, как правильно соединять персты при крестном знамении. Можно сказать, что содержание книги направлено на доступное разъяснение окружающим, почему правильно креститься троеперстным крестным знаменем. Конец книги обращен к противникам реформ и убеждает их принять «правильную сторону» православной веры, что позволит исцелить их «язвы душ». Вероятно, это было рассчитано и на людей колеблющихся, на чью позицию в этом конфликте еще можно и должно было повлиять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранившиеся документы архива Приказа книгопечатного дела, выявленная черновая рукопись «Извещения чудесе...» и печатные экземпляры книги позволяют реконструировать историю издания и бытования «Извещения чудесе...». Издание стало ответом на «мятежи и расколы», поразившие русское общество в 1670-х годах. Оно приняло форму фиксации, которая описывает произошедшее чудо исцеления бывшего ясельничего Федора Вышеславцева, с приложением краткого богословского текста, обосновывающего правильность троеперстного крестного знамения. Это издание также сопровождается неоднократными призывами к покаянию за несоблюдение правильных обрядов и ритуалов старообрядцев. Книга написана образцовым литературным языком, максимально доступным для широкого круга читателей. В частности, это выражается как в упрощенном переложении некоторых аргументов из «Жезла правления» Симеона Полоцкого, так и в наглядных сравнениях будущего противников и сторонников церковной реформы и описании чуда. Небольшой объем книги, ее низкая продажная цена, ориентация на читателей разных социальных слоев и уровня образованности позволяют утверждать, что издание «Извещения чудесе...» было связано с реакцией церковной власти на происходившие события в стране и имело целью не только распространение официальных обрядовых правил. Тем не менее до сих пор не обнаружены свидетельства дальнейшего использования этого чуда в качестве аргумента представите-

лами официальной церкви в полемике со старообрядцами. Сведения о нем не упоминаются ни в «Увете духовном», ни в «Соборном деянии на еретика Арменина...», ни в «Обличении неправды раскольников» архиепископа Тверского Феофилакта (М. 1745). Можно сделать предположение, что «Извещение чудесе...» стало одним из первых официальных фальсификатов в борьбе официальной церкви со старообрядцами, в ряду которых самым ярким подлогом является «Соборное деяние на еретика Арменина...».

«Извещение чудесе...» продолжает практику фиксации чудес, которые используются в качестве обоснования тех или иных реформ и коренных изменений в обществе. В связи с этим достоверность описываемых событий вызывает большие сомнения, о чем может свидетель-

ствовать сам факт смерти героя «Извещения чудесе...» Федора Вышеславцева в том же календарном году.

При текстологическом сравнении текстов черновой рукописи и печатного издания делаются выводы о первоначальном замысле автора произведения, в котором полностью копируется ряд аргументов из «Жезла правления» Симеона Полоцкого, однако при подготовке печатного текста две «вины» были исключены вообще, а остальной текст подвергся небольшой редакторской правке, упрощающей его восприятие. Изучение экземпляров «Извещение чудесе...» из собрания РГБ позволяет сделать предположение о том, что, будучи адресованной широкому кругу читателей, книга своего читателя не нашла.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Смирнов П. С. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. 1904. № 7. С. 38.
- ² Ягодкин Д. П. Симеон Полоцкий как полемист против раскола // Странник. 1880. № 9–10. С. 73–101; № 11. С. 316–382; № 12. С. 542–556; Белокуров С. А. Кто автор «Увета духовного»? // Христианское чтение. 1886. № 7–8. С. 163–177.
- ³ Смирнов П. С. Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христианское чтение. 1904. № 7. С. 36–58; № 8. С. 173–186; № 9. С. 281–303.
- ⁴ Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима // Странник. 1872. № 2. С. 89–112.
- ⁵ МК РГБ. [Иоаким, патриарх Московский]. Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. М., 1677. Инв. № 1779. Л. 1 об. (далее нумерация листов приводится в тексте).
- ⁶ Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в Библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1. С. 341.
- ⁷ Гаврилов А. Указ. соч. С. 103.
- ⁸ МК РГБ. Иоаким, патриарх Московский. Слово на Никиту Пустосвята. М., [1682]. Л. 16.
- ⁹ Гаврилов А. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 75. Л. 22.
- ¹¹ Там же Л. 23 об.
- ¹² Там же. Л. 22–22 об.
- ¹³ Там же. Оп. 3. Д. 50. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 77. Л. 54 об., 58 об., 106, 108.
- ¹⁶ Там же. Д. 78. Л. 264 об.
- ¹⁷ [Иоаким, патриарх Московский]. Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. М., 1677 // Книги кириллической печати 16–20 вв. из собрания ГПИБ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rarebook.shpl.ru/search.htm> (дата обращения 30.01.2024).
- ¹⁸ В определении типа узора данной мраморной бумаге мы опираемся на: [8: 92–93], [11: 118].
- ¹⁹ ОР РГБ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1. Л. 251.
- ²⁰ МК РГБ. [Иоаким, патриарх Московский]. Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. М. 1677. Инв. № 9154. Л. 1–15.
- ²¹ Там же. Форзац. л.
- ²² В определении типа узора данной мраморной бумаги мы основываемся на принципах описания, заложенных в: Определитель декоративной бумаги в книжном переплете. Nekrasovka PRO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioteka.nekrasovka.ru/opredelitel#rec583575165> (дата обращения 29.12.2023).
- ²³ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 75. Л. 61.
- ²⁴ МК РГБ. Иоаким, патриарх Московский. Поучение во время нахождения супостатов. М., [1678]. Л. 7 об.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 422.
- ²⁶ Близко к: Филигрani XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988. С. 81, № 205.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 422. Л. 1–1а.
- ²⁸ Там же. Л. 10.
- ²⁹ Там же. Л. 11 об.

³⁰ МК РГБ. [Иоаким, патриарх Московский]. Извещение чудесе... Инв. № 1779. Л. 6.

³¹ Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Т. 4. С. 355.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянкин Ю. С. Документы архивов московских приказов об издании и распространении антистарообрядческих книг Печатного двора во второй половине XVII в. // Отечественные архивы. 2011. № 4. С. 46–56.
2. Белянкин Ю. С. Издания Московского Печатного двора и борьба с «раскольниками» во второй половине XVII в. // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: К 285-летию основания Академической типографии в России: Материалы V Междунар. науч. конф. М.: Наука, 2012. Т. 1. С. 60–70.
3. Белянкин Ю. С. Polemika вокруг крестного знамения и московские печатные книги XVII в. для обучения вере и грамоте // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 6. С. 3–13.
4. Белянкин Ю. С. Чудеса и знамения в церковной полемике второй половины XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 16–17.
5. Демин А. С. «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого // Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.). Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М.: Наука, 1982. С. 60–93.
6. Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России, 1654–1684 гг. / [Сост. В. С. Румянцевой]. М.: Ин-т истории СССР, 1990. 146 с.
7. Зиборов В. К. Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 53–57.
8. Золотова М. Б. Атрибуция декоративных мраморных бумаг при изучении русского переплета XVIII – начала XX века: проблемы и пути решения // Библиоковедение. 2021. Т. 70, № 1. С. 89–99.
9. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. 512 с.
10. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. 224 с.
11. Маркова А. И. Книжные переплеты генерала А. П. Ермолова. М.: ИД Руденцовых, 2020. 236 с.
12. Панич Т. В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск: Омега Принт, 2014. С. 124–130.
13. Поздеева И. В. Московский печатный двор XVII в.: между средневековьем и Новым временем // Acta Baltico-Slavica. 2016. Vol. 40. P. 126–166.
14. Старицын А. Н. Староверческое движение в Поморье во второй половине XVII – первой трети XVIII в. (Опыт изучения и локализации поселений староверов). М.; СПб.: Петроглиф, 2023. 500 с.
15. Тихомиров В. Н., Асафов К. М., Протасьева Т. М. Записи на книгах старой печати XVI–XVII веков // АЕ за 1961 год. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 276–344.
16. Успенский Б. А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
17. Wolfe R. J. Marbled paper: Its history, techniques, and patterns. New Castle, Delaware: Oak Knoll Press, 2018. 245 p.

Поступила в редакцию 13.02.2024; принята к публикации 12.04.2024

Original article

Maxim Yu. Borisov, Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities, Junior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-0720-4298; maksbor2202200@mail.ru

“THE STORY OF A MIRACLE OF THE CROSS WITH FIRST THREE FINGERS...” (MOSCOW, 1677) IN THE COLLECTION OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY: HISTORY OF ORIGINAL PUBLICATION AND ITS COPIES

Abstract. The historiography of “The Story of a Miracle...” (Moscow, 1677) has not been thoroughly examined. This book played a significant role in the confrontation between the official Russian Orthodox church and the Old Believers. It recounts a miraculous event involving Fyodor Vysheslavtsev, the former nursery of Tsar Alexei Mikhailovich. This study aims to explore the publication history of this book and the characteristics of its copies through source and book analysis. The article highlights the author’s use of ideas from “The Rod of Rule” (Moscow, 1667) by Simeon of Polotsk regarding the three-finger Sign of the Cross for a debate with the Old Believers. It was found that the original version closely replicated these ideas, with changes made for clarity in the printed edition. Nine copies of “The Story of a Miracle...” from the Russian State Library were examined for their bindings, bookplates, notes, and markings.

Additionally, the corpus of archival documents on the publication of the book and a manuscript draft were analyzed to reveal the unique textual characteristics and draw the conclusion that the book was indented for a very wide audience.

Key words: Moscow Printing House, Cyrillic books, book history, Russian Orthodox Church Schism, Patriarch Joachim

For citation: Borisov, M. Yu. “The Story of a Miracle of the Cross with First Three Fingers...” (Moscow, 1677) in the collection of the Russian State Library: history of original publication and its copies. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):49–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1042

REFERENCES

1. Belyankin, Yu. S. Documents from the archives of Moscow administrative departments on the publication and distribution of anti-Old Believers books of the Printing House in the second half of the XVII century. *Russian Archives*. 2011;4:46–56. (In Russ.)
2. Belyankin, Yu. S. Publications of the Moscow Printing House and the fight against “Schismatics” in the second half of the XVII century. *Book culture: The experience of the past and the problems of the present: Celebrating the 285th anniversary of Russia's Academic Printing House: Proceedings of the V international research conference*. Moscow, 2012. Vol. 1. P. 60–70. (In Russ.)
3. Belyankin, Yu. S. Polemics on the Sign of the Cross and Moscow printed books for faith and literacy teaching of the XVIIth century. *Moscow University Bulletin. Series 8: The Story*. 2011;6:3–13. (In Russ.)
4. Belyankin, Yu. S. Miracles and signs in church polemics of the second half of the XVII century. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2017;3(69):16–17. (In Russ.)
5. Demin, A. S. “The Rod of Rule” and the aphorisms of Simeon of Polotsk. *Russian old-print literature (XVI – the first quarter of the XVIII century). Simeon of Polotsk and his book publishing activities*. Moscow, 1982. P. 60–93. (In Russ.)
6. Documents of the Military, Ambassadorial, Novgorod, and Secret Administrative Departments on the Schismatics in Russian cities, 1654–1684. (V. S. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 1990. 146 p. (In Russ.)
7. Ziborov, V. K. Joachim. *Dictionary of scribes and book writing of Ancient Russia*. St. Petersburg, 1993. Vol. 3. Part 2. P. 53–57. (In Russ.)
8. Zolotova, M. B. Attribution of decorative marble papers in the study of Russian binding of the 18th – early 20th centuries: problems and solutions. *Russian Journal of Library Science*. 2021;70(1):89–99. (In Russ.)
9. Klyuchevsky, V. O. Old Russian lives of saints as a historical source. Moscow, 1988. 512 p. (In Russ.)
10. Luppov, S. P. Books in seventeenth-century Russia. Leningrad, 1970. 224 p. (In Russ.)
11. Markova, A. I. Book bindings of General A. P. Ermolov. Moscow, 2020. 236 p. (In Russ.)
12. Panich, T. V. “Spiritual Edification” by Afanasiy Kholmogorsky: structure and ideological issues of the book. *Narrative traditions of Slavic literatures: from the Middle Ages to the Early Modern Period*. Novosibirsk, 2014. P. 124–130. (In Russ.)
13. Pozdeeva, I. V. Moscow Printing House in the 17th century: between the Middle Ages and the Modern Age. *Acta Baltico-Slavica*. 2016;40:126–166. (In Russ.)
14. Staritsyn, A. N. Old Believer movement in Pomorye in the second half of the XVII and the first third of the XVIII centuries. (Study and localization of Old Believers’ settlements). Moscow; St. Petersburg, 2023. 500 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov, V. N., Asafov, K. M., Protasyeva, T. M. Notes in old printed books of the XVI and XVII centuries. *Archaeographic Yearbook for 1961*. Moscow, 1962. P. 276–344. (In Russ.)
16. Uspensky, B. A. Cross and circle: From the history of Christian symbols. Moscow, 2006. 488 p. (In Russ.)
17. Wolfe, R. J. Marbled paper: Its history, techniques, and patterns. New Castle, Delaware, 2018. 245 p.

Received: 13 February 2024; accepted: 12 April 2024

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЗЕЛЕНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2818-3684; yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ОНЕЖСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Объектом исследования является Онежский машиностроительный и металлургический завод – ведущее предприятие народного хозяйства Карело-Финской ССР. Рассмотрены основные направления работы завода на начальном этапе Великой Отечественной войны. Основу статьи составили опубликованные и неопубликованные письменные источники, включающие делопроизводственную документацию и эго-документы. Широкий корпус источников позволил реконструировать сложный процесс эвакуации материальных ценностей и работников предприятия в тыл, выполнение стратегических оборонных заданий. Проанализированы два этапа эвакуации. Раскрыта работа «малого завода». Показаны примеры несогласованных, противоречащих друг другу действий руководящих органов, определявших сроки и направления эвакуации. Сделан вывод о значении этого периода в истории завода, позволившего сохранить ценное оборудование и материалы, оперативно развернуть производство на новом месте. Стержневой основой исследования являются принципы историзма и научной объективности. Использованы системный, историко-сравнительный и описательный методы исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великая Отечественная война, Карело-Финская ССР, Онежский завод, эвакуация, заказы фронта, Красноярск, Камбарка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зеленская Ю. Н. Онежский машиностроительный и металлургический завод на начальном этапе Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 59–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1043

ВВЕДЕНИЕ

История города Петрозаводска, столицы Республики Карелия, неразрывно связана с Онежским тракторным заводом (в 1928–1944 годах назывался «Онежский машиностроительный и металлургический завод»), который в 2023 году отметил 320-летие. На протяжении столетий деятельность завода ориентировалась на выполнение государственных задач, которые менялись с течением времени, но сохраняли особую важность как для региона, так и для страны [14]. Через историю завода можно проследить становление и развитие технической мысли в России на протяжении веков [9], социально-экономические процессы, градостроительство, судьбы трудовых династий предприятия и т. д. [13]. Важной вехой в жизни завода стало испытание Великой Отечественной войной. В отечественной [1], [5], [6], [7], [8], [12] и зарубежной [11], [15] историографии, пожалуй, нет ни одной работы, освещающей аспекты военных событий на территории Ка-

рело-Финской ССР, в которой бы не встретилось упоминание о нем. В научных публикациях даны сведения о трудовом почине его работников, эвакуации в Красноярск, возвращении в Петрозаводск после освобождения города от оккупации в 1944 году. В статье, посвященной экономической стороне оккупации районов КФСР в 1941–1944 годах, С. Г. Веригин обратился к вопросу восстановления работы Онежского завода военной администрацией Восточной Карелии [2]. В публикациях обобщающего характера, посвященных многовековой истории завода, также присутствует краткая справка о его деятельности в военный период [16], [17].

В опубликованных источниках, в том числе тематических сборниках документов¹, представлены сведения о перестройке работы завода на выполнение оборонных заказов, замене ушедших на фронт и в истребительные батальоны работников предприятия студентами Карело-Финского государственного университета,

патриотическом подъеме коллектива. О работе завода в годы войны оставил воспоминания председатель СНК КФССР П. С. Прокконен. В частности, Павел Степанович отметил освоение литейщиками производства высококачественной стали для авиационной промышленности. Изделия Онежского завода оказались в полтора раза дешевле, чем аналогичная продукция ряда других металлургических предприятий².

Наличие неопубликованных источников в фондах Национального архива Республики Карелия позволяет вновь обратиться к военной истории завода, рассмотреть наиболее значимые периоды его функционирования во время военных испытаний. Фонд Р-533 «ОАФ «Онежский тракторный завод» (1917–2005)» содержит материалы делопроизводственного характера, раскрывающие основные направления функционирования предприятия, выполнение плановых заданий, модернизацию производственного процесса, социальное обслуживание, оказание социальной поддержки членам трудового коллектива и т. д. В данном фонде сосредоточена распорядительная, протокольная и отчетная документация. Воспоминания главного инженера А. Н. Брызгалова, которые частично опубликованы в книге «Онежский завод»³ и представлены в личном фонде НАРК Р-3338 «Брызгалов А. Н. Главный инженер Онежского завода (1910–1962)», содержат информацию об особенностях работы завода. Не менее содержательны воспоминания первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного Совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова из личного фонда Р-3435 «Куприянов Г. Н., генерал майор, секретарь ЦК КП(б) (1943–2002)». Геннадий Николаевич с гордостью писал, что, даже находясь в эвакуации на большом расстоянии от Карелии, завод не потерял связи с родным краем, оказывал помощь армиям Карельского фронта, предприятиям, налаживавшим производственный процесс на неоккупированной территории республики⁴.

Предпринятая автором статьи попытка реконструировать работу завода на начальном этапе Великой Отечественной войны базируется на основополагающих общенаучных и специальных методах научного исследования, из которых наибольшее значение получили системный, историко-сравнительный и описательный.

* * *

Военные действия на территории Карело-Финской ССР начались в первые дни июля 1941 года. Финские войска предприняли наступление сразу по нескольким направлениям, включая петрозаводское. Быстрое продвижение

противника в глубь территории республики потребовало от советского и политического руководства приступить к оперативной эвакуации материально-технической базы и населения КФССР в тыловые районы.

Комиссия по эвакуации при СНК КФССР начала работу по организации и проведению эвакуации имущества и населения республики 3 июля 1941 года. Возглавили комиссию секретарь обкома партии П. В. Соляков и заместитель председателя СНК республики М. В. Иванов⁵. Под руководством комиссии разрабатывались планы эвакуации отдельных районов и предприятий с учетом оперативной обстановки на линии фронта. В городах и районах, подлежащих эвакуации, были образованы тройки по эвакуации⁶.

Основное внимание комиссия по эвакуации уделила вывозу оборудования, материалов и сырья предприятий республики, которые отправлялись в Архангельскую, Вологодскую, Кировскую, Молотовскую, Челябинскую области, Ленинград, Красноярск и Череповец или перемещались в тыловые восточные районы КФССР.

СНК СССР постановлением № СЭ-12сс от 3 июля 1941 года установил правила демонтажа заводского и фабричного оборудования, ответственность директоров предприятий и руководителей соответствующих наркоматов за проведение эвакуации промышленности. Документ регламентировал порядок демонтажа, маркировки и упаковки деталей, крепежного материала, порядок погрузки и отгрузки станков и машин, обеспечивавший сохранность и комплектность оборудования⁷. Расходы на перемещение в другие районы отдельных частей производства, согласно постановлению СНК СССР № 1806-806сс от 2 июля 1941 года, распределялись между фондами предприятий, наркоматов и государственным бюджетом⁸.

Вместе с имуществом предприятий вывозились в тыл его сотрудники. Каждый работник при эвакуации имел право взять с собой 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. На время эвакуации сохранялась заработная плата, выплачивались подъемные средства главе семьи, жене и каждому из иждивенцев [10: 99–100]. Эвакуированное из прифронтовой полосы население имело право на получение бесплатного питания во время всего пути следования и в течение 5–7 дней после прибытия на место расселения из расчета 6 руб. в сутки. Расходы на питание покрывал союзный бюджет⁹.

Эвакуация из Петрозаводска в Красноярск крупнейшего предприятия металлообрабатывающей промышленности Онежского машиностро-

ительного и металлургического завода началась во второй декаде июля 1941 года после получения телеграммы № 4032 наркома лесной промышленности СССР М. И. Салтыкова, предписывавшей немедленно демонтировать и отгрузить на Красноярский механический завод Лесосудомашстроя металлорежущие станки, пресс, прокатный стан, электрооборудование и прочее ценное имущество и материалы. 17 июля 1941 года заместитель наркома лесной промышленности СССР Меньшиков телеграммой № 4204 обязал оборудование токарного и газогенераторного цехов отдельными вагонами отправить в Камбарку. 19 июля 1941 года телеграммой № 4256 Меньшиков распорядился приступить к демонтажу агрегатов энергохозяйства, пять паровых котлов, два локомотива отгрузить в Красноярск, дизель отправить в Камбарку, кислородную станцию оставить на месте. В соответствии с этими указаниями работа завода была полностью остановлена и демонтаж оборудования развернулся на всех участках¹⁰.

Транспортировку материальных ценностей и рабочих, инженерно-технических кадров и членов их семей следовало осуществлять по Кировской железной дороге. Для оперативной отгрузки оборудования у железнодорожной ветки внутри завода были поставлены два железнодорожных электрокрана, снятых с прокатного и мартеновского цехов. Фронт погрузки удалось увеличить за счет строительства пяти временных погрузочных площадок¹¹. Согласно эвакуационному плану, с 18 по 24 июля 1941 года от управления Кировской магистрали требовалось предоставить Онежскому заводу 250 вагонов, подано же было только 127¹². Невыполнение требований комиссии по эвакуации КФССР администрацией Кировской железной дороги произошло вследствие обострившейся топливной проблемы, неразвитости станционного хозяйства и низкой пропускной способности магистрали в целом и Сорокско-Обозерской железнодорожной линии [3], которая с запада на восток связала Карело-Финскую ССР с Архангельской областью, в частности, эвакуации части подвижного состава на тыловые железные дороги [4].

Первый эшелон с оборудованием лабораторий, станками инструментального и ремонтного цехов, сырьем отправился из Петрозаводска в направлении Красноярска 19 июля 1941 года. В тыл направлялось имущество, поддававшееся быстрому демонтажу, а также ценные материалы (медь, ферросплавы, трубы, алюминий). Одновременно велось укомплектование пяти вагонов с личным составом, ИТР тех специальностей,

которые необходимы для развертывания проектно-сметных и строительно-монтажных работ в Красноярске¹³. В процессе эвакуации создавались предпосылки для быстрого разворота работы завода на новом месте. Вывозились агрегаты, необходимые приспособления, инструменты, полуфабрикаты, специалисты, которые работали на этом оборудовании¹⁴.

Параллельно с погрузкой первого эшелона в производственных цехах товарного выпуска (№ 5, 10) завершалось начатое производство, велась форсированная подготовка к разбору технически сложного оборудования. Имущество энергетического хозяйства завода демонтажу не подвергалось, продолжало эксплуатироваться¹⁵.

Со вторым и третьим эшелонами, отправленными в Красноярск, отгружалось комплектное оборудование ремонтного, инструментального и других цехов с дефицитными материалами. С третьим эшелоном в эвакуацию выехала самая большая группа личного состава завода (10 вагонов)¹⁶.

21 июля поступила телеграмма управляющего трестом «Лесосудомашстрой» Градова с требованием продолжить работу мартеновского и прокатного цехов и обеспечить их кадрами. Работников других цехов предприятия следовало отправить в Красноярск. Предписание, полученное в момент, когда оборудование этих цехов уже было частично демонтировано, послужило сигналом к более сдержанным темпам работ по погрузке оборудования. Телеграммой от 29 июля нарком лесной промышленности СССР М. И. Салтыков обязал немедленно организовать выплавку и прокат стали ХМЮА С-50. Отгрузка оставшегося оборудования металлургических цехов и участков, с ними связанных, прекратилась. Одновременно руководство завода предприняло меры по розыску вагонов с отправленным ранее имуществом и материалами. Поскольку отгрузка оборудования в первых эшелонах производилась непрерывно по мере его демонтажа и не рассматривалась возможность его возврата в пути следования, то попытки вернуть на завод лабораторное оборудование и материалы не увенчались успехом, так как они были отгружены в разных вагонах. Для подбора аналогичного эвакуированному в Красноярск лабораторного оснащения в Ленинград отправились представители завода. Одновременно по специально разработанному плану развернулись монтаж прокатного, мартеновского, литейно-кузнечного цехов, работа лесного отдела, энергоблока. Отгрузка части металлорежущего оборудования для создания ремонтной базы переносилась на более поздние сроки¹⁷.

Всего в Красноярск и Камбарку было отправлено шесть эшелонов в составе 292 вагонов, эвакуированы 4581 т груза и 1216 человек личного состава завода. Последний, шестой эшелон выехал из Петрозаводска в начале августа 1941 года¹⁸.

Коллектив, оставшийся на предприятии, переключился на восстановительные работы для производства стали С-50. 18 августа приступили к разогреву мартена для ее выплавки. Кузнечный цех с начала восстановления выполнял оборонные заказы по заданиям ЦК и СНК СССР, освоив производство саперных лопат, ломов и другого шанцевого инструмента для строительства рубежей обороны, осуществлял ремонт орудий и ковал кривошпы для танков¹⁹. Прокатчики делали обшивку для бронепоездов. Завод поставлял ценный металл для военных предприятий. Работала электростанция с гидротурбинами, центральная котельная, парогидравлический пресс, мартеновский, прокатный, механический цеха, кислородная станция и связь, транспорт и лесобиржа, обеспечивавшая завод топливом. Таким образом, после эвакуации «большого завода» остался работать комплексно оснащенный «малый завод» с группой металлорежущих и заготовительных цехов и всеми вспомогательными службами²⁰.

«Малый завод» проработал недолго в результате того, что противник перерезал железную дорогу между Петрозаводском и Ленинградом. 24 августа 1941 года пришло распоряжение СНК СССР и ЦК ВКП(б) о проведении полной эвакуации предприятия в течение 24 часов. В первую очередь предстояло демонтировать кислородную станцию и все наиболее ценное из оставшегося оборудования. При этом в силу отрезанности железнодорожного сообщения следовало вывозить оборудование и материалы водным путем²¹.

Работа цехов остановилась. Разобранное оборудование и материалы по узкоколейной ветке доставлялись на лесоподъемный пункт, где грузились на баржу для отправки через Вологду в Красноярск. На баржах были вывезены восстановленные после первого этапа эвакуации цеха с оставшимся личным составом. Отгрузка металла осуществлялась по железной дороге через Беломорск до 26 сентября. Всего за время второго этапа эвакуации в тыл были вывезены 5483 т груза и 324 человека. Удалось отправить практически все запасы сырья и оборудования за исключением негабаритных тяжеловесных агрегатов²². Пришлось оставить прокатный стан, ковши, молоты, паровые котлы, пресс, грузоподъемные устройства, множество станков механических цехов²³. К моменту, когда части Красной армии оставили г. Петрозаводск, на предприятии на-

ходились печи, газогенераторы, прокатный стан, пила горячей резки, парогидравлический пресс, трехтонный молот, вагранки, мостовой кран, паровые котлы, узкоколейный паровоз и мотовоз. Из материалов не успели вывезти чугун, частично кирпич, около 1 тыс. т углеродистой стали в болванках. В соответствии с планом вывода из строя оставшегося оборудования заблаговременно с паровой машины прокатного цеха были сняты золотники и блоки управления, с котлов – питательные приборы и арматура, паровозов – шатуны, золотники и арматура. Все эти части закопали в разных местах на территории завода²⁴.

Согласно указанию ЦК КП(б) и СНК КФССР от 31 августа 1941 года, оборудование кислородной станции для снабжения фронта кислородом следовало в течение двух суток демонтировать и за 20 дней собрать в Беломорске, передав на правах специального цеха лесозаводу № 2²⁵. Бригада за два дня разобрала оборудование станции, погрузила в вагоны. По пути в Беломорск возникали пробки, так как противник бомбил Кировскую железную дорогу. Оборудование удалось доставить в Беломорск только 9 сентября. По прибытии развернулась круглосуточная работа по установке станции, которая продолжалась на протяжении 11 дней²⁶. На каждый день выдавалось суточное задание, рабочий день не заканчивался до тех пор, пока задание не было выполнено. В период монтажа рабочие трудились по 14–16 часов. В отдельные дни (во время бетонирования) работали по 20 часов с выходом через 4 часа в очередную смену. Наилучшие образцы работы показали начальник ремонтного цеха А. Н. Марков, машинист С. Н. Гречников, слесари М. Н. Печерин и С. П. Ефремов, плотники Ф. В. Малышев и И. И. Сизов, такелажник Р. С. Кузьмин, сварщик П. И. Решетников, механик С. Евсеев. На подсобных работах участие в монтаже кислородной станции принимали члены семей работников²⁷. За производственную инициативу и образцовую стахановскую работу по выполнению важного оборонного задания почетные грамоты Верховного Совета КФССР получили рабочие, служащие и инженеры кислородной станции²⁸. 26 октября станция произвела первый кислород. Анализ газа показал высокое качество (99,4 %) чистого кислорода. Такой процент значительно превосходил норму технического кислорода и переводил его в разряд медицинского²⁹.

С трудностями столкнулись слесари, токари, сварщики, электромонтеры, отправленные вместе с семьями на Камбарский литейно-механический завод. На основании телеграммы

№ 537-37-9-22-33 от 10 ноября 1941 года уполномоченного ГКО по Удмуртской АССР Чекинова к моменту приезда из Петрозаводска последних партий груза и работников Камбарский завод оказался переданным в ведение НКО. Директор Онежского завода С. И. Андреев получил предложение передать все материалы и оборудование заводу № 71 Камбарской артели, а личный состав, не обеспеченный работой, трудоустроить на различных предприятиях в Ижевске, Камбарке и ближайших населенных пунктах³⁰.

Передача оборудования на временное хранение на склад № 136 производилась, согласно служебной записке, с 22 по 30 октября 1941 года. Все материалы пересчитывались, группировались по видам, заносились в ведомости³¹. 5 ноября 1941 года на имя директора завода С. И. Андреева поступила телеграмма заместителя наркома лесной промышленности А. Е. Сучкова с требованием отправить людей и оборудование в Красноярск³². Начался обратный процесс передачи имущества и его транспортировки в Красноярск.

Красноярский механический завод, на площадку которого в августе 1941 года начало прибывать эвакуированное оборудование Онежского завода, представлял собой небольшое предприятие. Его производственная программа в пять раз уступала возможностям Онежского завода. В Красноярске выпускали лесовозные платформы, вагонетки конной тяги, колуны для производства газогенераторных чурок и другое малое оснащение для лесной промышленности³³.

Для возобновления работы Онежского завода на новом месте каждый начальник цеха брал на себя руководство строительными и монтажными работами в своем цеху до полной сдачи его в эксплуатацию: В. Д. Рыбин отвечал за строительство механического цеха, М. Д. Филиппов – прессового, П. Ф. Тетюев – котельной и трансформаторной подстанции, П. С. Зеленский – инструментального цеха³⁴.

В условиях мирного строительства развертыванию производства предшествуют проектирование, составление сметы, заготовка материалов. Далее следует строительство промышленных зданий и подсобных помещений, размещение оборудования и ввод в эксплуатацию энергетической системы. В период военных испытаний последовательность действий по налаживанию производства проходила по-другому сценарию. Началось все с расстановки оборудования по потоку, подведения к нему электричества. Строительство зданий велось параллельно с монтажом оборудования. Нередко станки вводились

в эксплуатацию еще до того, как строители возвели стены и крышу. Более целесообразным оказалось смонтировать механические цеха, а не заготовительные. Это позволило широким фронтом развернуть работы на всех участках, использовать всех рабочих и выиграть время. Как только станочное оборудование было смонтировано, его оснастили инструментом и приспособлениями. Кадровые рабочие приступили к настройке станков и одновременно начали обучение новых работников. Параллельно производились работы по монтажу более сложного оборудования. В результате, когда заготовительные цеха стали давать продукцию, цеха механической обработки уже ее ожидали. За неимением времени на строительство подстанции мощный трансформатор установили прямо в одном из цехов в центре энергетических нагрузок завода. На этом трансформаторе завод проработал два года до постройки постоянной трансформаторной подстанции. Строительство котельной проходило медленно. Кузница нуждалась в паре. По инициативе главного механика Д. Н. Маркова во дворе завода на стационарный режим были установлены два паровоза. Более года они питали паром предприятие³⁵.

В последующем, когда завод достиг заложенных в него производственных мощностей, возникла проблема недостатка воды и электроэнергии. Пришлось на ходу усиливать линию подачи и строить подстанцию, прокладывать резервный водопровод, ставить на берегу Енисея водоносную станцию и через нее снабжать завод достаточным количеством воды³⁶.

Широкое распространение получили субботники. Краевые и городские организации предоставляли транспорт, оказывали содействие в изыскании дополнительного оборудования, материалов, рабочих³⁷.

Кадровая проблема на заводе была решена за счет привлечения женского труда. На начало 1942 года женщины составляли 48 % коллектива. Завод превратился в своеобразный учебный центр, на котором одновременно со строительством и производством проходил процесс подготовки кадров. Применялось индивидуальное и групповое обучение без отрыва от производства. Через четыре месяца, еще не завершив строительные работы, коллектив завода начал выпускать продукцию для нужд фронта. В декабре 1941 года ее объем в 1,5 раза превышал максимальный выпуск изделий на Онежском заводе. К концу 1942 года объем выпуска уже втрое превзошел довоенный уровень³⁸, в 1943 году – в 5–6 раз, в июле 1944 года – в 7 раз³⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на начальном этапе Великой Отечественной войны коллективу Онежского завода пришлось помимо перестройки работы на военные рельсы осуществить эвакуацию имущества в Красноярск, чтобы возобновить производство на новом месте. Резко меняющаяся ситуация на линии Карельского фронта потребовала быстрых и слаженных действий для сохранения цен-

ного оборудования и материалов. На темпах эвакуации сказались недостаток подвижного состава, загруженность железнодорожных участков Кировской магистрали, несогласованность действий высшего руководства по определению направлений для эвакуации. В целом, преодолев испытание начального этапа войны, Онежский завод, находясь в Красноярске, продолжил выполнять оборонные задания, приближая победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В 3 кн. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. 574 с.; По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.; Эвакуированная Карелия. Жители республики об эвакуации в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Воспоминания. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 553 с.
- ² Прокконен П. С. В дни войны. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. С. 51.
- ³ Брызгалов А. Н. Онежский завод. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1957. 125 с.
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 3/123. Л. 91.
- ⁵ НАРК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 8/69. Л. 1–158; Д. 8/70. Л. 1–150.
- ⁶ Там же. Д. 8/73. Л. 15.
- ⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 541. Л. 15–17.
- ⁸ НАРК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 8/61. Л. 8.
- ⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 398.
- ¹⁰ НАРК. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 1–2.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² НАРК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 9/87. Л. 8.
- ¹³ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 114.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Л. 2–3.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ НАРК. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 115.
- ²¹ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 3.
- ²² Там же. Л. 3–4.
- ²³ НАРК. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 116.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Л. 3.
- ²⁶ НАРК. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 115–116.
- ²⁷ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 2/17. Л. 68–68 об.
- ²⁸ Там же. Л. 69; Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/10. Л. 41–42.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 115–116.
- ³⁰ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 3/26. Л. 6.
- ³¹ Там же. Д. 2/19. Л. 1–2.
- ³² Там же. Л. 7.
- ³³ НАРК. Ф. Р-3338. Оп. 1. Д. 2/7. Л. 116.
- ³⁴ Там же. Л. 117.
- ³⁵ Там же. Л. 118–119.
- ³⁶ Там же. Л. 120.
- ³⁷ Там же. Л. 120.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Л. 123, 124.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 541 с.
2. Веригин С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // История. 2021. Т. 12, вып. 7. С. 100–112. DOI: 10.18254/S207987840016508-7

3. Зеленская Ю. Н. «Это могли сделать только русские!»: Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «дорогой жизни» Севера // Военно-исторический журнал. 2015. № 8 (664). С. 23–28.
4. Зеленская Ю. Н. Эвакуационные перевозки – одно из направлений деятельности Кировской железной дороги на начальном этапе Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.168
5. История Карелии с древнейших времен до наших дней / [Ю. А. Савватеев, А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин и др.]; [Под общ. ред. Н. А. Кораблева и др.]; Кар. науч. центр Рос. акад. наук. Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
6. История Петрозаводска: власть и горожане: [Монография / А. Ю. Жуков и др.; Науч. ред.: А. Ю. Жуков, А. И. Бутвило]. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2008. 373 с.
7. История строительства в Карелии / В. Г. Баданов [и др.]; Редкол.: В. А. Момотов (пред.) [и др.]. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. 206 с.
8. История экономики Карелии. Кн. 2 / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик; Правительство Респ. Карелия, Ин-т экономики, Ин-т яз., лит. и истории Карел. науч. центра Рос. акад. наук, Нац. арх. Респ. Карелия. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 244 с.
9. Каменева Е. Е., Каменев Е. В. История горнозаводского дела на Александровском пушечном заводе (по материалам публикаций «Горного журнала» за 1825–1845 гг.) // Горный журнал. 2022. № 7. С. 110–116. DOI: 10.17580/gzh.2022.07.19
10. Кравченко Г. С. Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963. 398 с.
11. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
12. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 237 с.
13. Пашков А. М. Основание и становление Олонецких Петровских заводов // Горный журнал. 2021. № 9. С. 90–94.
14. Савельев В. А. Завод и люди: События. Факты. Даты. Фотографии. Очерки. Стихи. Справочные материалы. Петрозаводск: Карелия, 1991. 138 с.
15. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.
16. Смирнов В. И. Два века Онежского завода. 1774–1974. Петрозаводск: Карелия, 1974. 310 с.
17. Тетерин Л. От Петровского до Онежского. За годом год: интересные факты, документы, фотографии и другие сведения об истории одного из старейших предприятий России. Петрозаводск, 2004. 118 с.

Поступила в редакцию 28.02.2024; принята к публикации 12.04.2024

Original article

Yulia N. Zelenskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2818-3684; yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

ONEZHISKY MACHINE-BUILDING AND METALLURGICAL PLANT AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. This study focuses on the Onezhsky Machine-Building and Metallurgical Plant, a key enterprise in the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic during the early stage of the Great Patriotic War. The main objective is to examine the plant's operations during this period. The research draws upon a variety of published and unpublished sources, such as office records and ego-documents, in order to reconstruct the complex process of evacuating assets and employees and executing strategic defense tasks. Two stages of evacuation are analyzed, along with the operations of the “small plant”. The article highlights instances of disorganized and conflicting actions by governing bodies that influenced the timing and routes of evacuation. Ultimately, the study draws a conclusion that this period played a significant role in the plant's history, as it led to the preservation of valuable equipment and materials and the swift resumption of production in a new location. The research is grounded in principles of historicism and scientific objectivity, utilizing systematic, historical-comparative, and descriptive methods of analysis.

Keywords: Great Patriotic War, Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, Onezhsky plant, evacuation, front orders, Krasnoyarsk, Kambarka

For citation: Zelenskaya, Yu. N. Onezhsky Machine-Building and Metallurgical Plant at the initial stage of the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):59–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1043

REFERENCES

1. Verigin, S. G. Karelia during the years of war trials: political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 541 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Economic aspects of the Finnish occupation of Karelia (1941–1944). *Istoriya*. 2021;12(7):100–112. DOI: 10.18254/S207987840016508-7 (In Russ.)
3. Zelenskaya, Yu. N. “This could be done only by the Russians!”. Construction of the Soroca-Obozersky railway line, which during the Great Patriotic War became the “road of life” of the North. *Military Historical Journal*. 2015;8(664):23–28. (In Russ.)
4. Zelenskaya, Yu. N. Evacuation transportation as one of the activities of the Kirov Railway at the initial stage of the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;5(174):51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.168 (In Russ.)
5. The history of Karelia from ancient times to the present day. (N. A. Korablyov, Ed.). Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
6. The history of Petrozavodsk: the government and the citizens. (A. Yu. Zhukov, A. I. Butvilo, Eds.). Petrozavodsk, 2008. 373 p. (In Russ.)
7. The history of construction in Karelia. (V. A. Momotov et al., Eds.). Petrozavodsk, 2007. 206 p. (In Russ.)
8. Vavulinskaya, L. I., Verigin, S. G., Ilyukha, O. P., Filimonchik, S. N. The history of Karelia’s economy. Book 2. Petrozavodsk, 2005. 244 p. (In Russ.)
9. Kameneva, E. E., Kamenev, E. V. The history of mining engineering at the Alexandrovsky Cannon Factory (based on the publications in the *Gornyi Zhurnal* in 1825–1845). *Mining Journal*. 2022;7:110–116. DOI: 10.17580/gzh.2022.07.19 (In Russ.)
10. Kravchenko, G. S. Military economy of the USSR in 1941–1945. Moscow, 1963. 398 p. (In Russ.)
11. Kulomaa, J. The Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
12. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 237 p. (In Russ.)
13. Pashkov, A. M. Establishment and development of the Olonets Petrovsky Plants. *Mining Journal*. 2021;9:90–94. (In Russ.)
14. Savelyev, V. A. Plant and people: Events. Facts. Dates. Photos. Essays. Poems. Reference materials. Petrozavodsk, 1991. 138 p. (In Russ.)
15. Seppälä, H. Finland as an occupier in 1941–1944. *Sever*. 1995;4–5:96–113; 1995;6:108–128. (In Russ.)
16. Smirnov, V. I. Two centuries of the Onezhsky plant. 1774–1974. Petrozavodsk, 1974. 310 p. (In Russ.)
17. Teterin, L. From Petrovsky to Onezhsky. Year after year: interesting facts, documents, photos, and other information about the history of one of the oldest enterprises in Russia. Petrozavodsk, 2004. 118 p. (In Russ.)

Received: 28 February 2024; accepted: 12 April 2024

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НИЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь

(Петрозаводск, Российская Федерация)

vmnilov@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛ В ПЕЧАТИ КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – 1960-х ГОДАХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается один из малоизученных аспектов истории печати Карелии, связанный с ее деятельностью по развитию общественных начал в журналистике в период «оттепели». На основе архивных документов, мемуарной литературы и газетных публикаций исследуются структура местной прессы и входящие в нее основные органы республиканской, районной и многотиражной печати. В работе используются аналитический, системный и ретроспективный методы, позволяющие выявить закономерности и специфику организации работы редакций в данный период, формы и методы журналистской работы с читателями. Основной акцент сделан на анализе развития общественных начал в работе редакций газет. Проведенное исследование позволяет сделать вывод об активной роли печати в институционализации общественных начал в республике и создании условий для самовыражения читателей и их участия в общественных делах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карельская АССР, советская местная печать, журналистика, рабселькоровское движение, общественные начала

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нилов В. М. Развитие общественных начал в печати Карелии во второй половине 1950-х – 1960-х годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 67–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1044

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже 1950-х – 1960-е годов политическое руководство СССР в целях укрепления народной поддержки глубоких общественных реформ в стране предприняло ряд шагов по модернизации, демократизации общественной жизни, развитию литературы и искусства, подъему социального оптимизма. В этом ряду преобразований одно из весьма заметных мест заняло активное привлечение граждан к различным видам общественной деятельности в структурах государственного управления, культурного строительства, в средствах массовой информации и других сферах [2], [3], [9], [10], [12]. Институционализация общественных начал способствовала появлению и развитию многообразных форм общественной активности и самоуправления населения, формальных и неформальных практик реализации общественных инициатив «снизу» через властные структуры по всей стране, в том числе и в Карельской АССР [4].

В этом процессе весьма заметную роль играли средства массовой информации, ставшие одним из самых влиятельных факторов мобилизации

общества в данный период [6]. Одновременно произошли глубокие изменения и в самой советской прессе. Со второй половины 1950-х годов в журналистику пришли новые темы, качественно вырос уровень постановки социальных и нравственных проблем, усилился поиск нестандартных форм организационно-массовой работы. В газетах стало увеличиваться количество материалов с мест, читательских корреспонденций, очерков и интервью с представителями различных социальных групп. Журналисты ряда изданий обратились к социологическим опросам. Используя письма читателей, они стали свободнее и острее в критике местных хозяйственников и администраторов, начали активнее добиваться принятия должных мер по предложениям и критическим сигналам.

Новый импульс этому процессу дало постановление ЦК КПСС, датированное 28 июня 1960 года, «О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио»¹, одобрявшее инициативу и участие граждан в работе редакций как проявление демократизма и свободы печати, а также наметившее направления, задачи и формы деятельности партийных комитетов и журналистов в данной сфере.

Прогрессивные перемены в отечественной журналистике затронули и прессу Карелии, отразившись как в целом на динамике развития местной системы печатных изданий, так и усилении внимания работников печати к развитию взаимодействий с читателями, расширению использования их писем и жалоб для решения социальных проблем, созданию общественных приемных при редакциях, привлечению специалистов к освещению актуальных тем развития республики и др.

Первые публикации, посвященные общественным началам в советской печати, начали появляться с 1960-х годов [1], [5], [7]. Однако до настоящего времени в научной литературе, особенно посвященной печати регионов, соответствующих работ на эту тему весьма мало [6].

Цель статьи – рассмотрев систему периодической печати Карелии в период с середины 1950-х до конца 1960-х годов, провести анализ развития института общественных начал в деятельности редакций, а также форм и методов участия граждан в работе местной прессы.

В соответствии с подходом Д. Норта [8], под институтом общественных начал в печати на местном уровне автор понимает многообразные формы общественной активности населения в структуре деятельности редакций, а также формальные и неформальные практики реализации «снизу» общественных инициатив, поддержанных прессой через властные структуры.

Для решения поставленной проблемы были использованы документы, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Карелия, научная и мемуарная литература, а также публикации прессы. Собранный массив источников позволил, используя системный и ретроспективный подходы, показать структуру и органы местной печати в данный период, а также проанализировать одну из наиболее существенных сторон деятельности редакций, связанной с развитием общественных начал.

СТРУКТУРА И ОРГАНЫ ПЕЧАТИ КАРЕЛИИ

К середине 1950-х годов в Карелии функционировала типичная с точки зрения дифференциации периодики по территориальному признаку система местной периодической печати, включавшая 32 газеты и журнала, разовый тираж которых составлял более 160 тыс. экземпляров². В последующие годы число изданий менялось из-за пересмотра территориально-административного устройства республики и связанного с этим закрытия или создания новых печатных органов в районах, а также появления много-

тиражных газет предприятий и учреждений. В середине 1960-х годов в Карелии выходило три республиканских, 13 районных и 12 многотиражных газет общим тиражом более 200 тыс. экз.³ К началу 1970-х годов структура печати края в принципе не изменилась. К трем республиканским газетам добавились еще четыре районных и три многотиражных газеты. Общий тираж прессы составил 201 тыс. экз.⁴

В середине 1960-х годов местная печать занимала весомое место в общей структуре изданий, предлагавшихся населению республики, где вместе с центральной прессой каждый день распространялось свыше 360 тыс. экз. газет⁵. В отличие от центральной печати она обладала способностью более чутко реагировать на местные проблемы и охватывать самые широкие массы населения. К примеру, своими тиражами ведущие газеты Карелии («Ленинская правда» и «Комсомолец») намного превосходили количество распространяемых в Карелии номеров таких центральных газет, как «Правда» (17,4 тыс. экз.) и «Комсомольская правда» (26,1 тыс. экз.)⁶.

Ключевую роль в информировании общества и идеологическом воздействии на население края играла республиканская газета «Ленинская правда» – печатный орган Карельского обкома и Петрозаводского горкома КПСС, Верховного Совета и Совета министров КАССР. В рассматриваемый период разовый тираж газеты неуклонно увеличивался. В 1953 году он составлял 35 тыс. экз., в 1958 году – 59,8 тыс. экз., в 1963 году – 75 тыс. экз.⁷ К 1968 году тираж «Ленинской правды» достиг 81 тыс. экз.⁸

Особое место в системе печати национальной республики занимала газета на финском языке «Totuus» («Правда»). С мая 1957 года эта газета начала выходить под названием «Neuvosto Karjala» («Советская Карелия»)⁹. В 1963–1967 годах издание имело объединенную редакцию с «Ленинской правдой». Постановлением бюро Карельского обкома КПСС от 1 марта 1967 года была образована самостоятельная редакция газеты¹⁰. К концу 1960-х годов тираж издания вырос с 3 тыс. до более 5 тыс. экз.

Бюро ЦК ЛКСМ республики 6 ноября 1952 года приняло постановление о переименовании газеты «Молодой большевик» в «Комсомолец»¹¹. По мнению исследователей, на рубеже 1950–1960-х годов молодежная печать страны переживала подъем и играла огромную роль в развертывании идейно-воспитательной работы комсомола [11]. ЦК ВЛКСМ в постановлении от 25 сентября 1959 года поставил перед комсомольскими организациями задачу довести партийные и моло-

дежные газеты и журналы до каждого юноши и девушки, а для этого умело пропагандировать и распространять их¹². Выполняя эту задачу, в 1963 году журналистам «Комсомольца» удалось поднять тираж до 12 тыс. экз., в 1966 году – до 35 тыс. экз.¹³, а в 1970 году он достиг около 42 тыс. экз.¹⁴ При численности членов ВЛКСМ в Карелии около 60 тыс. человек регулярная подписка составляла 35,5 тыс. экз.¹⁵ У газеты было около 100 постоянных авторов¹⁶.

Во второй половине 1950-х годов в связи с изменением территориально-административного устройства республики прекратили издаваться районные газеты («районки») в девяти центрах ликвидированных районов. В то же время продолжали печататься газеты в Беломорске («Беломорская трибуна»); Медвежьегорске («Медвежьегорский сталинец», с 1956 года – «Вперед»); Сегеже («Сталинский путь», с 1960 года – «Ленинец»); Сортавале («Красное знамя»); Пряже («Красная Пряжа», с 1956 года – «Ленинское знамя»); Кондопоге («Новая Кондопога»); Олонце («Колхозник», с 1957 года – «Олонецкая правда»); Петрозаводске («Коммунист Прионежья»); Лоухах («Лоухский большевик», с 1953 года – «Коммунист»); Пудожье («Красный Пудож», с 1956 года – «Знамя труда»); Кеми («Советское Беломорье»); Суоярви («Ленинский путь»). Общий разовый тираж районных изданий в 1966 году составлял 58,5 тыс. экз.¹⁷ В середине 1960-х годов произошло восстановление и образование новых районов, в связи с чем в 1967 году был организован выпуск районных газет в Питкяранте («Новая Ладога»), Калевале («Коммунист Калевалы»), поселке Муезерский («Авангард»), Пряже («Ленинское знамя»)¹⁸.

В рассматриваемый период существенно расширилась сеть многотиражной прессы. Наиболее активно заявили о себе ведомственные газеты Беломорско-Онежского пароходства «Водник Карелии», Сегежского ЦБК «Сегежский бумажник» и Онежского тракторного завода «Онежец». Быстро завоевывали авторитет у читателей вновь открывшиеся газеты Ляскельского ЦБК «За коммунистический труд», целлюлозного завода «Питкяранта» «Слава труду», завода «Петрозаводскбуммаш» «Машиностроитель», Петрозаводской слюдяной фабрики «Работница», Управления строительства «Ондагэстрой» «Гидростроитель», Сортавальского мебельно-лыжного комбината «Мебельщик»¹⁹. 8 октября 1956 года вышел первый номер газеты «Петрозаводский университет»²⁰. Процесс расширения сети многотиражных ведомственных газет приостановился в конце 1960-х годов, когда в стране

возникли трудности с бумагой и пришлось останавливать издания ведомственных многотиражных газет тех коллективов, где число работающих насчитывало менее 3 тыс. человек²¹.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛ В РАБОТЕ ПЕЧАТИ

В Карелии, как и во многих других регионах страны, линия партии на развитие общественных начал в государственном управлении и решении социальных проблем получила значительную поддержку граждан, во многом связанную с общей общественно-политической атмосферой «оттепели», хотя их участие в различных формах самоорганизации нередко наталкивалось на ограниченность реальных прав и материально-финансовой базы у общественных объединений, бюрократический формализм и недостаточную организацию [4]. Пресса в этой ситуации была призвана стать той трибуной, где эти и другие вопросы развития общественных начал могли бы предаваться гласности и при поддержке власти находить решение.

Одним из условий развития общественных начал в печати являлось максимальное расширение читательской аудитории и ее связей с редакциями. Карельский обком КПСС в рассматриваемый период ставил задачу охватить подпиской на газеты и журналы все семьи республики²². На заседаниях бюро обкома рассматривалось состояние дел с распространением прессы в каждом районе, на предприятиях и в трудовых коллективах, выявлялись и подвергались критике недостатки учреждений связи и «Союзпечати», общественных организаций, а также самих журналистов в пропаганде печатных изданий²³. Среди высказываемых предложений особое внимание уделялось развитию общественных начал в распространении прессы. В 1960-е годы по линии органов связи и «Союзпечати» в республике работало около ста общественных советов по пропаганде и распространению печати. Особенно успешно подобные советы действовали на крупных предприятиях. В Карелии трудилось более 4 тысяч общественных распространителей печати. Особенно заметно их количество росло в Петрозаводске, Беломорском, Кондопожском, Олонецком, Сегежском и Суоярвском районах²⁴.

Проводимая в республике работа давала свои плоды. В середине 1960-х годов на 1000 жителей Карелии приходилось 980 экз. газет и журналов²⁵. В Петрозаводске этот показатель был значительно выше – 1513 экз.²⁶; в районных городах и рабочих поселках – 961 экз., в сельской местности – 1036 экз. на 1000 жителей²⁷. Из 185 тыс.

семей в республике не были охвачены подпиской на газеты и журналы лишь 4–5 тыс.²⁸ В ряде передовых леспромхозов на каждого работника по подписке приходилось более двух изданий²⁹.

Расширение читательской аудитории способствовало увеличению писем читателей, являвшихся не только средством прямой и обратной связи газеты с читателями, но и формой выражения общественного мнения и способом участия граждан в решении общественных дел.

На динамику поступающей корреспонденции от населения оказывала влияние и общественно-политическая ситуация в стране. Например, политический кризис, связанный со смертью Сталина, сопровождался сокращением редакционной почты республиканской газеты «Ленинское знамя» (так тогда называлась «Ленинская правда») с 5,5 тыс. читательских корреспонденций в конце 1940-х годов³⁰ до 3 тыс. в 1954 году³¹. В этот непростой для общества период было важно сохранить уверенность людей в том, что страна будет жить, трудности будут преодолены, а дело, начатое предыдущими поколениями, продолжено. Поэтому публикации газет Карелии середины 1950-х годов все чаще обращались к насущным нуждам людей, поддерживали их трудовой настрой, рассказывали о программах увеличения производства товаров народного потребления, развития сельского хозяйства, яркой культурной жизни края.

Прекращение массовых репрессий, реабилитация и освобождение репрессированных граждан, развенчание культа И. В. Сталина на XX съезде партии, демократизация общественной жизни, широкомасштабные планы коммунистического строительства – все это вселяло в людей веру и надежду на лучшее, ощущение духовной свободы и своего вклада в строительство будущего. Эти перемены в общественных настроениях журналисты республиканской газеты «Ленинская правда» ощутили уже в 1956 году на встречах с читателями в Кондопоге, Сегеже, Лахденпохья, Олонце и других городах и поселках республики. Многие из них проходили при полных залах и собирали до 400 человек. Выступления читателей на этих собраниях, как правило, носили открытый и деловой, а часто и критический характер. Например, в Сегеже читатели обратили внимание журналистов на то, что республиканская газета пока не завоевала должной популярности у своей аудитории, что ее редакция недостаточно изучает запросы читателей и неполно освещает многие стороны жизни республики. Журналистам предлагалось более внимательно и обстоятельно работать с письмами читателей

и проявлять заботу о действенности каждого опубликованного материала³². На встрече с читателями в Лахденпохья выступавшими было отмечено недостаточное тематическое разнообразие и невысокий литературный стиль публикаций. Были высказаны упреки относительно того, что не уделяется должного внимания передовикам производства. Читатели отмечали, что газетным материалам не хватает остроты в критических замечаниях, которые к тому же адресуются чаще всего руководителям невысокого ранга, оставляя ответственных начальников в тени³³.

Откровенные и содержательные диалоги журналистов с населением способствовали развитию связей с читателями и расширению круга общественных корреспондентов газеты. Значительную пользу приносили также регулярные встречи сотрудников редакции с активистами печати, помощь им в выборе темы, подготовке и написании статей, читательские конференции и консультации на рабкоровских постах. Во второй половине 1950-х годов ряды внештатных авторов газеты пополнили тракторист лесопункта Маньга Пряжинского леспромхоза В. Павлов, председатель цехового комитета профсоюза лесопункта Куусиниemi Ухтинского леспромхоза В. Акимов, директор Кемской моторно-рыболовной станции (МРС) Федотов, член рыболовной артели имени Сталина из деревни Зашеек Лоухского района М. Кундозеров, мастер рудника имени Чкалова Лоухского района М. Гвоздики и мн. др.

Материалы, подготовленные общественными корреспондентами, хорошо знающими насущные проблемы своего края или предприятия, помогали газете расширять тематику своих публикаций и ставить вопросы, имеющие важное общественное значение. Это публикации об организации зверобойного промысла на Ладожском озере, возрождении первого русского курорта «Марциальные воды», естественном возобновлении хвойных пород деревьев в лесах республики, организации рыболовства в районе Калевалы, переходе на сплошную электро тягу на Кировской железной дороге, о развитии животноводства и садоводства в Карелии и мн. др.

Подавляющее большинство критических публикаций газеты обсуждалось в коллективах соответствующих организаций, а большинство руководителей предприятий и учреждений, подвергнутых критике, сообщали в редакцию о принятых мерах. В особых случаях, когда газета не получала ответа на критику или поставленная проблема приобретала широкий резонанс, к ее решению подключались партийные органы.

Так, 12 декабря 1956 года в «Ленинской правде» была опубликована статья зоотехника А. Лихачева, вскрывшего недостатки развития животноводства в колхозах Олонецкого района. Олонецкий райком КПСС на своем заседании обсудил эту статью и признал ее обоснованной. На основе принятого им решения на фермах наиболее успешных колхозов района были проведены семинары руководящих кадров, специалистов колхозов и МТС по изучению передового опыта. Был принят и ряд других практических мер по улучшению организации животноводства в районе³⁴.

В письме читательницы В. Мефентьевой, опубликованном 13 января 1957 года, сообщалось о недостатках в воспитательной работе рабочих совхоза «Искра» Сортавальского района, которые отрицательно сказываются на хозяйственных показателях. Эта публикация была рассмотрена Сортавальским райкомом КПСС, который потребовал от парторганизации совхоза улучшить разъяснительную работу по ключевым задачам, стоящим перед коллективом предприятия, и предложил ряд мер по улучшению организации труда. В результате проведенных мероприятий коллектив предприятия был ознакомлен с плановыми показателями и заданиями, для животноводов совхоза были организованы занятия по зоотехнике, на фермах начато социалистическое соревнование, позволившее коллективу принять вызов полеводов совхоза «Сортавальский» и развернуть соперничество за своевременную и качественную подготовку к весеннему севу³⁵. Напечатанное в газете 20 марта 1957 года письмо работника Пайского леспромхоза А. Терентьева, озаглавленное «В Паю не дорожат временем лесозаготовителей», стало предметом рассмотрения партийного собрания трудового коллектива. В ходе обсуждения был дан анализ сложившейся ситуации и намечены меры по устранению недостатков в организации труда лесозаготовителей. После этого вопрос о работе леспромхоза был вынесен на обсуждение бюро Прионежского райкома КПСС, рассмотревшего предложения коммунистов леспромхоза и оказавшего им принципиальную поддержку. В результате выступление читателя газеты позволило улучшить работу леспромхоза³⁶.

«Ленинская правда» добивалась принятия действенных мер и по тем письмам, которые не были опубликованы. Так, рабочий лесопункта «Светлый» Вирандозерского леспромхоза И. Морозов написал в редакцию о недостатках в организации лесозаготовок. По просьбе редакции на место выехал главный инженер треста «Севкареллес», который провел

анализ работы предприятия. На основе предложенных им рекомендаций была выполнена реорганизация лесоучастков, а также проведена замена их руководства. Мастерский участок был перебазирован на новые лесосеки, лучше связанные с узкоколейной дорогой. Уже через короткое время лесопункт «Светлый» улучшил показатели своей работы³⁷.

Еще одной формой поддержки критических сигналов читателей были читательские конференции и встречи журналистов с трудовыми коллективами предприятий. Например, во время собраний в трудовых коллективах, посвященных Дню печати, звучала критика в адрес руководителей Кировской железной дороги, работников Кондопожского, Лоухского и Пудожского исполкомов райсоветов, Петрозаводского горисполкома и других организаций³⁸.

Активная общественная позиция газеты и борьба за действенность выступлений граждан в печати способствовали привлечению все новых помощников из числа читателей. В 1960-е годы в газете были опубликованы статьи и заметки бригадира полеводов совхоза «Онежский» Е. Писаренко, бригадира «Жилстройтреста» Ф. Яковлева, рабочего Соломенского лесозавода В. Георгиевского (члена общественной редакции газеты), бригадира Петрозаводского локомотивного депо И. Халатова, мастера сушки древесины Петрозаводского ДСК С. Молчановского, рабочего Юккогубского лесопункта Паданского леспромхоза М. Фороинского, диспетчера Петрозаводской центральной ремонтной мастерской (ЦРМ) П. Бойцова, электромонтера треста «Кондопожстрой» Н. Жилинского, диспетчера Медвежьегорской автотранспортной колонны Д. Лаврушова, директора кинотеатра из поселка Кривцы А. Якушева и мн. др.³⁹

Заметки неравнодушных читателей не раз позволяли оперативно решать самые разнообразные вопросы. Например, 28 января 1967 года в «Ленинской правде» было опубликовано письмо бригадира бригады коммунистического труда К. Петушковой. Она критиковала руководителей треста «Строймеханизация» за то, что ими на строительной площадке был установлен неисправный башенный кран. Обращение строителей в вышестоящие организации не возымело ответного действия. Напечатанное в газете письмо бригадира позволило навести на стройке порядок⁴⁰. В этом же году в «Ленинской правде» было опубликовано несколько писем рабочего Сегежского ЦБК А. Лубенца о несоблюдении нормативных требований хранения продукции комбината. После его очередного письма, появив-

шегося в газете 28 октября 1967 года и оставшегося без должной реакции администрации предприятия, редакция обратилась за поддержкой в Карельский обком КПСС, вмешательство которого помогло решить вопрос⁴¹.

Выступления в газете давали возможность решить общественные проблемы и сельчанам. Так, жители села Деревянка долго и безуспешно пытались добиться у местных властей ремонта артезианского колодца, пока не обратились в газету. Спустя некоторое время в письме, опубликованном в «Ленинской правде» 17 декабря 1969 года, представитель жителей села А. Мокрюков передал благодарность за решение проблемы с водой, которую закончил словами: «Какая же большая сила – советская печать!»

Сохранившиеся в архиве редакции списки активных общественных корреспондентов позволяют судить о социальном составе этой группы. Около половины ее составляли члены КПСС и служащие различных учреждений и организаций. Каждый четвертый являлся рабочим корреспондентом. Четвертая часть писавших в газету имела высшее образование, одна треть – среднее, около 15 процентов – неполное среднее. В целом в середине 1960-х годов общественный актив редакции насчитывал более 700 авторов⁴². Их ответственная гражданская позиция и действенность выступлений в печати во многом способствовали дальнейшему росту количества читательских писем. В 1966 году их число увеличилось до 9,3 тыс., из которых 4,3 тыс. были опубликованы, 2,5 тыс. посланы в организации и учреждения на рассмотрение, а на 2,4 тыс. писем гражданам были даны ответы⁴³. В 1970 году редакция получила уже 9,8 тыс. писем, из которых 5,6 тыс. были опубликованы. Журналисты отправили 1,9 тыс. ответов на присланные авторами письма, а 1,8 тыс. читательских обращений с предложениями и критическими сигналами были направлены в соответствующие организации на рассмотрение и принятие мер⁴⁴.

Сотрудники редакции постоянно стремились разнообразить формы и способы использования читательской корреспонденции. Письма становились основой для тематических обзоров газеты, подготовки журналистских материалов под рубриками «Командировка по письму», «Читатель просит разобраться» и др., а порой – даже основой целых номеров. О результатах регулярных проверок действенности писем сообщалось на газетных полосах под рубриками «После того, как выступила “Ленинская правда”», «Нам отвечают», «Хотя письмо не напечатано» и др.

Новым приемом совершенствования массовой работы с читателями и их корреспонденцией стали социологические исследования поступающей почты и ее авторов, давшие ценные сведения о целевой аудитории газеты, ее географии и информационных потребностях. Так, согласно результатам исследования, проведенного журналистами «Ленинской правды» в 1966 году, более половины писем (4850) поступило в редакцию из Петрозаводска. Из Прионежского района пришло 874 письма, Сегежского – 530, Суоярвского – 435, Кондопожского – 426. Наименьшее количество писем прислали читатели из Лоухского и Кемского районов – 126 и 185 соответственно⁴⁵. Была также проанализирована тематика писем. Результаты исследования позволили выявить узкие места в работе с читателями и внести соответствующие коррективы в планы развития связей с населением тех или иных районов.

Эффективным средством использования авторитета и возможностей республиканской газеты «Ленинская правда» для решения проблем ее читателей стала созданная в 1960 году Общественная приемная. В ее работе участвовали А. В. Егоров (заведующий), М. В. Петров, Ф. Н. Одинцов, А. А. Соколов, И. И. Григорьев. В качестве консультантов приглашались работники министерств, прокуратуры, суда, горсовета и других учреждений. В Общественную приемную ежегодно обращалось до 330 и более человек, количество рассмотренных жалоб и вопросов превышало 200 в год. Чаще всего граждане стремились решить проблемы, связанные с жильем, коммунальными услугами, работой, пенсионным обеспечением, устройством детей в детские учреждения и др. Важно отметить, что около 60 % вопросов получали положительное решение. Работники Общественной приемной «Ленинской правды» также консультировали сотрудников общественных приемных районных газет⁴⁶. Одним из подтверждений широкого признания заслуг в работе журналистов по развитию общественных начал в печати стали многочисленные поздравления от читателей, которые редакция «Ленинской правды» получила в 1968 году в связи с 50-летием газеты⁴⁷.

Газета «Neuvosto Karjala» («Советская Карелия») с 1963 по март 1967 года имела объединенную редакцию с «Ленинской правдой», поэтому журналисты использовали общие формы и методы в развитии общественных начал. Вместе с тем сотрудникам финской редакции приходилось решать и особые задачи, связанные с массовой работой. Перевод в Карелии школ на русский язык в 1954 году повлек свертывание

подготовки учителей, преподававших на финском языке, были ликвидированы финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, позднее прекратило работу финское отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. Все это существенно сокращало потенциальную аудиторию газеты. Поэтому для сохранения и укрепления связей с читателями редакция повышенное внимание уделяла районам со значительной долей финноязычного населения. Здесь регулярно проводились читательские конференции, активно привлекались к обсуждению проблем развития национальной культуры местные писатели, члены созданного в 1962 году общества «СССР – Финляндия». Эта работа находила отклик среди читателей, от которых редакция ежегодно получала от 2,2 до 2,7 тыс. писем. Авторский актив газеты насчитывал около 400 человек. В редакцию ежедневно приходило 6–7 писем⁴⁸.

Развитие общественных начал в рассматриваемый период стало важной задачей и для молодежной прессы Карелии. Журналисты республиканской газеты «Комсомолец» с помощью опросов читателей сумели составить социологический портрет своей аудитории, а также выявить круг ее интересов⁴⁹. На основе этих данных молодым читателям была предложена такая форма общественной работы, как клуб старшеклассников «Товарищ», который возглавил журналист Евгений Давыдов. 13 октября 1965 года группа петрозаводских школьников, как они сами считали, «разбуженных хрущевской оттепелью», собралась в редакции для того, чтобы бросить вызов формализму и рутине в организации комсомольской жизни и противопоставить им принципы коммунарского движения – самостоятельность, самодисциплину, самоуправление⁵⁰. Ключевую роль в работе клуба играли газетные странички «Товарищ», ставшие настоящей трибуной обсуждения острых вопросов подростков и формирования общественного мнения молодежи. Благодаря этому проекту Е. Давыдову удалось увлечь старшеклассников работой в газете и общественной деятельностью на долгие годы, причем более 50 членов клуба стали профессиональными журналистами и литераторами⁵¹.

Среди районных газет активный интерес к изучению своей аудитории с целью укрепления связей и развития общественных начал проявила сортавальская газета «Красное знамя». Опросы читателей позволяли журналистам выявлять не только читательские предпочтения и оценки газетных публикаций, но и общественное мнени-

е жителей района о работе редакции. К примеру, на Вяртсильском металлургическом заводе, где подписчиками «Красного знамени» оказалось 77 % опрошенных рабочих, положительно оценило газету 49 % респондентов. В совхозе Куркиеки из 80 % участников опроса высокую оценку газете дали 74 % опрошенных. Большинство читателей в своих ответах на вопросы анкеты отметили значительную роль районной газеты в информировании о местных событиях, раскрытии проблем труда и общественной жизни, освещении вопросов личного характера. Показательно, что многие респонденты выразили готовность сотрудничать с редакцией⁵². Эта позитивная реакция читателей во многом объяснялась эффективной работой редакции с общественными корреспондентами. При газете с середины 1960-х годов действовала заочная школа рабселькоров, в которой ежегодно занимались и проходили практику от 40 до 70 жителей района. Во время практики слушатели выезжали на предприятия и в совхозы, где собирали нужный материал для своих публикаций. Среди первых выпускников школы, закончивших учебу с отличием, были учительница Е. Ф. Бульякова, машинист В. М. Боровиков, дефектоскопист дистанции пути И. В. Соловьев, учащийся сельскохозяйственного техникума В. Копылов, бригадир-механик машинно-мелиоративной станции (ММС) И. К. Лежаев, рабочий совхоза «Вперед» Ю. К. Додонов, тракторист совхоза «Искра» В. Я. Лукконен, лущильщик фанерного комбината Б. Е. Еролаев, кладовщик Вяртсильского завода Н. Г. Волкова, библиотекарь И. Г. Демидова и др.⁵³

За 1960-е годы авторский актив районной газеты значительно вырос. В его составе было около 100 постоянно пишущих рабочих и сельских корреспондентов и свыше 120 выступающих на страницах газеты периодически⁵⁴. Их материалы составляли наиболее содержательную часть читательской корреспонденции – до 2,8 тыс. писем в год, из которых около 2,5 тыс. публиковались, более 300 отправлялись на рассмотрение в учреждения и организации, в абсолютном большинстве на эти письма приходили ответы⁵⁵. Читателям на страницах газеты регулярно сообщалось о поступлении и публикации писем за определенный срок, о количестве критических материалов, отправленных для принятия мер в соответствующие организации и учреждения, о реакции на них руководителей. Для проверки ответов на письма читателей в учреждения и на предприятия направлялись рабселькоры. Так, при проверке качества

продукции Сортавальского мебельно-лыжного комбината участвовали рабкоры Н. Деменьев, И. Рине, М. Богданов, Р. Гольденберг и другие, имеющие соответствующую профессиональную подготовку⁵⁶. Редакция также привлекала к проверке писем, рейдов и других мероприятий активных пенсионеров, имеющих соответствующий профессиональный опыт и специальную подготовку, среди которых наиболее отличились Г. Б. Гуревич, И. Ф. Егоров, К. И. Попиков, Е. И. Курбатов, В. Л. Мошников и др.⁵⁷ Как и в республиканских газетах, информация о критических письмах читателей, которые остались без принятых мер, направлялась редакцией в вышестоящие инстанции, советские и партийные органы, что позволяло добиваться положительного результата⁵⁸.

При редакции на общественных началах работали отдел молодежи, медицинский отдел и отдел народного контроля, которые ежемесячно выпускали листки «Молодежь Приладжья», «Медицинская страничка» и «Будь зорек и бдителен, народный контролер»⁵⁹. Особой формой общественного участия в работе газеты являлись летучки и круглые столы, на которые приглашались специалисты, руководители предприятий и учреждений, помогавшие редакции более глу-

боко и обстоятельно освещать ключевые вопросы развития района. Возросший авторитет газеты способствовал дальнейшему увеличению числа ее постоянных читателей. К концу 1960-х годов разовый тираж газеты «Красное знамя» вырос до 7,5 тыс. экз., а ее подписчиками был каждый восьмой житель района⁶⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает возможность более полно представить систему и функции печати Карелии в процессе проведения реформ в период «оттепели», потребовавших расширения общественных начал в управлении и функционировании различных сфер жизни региона. Развитие сети печатных изданий, углубленное изучение интересов и настроений читателей, привлечение читательской аудитории к участию в постановке и решении социальных проблем, подкрепленное активной работой сотрудников редакций по усилению действенности предложений и критических сигналов, способствовали росту общественной активности населения, а также развитию практик реализации общественных инициатив «снизу» через властные структуры, которые не потеряли своего значения и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О дальнейшем развитии общественных начал в советской печати и радио: Постановление ЦК КПСС от 28 июня 1960 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1979. С. 263–265.
- ² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
- ³ Национальный архив Республики Карелии (далее – НА РК). Ф. Р-2728. Оп. 1. Д. 11/90. Л. 111.
- ⁴ Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сборник. Петрозаводск: Карельское отделение в/о «Союзучетиздат», 1972. С. 126.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 16.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-2728. Оп. 1. Д. 11/90. Л. 27.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 42/282. Л. 1.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 6/31, 11/91. Л. 6.
- ⁹ Лайтинен И. Всегда на посту // Ленинская правда. 1980. 3 окт.
- ¹⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 87. Д. 81. Л. 3–4.
- ¹¹ НА РК. Ф. П-1229. Оп. 3. Д. 12. Л. 6; Оп. 7. Д. 23. Л. 273.
- ¹² Постановление ЦК ВЛКСМ от 25 сентября 1959 г. «О мерах улучшения работы комсомольских организаций по распространению комсомольских и пионерских газет и журналов» // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ (январь 1958 г. – январь 1960 г.). М.: Молодая гвардия, 1960. 560 с.
- ¹³ НА РК. Ф. П-2728. Оп. 1. Д. 11/91. Л. 6.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 156. Л. 29.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 156. Л. 29.
- ¹⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 156. Л. 37.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-2728. Оп. 1. Д. 12/97. Л. 7.
- ¹⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 87. Д. 81. Л. 5.
- ¹⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 91. Д. 1.18. Л. 22.
- ²⁰ Афанасьева Е. Надежный друг и советчик: Газете «Петрозаводский университет» – 25 лет // Ленинская правда. 1981. 16 окт.
- ²¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 91. Д. 63. Л. 151–152.
- ²² НА РК. Ф. П-3. Оп. 89. Д. 78. Л. 17.
- ²³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 89. Д. 78. Л. 11–13.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 68. Л. 60.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 58.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 40.

- 27 НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 58.
 28 НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 16.
 29 НА РК. Ф. Р-1034. Оп. 4. Д. 6/68. Л. 43.
 30 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
 31 Ленинская правда. 1968. 19 янв.
 32 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.
 33 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
 34 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.
 35 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
 36 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.
 37 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
 38 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.
 39 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
 40 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 38.
 41 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 6/32. Л. 27.
 42 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 42/282. Л. 1.
 43 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 45/303. Л. 1.
 44 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 13/108. Л. 2.
 45 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 45/303. Л. 1.
 46 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 42/283. Л. 1, 2, 6.
 47 НА РК. Ф. Р-1055. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–117.
 48 НА РК. Ф. П-3. Оп. 91. Д. 118. Л. 9–10.
 49 НА РК. Ф. П-6022. Оп. 1. Д. 119.
 50 Фарутин А. Мы с тобою, «Товарищ» // Карелия. 2005. 13 окт.
 51 Мы с тобою, «Товарищ», 1965–2015. Петрозаводск: Periodika, 2015. 356 с.
 52 НА РК. Ф. П-225. Оп. 49. Д. 2. Л. 3–20.
 53 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 2/51. Л. 12.
 54 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/55. Л. 23.
 55 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 2/51. Л. 10.
 56 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/55. Л. 21.
 57 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/55. Л. 16.
 58 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/55. Л. 16.
 59 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/55. Л. 19.
 60 НА РК. Ф. Р-3383. Оп. 1. Д. 3/65. Л. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров С. Г. Ленинские истоки развития общественных начал в работе редакций газет // Ученые записки Уральского государственного университета им. А. М. Горького. № 56. Серия журналистская. Вып. 1. В. И. Ленин и печать: Сб. ст. 1967. С. 98–111.
- Аронов А. А. «Оттепель» в истории отечественной культуры: (50-е – 60-е гг. XX века). М.: Экон-Информ, 2008. 304 с.
- Белоголов Ю. Г. Институт общественных начал в эволюции элит-массовых отношений в СССР в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): В 2 ч. Ч. II. С. 23–30.
- Вавулинская Л. И. Движение самоорганизации общественности в 1960-е гг. (На материалах Карельской АССР) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 8 (257). Вып. 42. С. 157–164.
- Воронцов В. Об общественных началах в печати // Партийная жизнь. 1961. № 17. С. 76–78.
- Даутова Р. В. Феномен мобилизации общества вокруг СМИ в период хрущевской «оттепели» // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151, кн. 5. Ч. 2. С. 208–220.
- Мешавкин С. Ф. В газету пришел общественный сотрудник // Вестник Московского университета. Серия: Филология, журналистика. 1962. № 3. С. 77–87.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
- Пыжиков А. Хрущевская «Оттепель» 1953–1964 гг. М.: Олма-Пресс, 2002. 512 с.
- Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники ист. мысли, 1997. 288 с.
- Слезин А. А. Комсомол и молодежная печать в период ранней «оттепели» // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 133–147.
- Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 223 с.

Поступила в редакцию 17.09.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Vitaly M. Nilov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
vnilov@ya.ru

DEVELOPMENT OF VOLUNTARY CITIZEN JOURNALISM IN THE REPUBLIC OF KARELIA IN THE SECOND HALF OF THE 1950s AND THE 1960s

Abstract. This article examines a previously neglected aspect of the press history in Karelia, focusing on the press's contribution to the development of voluntary citizen journalism during the Thaw period. Drawing on archival documents, memoirs, and newspaper publications, the author investigates the structure of the local press and the key institutions of the republican, district, and large-circulation press. Utilizing analytical, systematic, and retrospective methods, the author identifies patterns and specificities in the organization of editorial offices during this period, as well as the various forms and techniques employed in journalistic interactions with readers. The analysis primarily centers on the evolution of voluntary citizen journalism principles within newspaper editorial offices. The conducted research demonstrates that the press actively participated in the institutionalization of voluntary activism principles in the Republic, facilitating the creation of opportunities for readers' self-expression and their engagement in public affairs.

Keywords: Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet local press, journalism, worker-peasant correspondents' movement, voluntary citizen journalism

For citation: Nilov, V. M. Development of voluntary citizen journalism in the Republic of Karelia in the second half of the 1950s and the 1960s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):67–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1044

REFERENCES

1. Aleksandrov, S. G. Lenin's origins of the development of voluntary citizen journalism principles within newspaper editorial offices. *Proceedings of A. M. Gorky Ural State University*. 1967;56(1):98–111. (In Russ.)
2. Aronov, A. A. The Thaw in the history of Russian culture: (1950s–1960s). Moscow, 2008. 304 p. (in Russ.)
3. Belonogov, Yu. G. Voluntary basis institution in elite-mass relations evolution within the USSR in the 1960s. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2012. № 10 (24). Part 2. P. 23–30. (In Russ.)
4. Vavulinskaya, L. I. The movement of the self-organization of the public in the 1960s. (On the materials of the Karelian ASSR). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science*. 2017;8(257):157–164. (In Russ.)
5. Vorontsov, V. Voluntary citizen journalism. *Party Life*. 1961;17:76–78. (In Russ.)
6. Dautova, R. V. The phenomenon of society mobilization around media during the Khrushchev Thaw. *Proceedings of Kazan University*. 2009;151(5):208–220. (In Russ.)
7. Meshavkin, S. F. A voluntary contributor to a newspaper. *Moscow State University Journal. Series: Philology, Journalism*. 1962;3:77–87. (In Russ.)
8. North, D. Institutions, institutional change and functioning of the economy. Moscow, 1997. 190 p. (In Russ.)
9. Pyzhikov, A. The Khrushchev Thaw of 1953–1964. Moscow, 2002. 512 p. (In Russ.)
10. Sidorova, L. A. The Thaw in historical science: Soviet historiography of the first post-Stalin decade. Moscow, 1997. 288 p. (In Russ.)
11. Slezin, A. A. Komsomol and youth press during the early “Thaw”. *Modern History of Russia*. 2017;4(21):133–147. (In Russ.)
12. Fokin, A. A. “Communism is not far off”. How the USSR authorities and citizens saw the future at the turn of the 1960s. Moscow, 2017. 223 p. (In Russ.)

Received: 17 September 2023; accepted: 25 March 2024

МАДИНА РАСУЛОВНА КАЮМОВА

главный архивист отдела научно-справочного аппарата
Национальный архив Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ЭКСПОЗИЦИЯХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖИ» В 1960–1980-х ГОДАХ

А н н о т а ц и я . На примере экспозиций музея-заповедника «Кижь» 1960–1980-х годов рассматривается проблема сохранения памяти о Великой Отечественной войне в непрофильных музеях. Основными источниками исследования стали тематические экспозиционные планы, тексты экскурсий и методические разработки к ним. Анализ ключевых причин актуализации памяти о Великой Отечественной войне в непрофильном музее позволяет показать место этого события в структуре исторического знания и общественно-политической жизни. Представлены основные случаи обращения к событиям Великой Отечественной войны в контексте истории музея и историографии войны. В 1961 году в музее-заповеднике была создана выставка по истории Заонежья. Раздел выставки, посвященный Великой Отечественной войне, являлся одним из ключевых в структуре музейного показа. Цель репрезентации заключалась в том, чтобы вызвать чувство гордости за свою историю, отметить вклад местных жителей в общую победу над врагом. Подлинным свидетельством событий войны в Заонежье является расположенная на острове братская могила воинов. Она была включена в главный историко-архитектурный комплекс музея «Кижский погост» в качестве объекта показа. Ритуалы поминовения погибших воинов, совершаемые у братской могилы во время экскурсий, способствовали общественному единению, укреплению патриотических чувств советских граждан. В 1985 году в доме крестьянина Сергина были оборудованы мемориальный и историко-бытовой интерьеры, представлявшие быт гражданского населения, партизан и подпольщиков времен оккупации Заонежья. На примере экспозиций в доме Сергина проводилась патриотическая и воспитательная работа с посетителями музея, прежде всего молодежью. Обращение к памяти о войне в непрофильном музее имело идейно-воспитательное значение, способствовало общественному единению и утверждению идентичности советских граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а : музей, экспозиция, память, Великая Отечественная война, оккупация Заонежья, экскурсия, экскурсовод

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каюмова М. Р. Память о Великой Отечественной войне в экспозициях музея-заповедника «Кижь» в 1960–1980-х годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1045

ВВЕДЕНИЕ

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь» по праву называется одной из жемчужин Севера России, ради посещения которой туристы приезжают со всего света. Несмотря на то что профиль музея четко определен уже в самом его названии, а фокус экспозиций направлен на репрезентацию крестьянского быта народов Карелии конца XIX – начала XX века, на протяжении всего рассматриваемого периода события Великой Отечественной войны так или иначе находили свое отражение в музейных экспозициях. Сотрудники музея имели определенные

причины для того, чтобы соединять в своем рассказе о памятниках крестьянской архитектуры дореволюционное прошлое и события Великой Отечественной войны. В то же время формы сохранения памяти о войне в музее значительно отличались на протяжении 1960–1980-х годов.

Музеи как институты памяти являются актуальным предметом изучения современных исследователей. В этой роли они рассматриваются не только как материальное воплощение коллективной памяти [8: 5, 7], но и как активный инструмент ее формирования [2: 112], обладающий способностью мобилизации памяти об определенном событии или явлении по запросам обще-

ства [13: 18]. Начиная с советских времен музеи приобрели большое значение в сохранении и формировании памяти о Великой Отечественной войне. Опирающиеся на сложившуюся историографическую традицию, они представляют во многом конвенциональный взгляд на это историческое событие, то есть являются носителями нормативной памяти, обусловленной в том числе и особым символическим значением, которым обладает Великая Отечественная война, исключая дискуссии и вариативность трактовки ее ключевых событий. Память о войне, как одной из основ идентичности советского и российского общества, представляет собой своеобразный ресурс патриотического и гражданского воспитания [11: 260], который активно используется музеями.

Проблемы сохранения памяти о Великой Отечественной войне и роли современных музеев в патриотическом воспитании граждан находятся в фокусе научных интересов современных исследователей (см. напр., [7], [12]). Эти же проблемы рассматриваются учеными и на примерах экспозиций советских центральных и региональных тематических музеев, посвященных исключительно событиям Великой Отечественной войны (см. напр., [5], [10]). В этом ключе интерес представляет обращение к экспозициям тех музеев, профиль которых не подразумевает целенаправленного показа военной истории XX века, однако память о войне так или иначе транслируется через определенные экспозиционные комплексы или памятники.

Целью статьи является выявление основных причин актуализации памяти о Великой Отечественной войне в экспозициях историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь» в 1960–1980-х годах. На примере выставок, отдельных экспозиционных комплексов, а также материалов к экскурсиям, которые составлялись сотрудниками музея-заповедника «Кижь» в этот период, рассмотрим конкретные случаи обращения к событиям Великой Отечественной войны в контексте истории музея и историографии войны.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В ПЕРВЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КИЖЬ»

В годы Великой Отечественной войны Заонежье было оккупировано финскими войсками. Значительная часть русского населения, оставшаяся в оккупации, была помещена в концлагеря. У остального населения оккупанты изымали урожай, скот, продовольствие, сельскохозяйственный инвентарь [3: 50]. Остановилась исследователь-

ская и реставрационная работа на острове Кижь, проводившаяся с 1938 года. Старинные иконы из Преображенской и Покровской церквей были вывезены в Финляндию и возвращены только в 1945 году. На оккупированной территории оставались очаги сопротивления: пропагандистскую работу вели подпольные партийные ячейки, действовали диверсионные группы и партизанские отряды. Освобождение Заонежского района советскими войсками произошло в июле 1944 года. Несмотря на то что в районе Кижских шхер не было значительных боевых столкновений, которые могли бы причинить материальный ущерб, преимущественно сельское население Заонежья значительно сократилось, ощутимо ухудшилось качество жизни [3: 59].

В 1950-х годах на базе уникальных памятников Кижского погоста стал расти архитектурный музей под открытым небом. Целью его работы было сохранение и популяризация уникальной деревянной архитектуры Севера России. К началу 1960-х годов на базе перевезенных на остров-музей архитектурных памятников создавались тематические выставки, развертывались историко-бытовые экспозиции, представляющие быт Заонежского крестьянства конца XIX – начала XX века. В это время музей «Кижь» входил в структуру Государственного музея КАССР сначала на правах отдела, а в 1964 году архитектурному музею был придан статус филиала.

Подведомственность главному музею республики накладывала определенный отпечаток на экспозиционную деятельность архитектурного музея. В 1961 году заведующим отделом «Кижь» Николаем Васильевичем Воробьевым был создан ТЭП масштабной выставки «История нашего края (Заонежье)», повествующей о важнейших событиях в истории Заонежья с древних времен до семилетки 1959–1965 годов. Выставка, созданная по лекалам постоянных исторических экспозиций Государственного музея КАССР, была размещена в перевезенном на остров доме Ошевнева, позднее, в 1966 году, она была упразднена в связи с началом работ по оборудованию интерьера зимней крестьянской избы.

Как и в постоянной экспозиции центрального музея республики, раздел выставки, посвященный репрезентации Великой Отечественной войны, был одним из ключевых в структуре музейного показа. Военные годы в Заонежье раскрывались на основе материалов и экспонатов по истории партизанского и подпольного движений. На стендах были представлены фотографии карельских партизан и подпольщиков,

которые проводили боевые операции в Заонежье: В. В. Тидена, Ф. И. Тукачева, Н. И. Кукелева, К. В. Бондюка, Т. А. Куйвонена. Посетители выставки могли ознакомиться со всеми значимыми боевыми операциями партизан. В форме музейного монтажа демонстрировался поход партизанской бригады на Большой Клименецкий остров 9 января 1942 года, на стенде была размещена схема разгрома финского гарнизона в Линдоме 17 января 1943 года. Одно из центральных мест занимал живописный портрет Героя Советского Союза заонежанина Николая Ивановича Ригачина¹.

На материалах выставки сотрудники музея успешно проводили воспитательную и патриотическую работу. Немаловажное значение в этой работе имел раздел, посвященный событиям Великой Отечественной войны в Заонежье. Актуализация памяти о войне как неотъемлемой части истории Заонежья была обоснована общей хронологической структурой музейного повествования. Акценты в военном разделе выставки были расставлены на героические подвиги жителей и уроженцев района, а также партизан и подпольщиков, действовавших на оккупированной территории. Как и в экспозиции Государственного музея КАССР, целью репрезентации было вызвать чувство гордости за свою историю, отметить вклад жителей республики в общую победу над врагом.

БРАТСКАЯ МОГИЛА СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Масштабные исторические выставки, каковой был музейный показ 1961 года, более не создавались после обретения музеем «Кижы» самостоятельного статуса в 1966 году. Выставка по истории Заонежья была демонтирована для оборудования традиционных интерьеров крестьянского дома Ошевнева. В это же время музей окончательно определился со своим профилем, в соответствии с которым разрабатывался генеральный план развития учреждения. Экскурсоводы затрагивали тему Великой Отечественной войны в ходе экскурсий по музею-заповеднику в контексте истории Заонежья, но материальное воплощение памяти о войне в форме классических музейных экспозиций в музее отсутствовало. Однако на самом острове-музее находился мемориальный объект, впоследствии включенный в музейный показ, напрямую относящийся к событиям войны.

Материальным свидетельством событий периода оккупации Заонежья на о. Кижы была брат-

ская могила воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны и захороненных на острове вблизи погоста². Исследовательская работа по установлению личностей воинов, захороненных в братской могиле, была проведена в 1966 году, когда музей-заповедник стал самостоятельным учреждением. Долгое время считалось, что на острове погребены воины-красноармейцы, однако на основе открытых источников было высказано предположение, что здесь захоронены бойцы партизанского отряда имени Тойво Антикайнена. К летнему сезону 1966 года на могиле появились надгробные мемориальные плиты из малинового кварцита, на которых были выгравированы имена погибших бойцов³. Окончательное благоустройство братской могилы было завершено в 1967 году. Однако точка в деле установления личности захороненных в братской могиле бойцов была поставлена значительно позже. В начале 2000-х годов в архивах Карелии проводилась большая работа по рассекречиванию документов, связанных с историей партизанского движения на Карельском фронте. В 2001 году научный сотрудник музея-заповедника Борис Александрович Гущин провел собственное расследование, основанное на изучении архивных документов, и пришел к выводу, что в братской могиле на о. Кижы покоятся бойцы диверсионной группы Хиззата Георгиевича Фахрутдинова. Пять бойцов и их командир погибли вблизи острова в феврале 1943 года. На сегодняшний день эта версия считается основной, ее при посещении братской могилы туристическими группами воспроизводят экскурсоводы.

Генеральным планом развития предусматривалось создание экспозиционных секторов на основе этнографического принципа, включавших в себя комплекс архитектурных памятников с оборудованными в них интерьерами. Одним из таких секторов был «Кижский погост». В этот сектор помимо Кижского архитектурного ансамбля, центрального экспоната в экспозиции всего музея, была включена братская могила⁴.

В советское время посещение братской могилы обычно предваряло или завершало основную экскурсию по музею. Остановившись около братской могилы, экскурсовод рассказывал о партизанском движении в Заонежье, героизме жителей Заонежья, проявленном в военные годы⁵. В контексте рассказа экскурсовода памятник выполнял информационную функцию. Братская могила служила опорным экспонатом для рассказа экскурсовода о героической борьбе против оккупантов, а также о том ущербе, который война нанесла Заонежью, и в частности архитектурным памятникам, расположенным на острове.

В 1970-х годах вокруг этого места памяти стали проводить особые ритуалы. Находясь у братской могилы, экскурсоводы предлагали туристам почтить память погибших воинов минутой молчания. Во время минуты молчания экскурсанты-мужчины должны были снять головные уборы, пионеры отдавали салют⁶. С 1975 году в музее организовывались дни специального обслуживания, приходившиеся на начало мая и приуроченные к празднованию Дня Победы. Ветераны партизанского движения на Карельском фронте приезжали на остров, встречались с молодежью, возлагали цветы на братскую могилу⁷. Таким образом, включение братской могилы в экскурсионные маршруты служило не только зримым свидетельством трагических событий периода оккупации Заонежья, но и «ритуальной площадкой», вокруг которой происходило единение советских людей. Самопожертвование героев войны коррелировало с установкой на общественное служение – культурный императив, универсальный для советского человека [1: 141–142]. Ритуалы способствовали общественному единению, укореняли в сознании людей такие идеи, как важность преемственности поколений и усвоения тех уроков, которые можно извлечь из исторического прошлого [9: 57–58]. Встречи с ветеранами, участие в мемориальных ритуалах, рассказы и лекции экскурсоводов о трагических событиях войны создавали условия для реализации воспитательной функции этого памятного места, направленной на укрепление патриотического чувства [9: 58]. В то же время именно патриотическое воспитание провозглашалось одной из основных целей проведения экскурсий по музею-заповеднику. Таким образом, включение братской могилы в состав главного экспозиционного сектора способствовало достижению этой цели.

Логичность и непротиворечивость можно назвать одними из основных свойств, которыми должен обладать рассказ экскурсовода. Каким же образом кижские экскурсоводы переходили от показа величественных памятников Кижского погоста XVIII века к посещению братской могилы времен Великой Отечественной войны? Методические разработки к экскурсиям предлагали для логического перехода к показу братской могилы использовать цитату из статьи поэта, доктора философских наук Юрия Владимировича Линника, который активно сотрудничал с музеем и был частым гостем в Кижях [6]. Ю. В. Линник писал о чувстве исторической связи между мастерами-зодчими, восставшими заонежскими крестьянами и партизанами, от-

давшими свою жизнь за свободу Родины⁸. Таким образом, памятники разных эпох объединялись в рассказе экскурсовода в одно непротиворечивое историческое полотно, целью которого было вызвать чувство гордости и восхищения достижениями и подвигами предков, способствовать утверждению идентичности советского человека.

Напротив, о кризисе советской идентичности в начале 1990-х годов свидетельствует текст методических рекомендаций к обзорной экскурсии по музею 1990 года. Рассказывая об оккупационном режиме в Заонежье, экскурсоводу предлагалось не «сгущать краски» и в то же время избегать идеализации оккупационного режима, уделять особое внимание темам, которые порой неполно и однобоко освещались в советской историографии⁹. В методичке был отмечен вклад в изучение кижских архитектурных и художественных памятников финского ученого, историка архитектуры Ларса Петтерсона, который занимался исследованиями архитектуры Заонежья в военные годы. В 1950 году по результатам своих исследований он опубликовал монографию о деревянной архитектуре Заонежья. Интересно, что эта монография стала камнем преткновения при подготовке к изданию первого каталога фондового собрания музея-заповедника в 1970-е годы. В список литературы к каталогу было включено издание Л. Петтерсона, которое сотрудники музея получили в дар в ходе визита в Финляндию. Однако Карельское управление по делам литературы и издательств предписало убрать из списка монографию, так как книга оккупанта не могла быть включена в каталог [4]. Менее чем два десятилетия спустя фигура финского исследователя перестала быть фигурой умолчания. Отношение к Великой Отечественной войне и победе в ней как к одному из основ идентичности советского человека [14: 160–161] на протяжении нескольких десятилетий было примером согласия народа и власти. Изменения в отношении к событиям 1941–1945 годов можно рассматривать как кризис доверия между обществом и государством.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОЗИЦИИ В ДОМЕ СЕРГИНА

В 1972 году на остров был перевезен дом крестьянина Сергина из д. Мунозеро, через четыре года этот памятник крестьянской архитектуры стал одним из центральных экспонатов сектора «Малодворная деревня Васильево». В 1978 году в помещении дома открылась выставка при-

кладного искусства и народного быта Карелии XVIII–XIX веков¹⁰. Помимо богатого декоративного убранства фасада и архитектурных особенностей, дом был ценен и как памятник истории партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны. В период оккупации Заонежья в нем находилась явочная квартира разведгруппы А. М. Орлова. В некоторых экскурсионных маршрутах, включавших деревни Ямку и Васильево, дом Сергина был следующим объектом показа после находившейся вблизи погоста братской могилы¹¹.

К 40-летию юбилею Победы, широко отмечавшемуся в 1985 году, в доме Сергина были оборудованы тематический интерьер «Заонежская крестьянская изба в годы Великой Отечественной войны», мемориальный интерьер «Явочная квартира разведгруппы А. М. Орлова» и выставка по истории партизанского движения в Заонежье¹². Экскурсии по историко-бытовому, этнографическому и архитектурному комплексу в доме Сергина имели прежде всего идейно-политическое и воспитательное значение. Экскурсовод должен был раскрыть истоки свободолюбия и патриотизма местного населения, на примере героической борьбы во вражеском тылу показать ее всенародный характер, подчеркнуть мысль о преемственности поколений в сопротивлении порабощению и закономерность победы как результата преимуществ социалистического общественного строя¹³.

Музей-заповедник «Кижы» был создан для сохранения и популяризации уникальных произведений деревянного зодчества народов Карелии. В то же время музей под открытым небом на о. Кижы как советское культурно-просветительное учреждение наделялся функцией пропагандиста советского образа жизни и принятого в советской историографии взгляда на события и явления прошлого. Таким образом, в экспозиционной работе большую роль играл прием контрастного показа дореволюционного быта и достижений советской власти на ниве улучшения условий жизни в деревне. Этот прием широко использовался и для создания мемориальных интерьеров в доме Сергина, в пространстве которых довоенный быт советской деревни противопоставлялся тяжелым условиям жизни в оккупации, отождествляемым с возвращением к дореволюционному прошлому.

Мирный характер довоенного быта, реконструированного в нижней избе, подчеркивали такие экспонаты, как патефон с пластинками, книжная полка, которая свидетельствовала как о повышении уровня грамотности местного населения, так

и о доступности и распространении книг на селе. Посетители видели на стенах семейные фотографии крестьян Сергиных. Рядом с фотографией Н. С. Сергина располагался экспонат – гимнастерка времен Гражданской войны. С опорой на этот экспонат экскурсовод рассказывал об участии Н. С. Сергина в вооруженной борьбе за советскую власть, а также о дальнейших достижениях хозяина дома на ниве колхозного строительства. На стенах висели керосиновые лампы, указывающие на то, что деревня Мунозеро, из которой на остров был перевезен дом Сергина, была одним из тех уголков страны, куда пока еще не дошла электрификация¹⁴. В методических рекомендациях к экскурсии предлагалось подробнее остановиться на вопросе электрификации Карелии и подчеркнуть, что в большей части Заонежья к началу 1940-х годов электричество было проведено¹⁵. В то же время в интерьерах традиционных крестьянских домов Заонежского экспозиционного сектора, воссоздававших быт конца XIX – начала XX века, керосиновая лампа являлась признаком достатка хозяев, так как в основном для освещения домов крестьяне и в начале XX века продолжали использовать лучины¹⁶. Таким образом, создатели экспозиции в доме Сергина стремились подчеркнуть, что советскому деревенскому жителю, колхознику, были доступны предметы быта, которые до революции имелись только в хозяйстве зажиточных крестьян.

Центральным экспонатом, который как бы разделял пространство нижней избы на две смысловые части, был стакан ржи. Именно такой была норма дневного пайка хлеба на оккупированной территории. Этот экспонат являлся символом тяжелейших условий труда и быта, голода и лишений советского населения, оставшегося на оккупированной врагом территории. Ручные орудия труда, которые использовались на организованных финнами лесозаготовках, расположенные в другой части избы, подчеркивали тяжесть подневольной работы. Экскурсоводам предлагалось сопоставить быт времен оккупации и условия жизни, в которых существовали крестьяне до революции: ручной труд, подневольность батрачества, нужда и голод.

На пути к следующему историко-бытовому комплексу была расположена выставка «Партизаны и подпольщики Заонежья в годы Великой Отечественной войны». Для логического перехода к осмотру выставки экскурсовод озвучивал мысль о том, что ответом на политику оккупационных властей могла стать только всенародная борьба против угнетателей. Выставка рассказывала об истории партизанского

движения на Карельском фронте, боевых операциях партизан и подпольщиков, героях партизанской борьбы. Экскурсовод подробно останавливался на событиях, безмолвным свидетелем которых был сам дом Сергина. В 1943–1944 годах в доме находилась явочная квартира разведгруппы А. М. Орлова, членом которой большую помощь оказывало местное население.

В западной светелке дома Сергина был воссоздан интерьер явочной квартиры разведгруппы. Среди экспонатов особое место занимали макет радиостанции «Север», походный котелок, армейский термос, орудия рыбной ловли. Макет радиостанции располагался в центральной части помещения на пеньке, служившем разведчикам столом, вместо кровати использовался топчан из сена. Эти предметы помогали рассказать о тяжелых условиях жизни и опасной работе разведчиков в тылу, подчеркивали их героизм и самоотверженность.

В конце 1980-х годов посещение дома Сергина предполагали сразу несколько популярных обзорных экскурсионных маршрутов. На примере воссозданных интерьеров времен Великой Отечественной войны и материалов выставки проводилась патриотическая и воспитательная работа с посетителями музея, прежде всего молодежью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с истоков деятельности музея память о Великой Отечественной войне находила свое место в рассказах об истории Занежья, перекликалась с борьбой крестьян XVIII века против угнетателей-феодалов, материализовалась в тематических интерьерах дома Сергина, актуализировалась в ритуалах у расположенной на острове братской могилы. На основе музейных экспозиций, памятников, отсылающих к событиям войны, и мемориальных интерьеров осуществлялось патриотическое воспитание молодежи, транслировались идеи самопожертвования во имя общего блага, героизм показывался как черта, присущая всем советским людям. Ритуалы поминовения погибших в годы войны защитников Родины способствовали консолидации общества на основе памяти о прошлом, делали участников экскурсионной группы причастными к сохранению и передаче наследия предыдущих поколений. Тема преемственности героических традиций раскрывалась экскурсоводами на примерах Северной войны, Кижского восстания, Гражданской и Великой Отечественной войн. Обращение к памяти о войне в музее «Кижь» всегда имело целью пропаганду мира и ответственности каждого гражданина за свою Родину, а также предотвращения войн в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Воробьев Н. В. ТЭП «История нашего края (Заонежье)» (1961 г.) отдела Государственного музея КАССР музея в Кижь. 1961 г. // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4117.
- ² Беляев А. Т., Гущина В. А. ТЭП развития музея «Кижь» до 1980 г. по линии деревень Ямка-Васильево (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2053. Л. 20.
- ³ НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 6.
- ⁴ Беляев А. Т. Указ. соч. Л. 20.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-3474. Оп. 1. Д. 6/69. Л. 14.
- ⁶ Трифонова Л. В. Методическая разработка по теме «Обзорная экскурсия по русскому историко-архитектурному и этнографическому сектору музея-заповедника «Кижь» (р-н Заонежье) (1980–1982 гг.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1561. Л. 17.
- ⁷ ТЭП выставки «Экскурсионная и методическая работа музея-заповедника Кижь в 1971–1975 гг.» (1975 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2324. Л. 5.
- ⁸ Солонен В. А. Методическая разработка на тему «Обзорная экскурсия по экспозиции музея-заповедника «Кижь» (1976 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1532. Л. 31; Трифонова Л. В. Указ. соч. Л. 44.
- ⁹ Куликова М. Ф. Методическая разработка к экскурсии на тему «Материальная и духовная культура русских Заонежья» (1990 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1586. Л. 16.
- ¹⁰ НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1243. Л. 43–44.
- ¹¹ Солонен В. А. Методическая разработка (1976 г.). Л. 30–31.
- ¹² Солонен В. А. Методическая разработка экскурсии по теме «Партизаны и подпольщики Заонежья в годы ВОВ» (1985 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1571. Л. 6.
- ¹³ Солонен В. А. Методическая разработка (1985 г.). Л. 8–9.
- ¹⁴ Там же. Л. 17.
- ¹⁵ Там же. Л. 16.
- ¹⁶ Юдина Л. В. Методическая разработка по теме «Памятники народного деревянного зодчества в Кижях» обзорная экскурсия по экспозиции музея (1972 г.) // НА МК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1518. Л. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева С. Б. Категория настоящего времени: (антропологические очерки). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 167 с.

2. Божченко О. А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2012. № 3. С. 112–116.
3. Гущин Б. А. Кижы во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник: Сборник статей. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 48–66.
4. Гущин Б. А. Первый в СССР, или Зеленая улица и закрытые семафоры: К 40-летию издания первого каталога фондового собрания музея-заповедника «Кижы» // Кижы. 2013. № 2 (97). С. 4.
5. Кандаурова Т. Н. Институционализация памяти войны: музеи отечественных войн России XIX–XX вв. // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти: Материалы XLVII Междунар. науч. конф. СПб.: ООО «Полторак», 2020. С. 99–121.
6. Мельникова Н. Юрий Линник и Кижы // Книга воспоминаний о Юрии Линнике / Авт.-сост. Дмитрий Москин [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://avtor.karelia.ru/elbibl/moskin/o_linnike_new/52/index.html (дата обращения 05.04.2024).
7. Мишкина О. Музей «Битва за оружие великой Победы» как форма сохранения исторической памяти о войне // Музей. 2021. № 7. С. 13–20.
8. Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.
9. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: Многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 55–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.288
10. Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 3. С. 43–48.
11. Проказина Н. В., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 3. С. 260–271.
12. Прохода П. В., Елькина Т. С. Проблемы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в музеях Краснодарского края // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. № 1 (22). С. 8.
13. Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16–21.
14. Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии ВОВ в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия-Германия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 56–169.

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

Original article

Madina R. Kayumova, Chief Archivist, National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EXHIBITIONS OF THE KIZHI MUSEUM DURING THE 1960s–1980s

Abstract. The article examines the problem of preserving the memory of the Great Patriotic War in non-core museums using the example of the exhibitions of the open-air Kizhi Museum created in the 1960s–1980s. The main sources of the research are thematic exhibition plans, texts of excursions, and corresponding methodological materials. The analysis of the key reasons for the actualization of the memory of the Great Patriotic War in this non-core museum allows us to show the place of this event in the structure of historical knowledge and socio-political life. The article presents the main cases of referring to the events of the Great Patriotic War in the context of the history of the Kizhi Museum and the historiography of the war. In 1961, an exhibition on the history of Zaonezhye was created in the museum. The section of the exhibition presenting the Great Patriotic War was one of the key ones in the structure of the museum display. The purpose of the presentation was to evoke a sense of pride in common history and to commemorate the contribution of local residents to the great victory. An authentic war monument – the mass grave of Soviet soldiers on Kizhi Island – was included into a historical and architectural exhibition complex of the Kizhi Pogost as an object of display. Rituals of commemoration of the fallen soldiers performed at the mass grave during walking tours contributed to the social unity of Soviet citizens and strengthened their patriotic feelings. In 1985, historical interior and memorial exhibition were arranged in the house of peasant Sergin, representing the life of local civilian population, Soviet partisans, and underground sabotage groups during the occupation of Zaonezhye. The exhibitions in Sergin’s house were used by museum curators for conducting patriotic and educational work with museum visitors, primarily young people. The appeal to the memory of the war in non-core museums had ideological and educational significance and contributed to the social unity and assertion of the identity of Soviet citizens.

Keywords: museum, exhibition, memory, Great Patriotic War, occupation of Zaonezhye, excursion, guide

For citation: Kayumova, M. R. Memory of the Great Patriotic War in the exhibitions of the Kizhi Museum during the 1960s–1980s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1045

REFERENCES

1. Adonyeva, S. B. The category of non-real time: (anthropological essays). St. Petersburg, 2001. 167 p. (In Russ.)
2. Bozhchenko, O. A. Historical memory as the form of the museum reflection. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2012;3:112–116. (In Russ.)
3. Gushchin, B. A. Kizhi during the occupation (1941–1944). *Kizhi Bulletin: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2003. Issue 8. P. 48–66. (In Russ.)
4. Gushchin, B. A. The first in the USSR, or Green Street and closed semaphores: Celebrating the 40th anniversary of the publication of the first catalog of the Kizhi Museum's collection. *Kizhi*. 2013;2(97):4. (In Russ.)
5. Kandaurova, T. N. Institutionalization of the memory of the war: museums of Russian Wars of Russia in XIX–XX. *The Great Patriotic War, wars of Russia, and the problems of historical memory: Proceedings of the XLVII international research conference*. St. Petersburg, 2020. P. 99–121. (In Russ.)
6. Melnikova, N. Yuri Linnik and Kizhi. *The book of memories about Yuri Linnik*. (D. Moskin, Ed.). Available at: http://avtor.karelia.ru/elbibl/moskin/o_linnike_new/52/index.html (accessed 5.04.2024). (In Russ.)
7. Mishkina, O. Museum “The Battle for the Weapons of the Great Victory” as a form of preserving the historical memory of the war. *Museum*. 2021;7:13–20. (In Russ.)
8. Navarro, O. History and memory in contemporary museum: some remarks from the point of view of critical museology. *The Issues of Museology*. 2010;2:3–11. (In Russ.)
9. Popov, A. D., Romanko, O. V. Monuments of the Great Patriotic War during the late Soviet period: variety of social functions and practices. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;2(179):55–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.288 (In Russ.)
10. Popov, A. D. The memory of the Great Patriotic War in the ideological paradigm of Soviet tourism. *Service and Tourism: Current Challenges*. 2020;3:43–48. (In Russ.)
11. Prokazina, N. V., Dorokhova, Yu. V., Khatnyuk, N. N. Historical memory of the Great Patriotic War as a resource of patriotic and civic education. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;3:260–271. (In Russ.)
12. Prokhoda, P. V., Elkina, T. S. Problems of preservation of historical memory about the Great Patriotic War at museum of Krasnodar Region. *Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture*. 2020;1(22):8. (In Russ.)
13. Rostovtsev, E. A., Sidorchuk, I. V. Museums and historical memory in contemporary Russia. *The Issues of Museology*. 2014;2:16–21. (In Russ.)
14. Höslér, J. What does “working through the past” mean? Historiography of the Great Patriotic War in the USSR and Russia. *The memory of the war 60 years later: Russia-Germany*. Moscow, 2005. P. 56–169. (In Russ.)

Received: 12 April 2024; accepted: 29 April 2024

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА ЛЕВЧЕНКО

библиотекарь Научно-исследовательского отдела рукописей
Библиотека Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID0000-0001-6490-7021; nadule612@gmail.com

МОНОГРАФИЧЕСКИЙ АГИОСБОРНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ НИЛУ СТОЛОБЕНСКОМУ, В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ XVII–XVIII ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Одним из основных способов распространения славы о новом чудотворце преподобном Ниле Столобенском (†1554), отшельнике и аскете, на месте подвига которого на селигерском о. Столобное возник монастырь, на протяжении XVII–XVIII веков были монографические сборники с текстами различных жанров о святом. Кодикологическое и палеографическое изучение этих сборников одновременно с анализом их содержания сделали возможным не только охарактеризовать традиции книгописания в Нило-Столобенской пустыни, где, несомненно, и тиражировались указанные книги, но и проследить взаимосвязь между эпизодами редактирования Жития Нила Столобенского и других литературных памятников о нем и неоднократным пересмотром сборника в целом. В статье дано описание монографического агиосборника, посвященного Нилу Столобенскому, в типических на каждом этапе его развития чертах. Материалом исследования послужило порядка 30 рукописей второй половины XVII – начала XIX столетия, часть из них впервые вводится в научный оборот.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преподобный Нил Столобенский, Нило-Столобенский монастырь, монографический агиосборник, агιοграфия, церковные службы, похвальные слова, книгописный центр, книжный декор

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Левченко Н. Н. Монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, в русской книжности XVII–XVIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1046

ВВЕДЕНИЕ

Монографический агиосборник – это тип рукописной книги, представляющий собой комплекс текстов, посвященных одному святому [5: 240]. Особое распространение он получил в XVII–XVIII веках. В своем «классическом» варианте монографический агиосборник включает службу и житие, но может содержать и другие памятники агιοграфического цикла. Как правило, местом создания таких кодексов был монастырь, центр почитания святого, для которого тиражирование подобных сборников было не только способом распространить или укоренить славу о своем подвижнике, но и определенной доходной статьей [7: 60], [9: 42].

Впервые обобщающая характеристика монографического агиосборника как типа древнерусской книги на примере так называемого «Кирилловского сборника» (посвященного Кириллу Новозерскому) была сделана Т. Б. Карбасовой [5]. Согласно наблюдениям исследователя, эти кодексы «отличает единство оформления и известная стабильность текстов», которые каждый раз ре-

дактировались комплексно. Как правило, монографические сборники формировались вокруг имен святых, прославленных на рубеже XVI–XVII веков, и в основе имели какую-то одну редакцию жития. Со временем агιοграфический корпус памятников в составе этих кодексов мог значительно расширяться и включать полный свод текстов о святом. Необходимо также отметить, что до публикации Т. Б. Карбасовой при изучении рукописной традиции житий некоторых подвижников исследователи обращали внимание на бытование цикла агιοграфических памятников, посвященных тому или иному святому, в составе монографических сборников¹ [10: 72–74], [16: 155], [17]. В настоящее время можно говорить о специальном интересе ученых к этому типу книги [12: 336–337], [13: 119–132], [14].

* * *

Монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, складывается к середине XVII века вокруг I (Филофеевской) редакции Жития преподобного. Жизнеописание подвижника

в нем предваряется текстами Службы и молитвы святому. Сохранилось только два списка со сборника этого состава: в кодексе середины XVII столетия РГБ, ф. 310, № 345² и рукописных тетрадях 60-х годов XVIII века, подшитых к конволюту РНБ, ОСРК Q.XVII.100, – последний, однако, не включает молитву преподобному. Текст Жития Нила Столобенского (далее – ЖНС) в этих рукописях отличается от прочих известных списков I редакции памятника: в них опущено обширное предисловие с рассказом о составлении Жития преподобного Нила. Чтения в биографической части произведения обнаруживают сходство с наиболее близким, на наш взгляд, к первоначальному варианту текста ЖНС, который на протяжении XVII столетия бытовал в Нило-Столобенской пустыни параллельно с условно названным нами «московским» вариантом Жития [8]. Это позволяет предположить, что монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, возник в обители святого, а ЖНС перед включением в сборник подверглось сокращению.

Кодекс РГБ, ф. 310, № 345 – рукопись в 4-ю долю листа, написанная полууставом и одетая в реставрационный переплет. Украшением книги служит киноварь в заголовках и простых инициалах. Рукопись, вплетенная в конволют РНБ, ОСРК Q.XVII.100, представляет собой позднюю, 1760-х годов, копию монографического агиосборника, посвященного Нилу Столобенскому. Безусловно, на основании только двух, к тому же разновременных, списков невозможно дать характеристику первым таким сборникам о селигерском подвижнике, тем более говорить о начале традиции. Гораздо более показательными в этом смысле оказываются монографические агиосборники, посвященные Нилу Столобенскому, ядром которых стала II редакция ЖНС.

Самый ранний монографический агиосборник со II редакцией ЖНС – РНБ, Погод. 743 – датируется по филиграням 50-ми годами XVII века [15: 122]. Эта рукопись содержит и старший из известных список II редакции ЖНС, дата создания и составитель которой до сих пор не установлены точно: вероятным временем возникновения памятника исследователи называют период между серединой 1630-х годов и 1667 годом, когда были обретены мощи преподобного³, предположительным автором считают Нектария Теляшина⁴, второго игумена Нило-Столобенской пустыни [11: 244, 256], местом создания текста – саму обитель [4: 78]. Интересным кажется тот факт, что в отличие от текста I (Филофеевской) редакции ЖНС, который бытовал

преимущественно в составе агиографических сводов и сборников разного содержания, списки II редакции памятника, за редким исключением, читаются только как часть монографического кодекса, посвященного святому.

К настоящему времени нам известно порядка 30 монографических агиосборников, посвященных Нилу Столобенскому, со II редакцией ЖНС в центре. Время их создания приходится на период между серединой XVII века и концом XVIII века. Кодикологическое и палеографическое исследование этих сборников в совокупности с анализом их состава позволяет выделить несколько этапов в истории их развития.

Наиболее ранние рукописи – РНБ, Погод. 743 и РГБ, ф. 205, № 368 (вторая половина XVII века) – прежде всего в силу своей малочисленности дают немного информации о первых монографических агиосборниках о Ниле со II редакцией ЖНС в основе. Это рукописи формата 4°, писанные полууставом и декорированные киноварными заголовками и инициалами, простыми или украшенными растительными отростками. Художественное убранство кодекса РНБ, Погод. 743 дополняют также заставка в старопечатном стиле (л. 1) и вязь (л. 1, 33 об., 142 об.) в названии каждого произведения, что несомненно свидетельствует о более высоком уровне мастерства его переписчика⁵. Переплет РГБ, ф. 205, № 368 – доски в коже с ролевым и басменным тиснением; на верхней крышке – ромбовидный средник с растительным наполнением позолочен, на нижней – тиснение дорожником крест-накрест с розетками в образовавшихся между линиями «клетках»; одна из двух застежек «в зацеп» сохранилась. Книжный блок рукописи РНБ, Погод. 743 защищает так называемый «строевский» переплет – картон, оклеенный светло-коричневой «мраморной» бумагой с сафьяновым корешком.

По содержанию рукописи РНБ, Погод. 743 и РГБ, ф. 205, № 368 со II редакцией ЖНС в центре отличаются от первого монографического сборника, посвященного Нилу Столобенскому, со стержневой I редакцией памятника РГБ, ф. 310, № 345. Во-первых, структура этих кодексов, помимо традиционных текстов Службы – молитвы – Жития, включает новое для корпуса произведений о святом Слово похвальное преподобному: оно помещено после ЖНС и завершает агиографический цикл. Во-вторых, существенные текстологические различия обнаруживаются в Службе Нилу Столобенскому, что указывает на редактирование этого памятника перед включением его в состав нового монографического

агиосборника, складывавшегося вокруг II редакции ЖНС. Отметим также, что правке, однако, не подверглась молитва преподобному.

В таком составе – Служба, молитва, ЖНС, Слово похвальное – монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, существовал до середины XVIII столетия. При постоянстве содержания и относительной устойчивости текста⁶ внешний вид рукописей мог отличаться. Большая часть сохранившихся до наших дней кодексов указанного периода представляет собой около дюжины тетрадей по восемь листов каждая, собранных в переплет – доски (исключение – РНБ, ОСРК Q.I.1356 в картонном переплете) в коже с тиснением басмами и дорожником (кроме РНБ, ф. 299, № 67 и НБ МГУ, Сл. рук. 11, крышки переплетов которых не украшены тиснением). Внутреннее оформление этих сборников однотипно: как правило, в качестве элементов декора писцы использовали бордюрные заставки (ГИМ, Барс. 812; НБ МГУ, Слав. рук. 11; РГБ, ф. 138, № 49; РНБ, Колоб. 325) или заставки-рамки (ГИМ, Муз. 438; РГБ, ф. 310, № 346; РНБ, ОЛДП Q.482, ОСРК Q.I.1356) с орнаментальным наполнением в старопечатном стиле с главкой и шишками по углам, выполненные чернилами. Дополняют убранство книг киншварные заголовки и инициалы, украшенные растительными отростками, а также треугольные концовки. Очевидное единообразие в декоре этих рукописей вкупе с полным соответствием содержания⁷ не позволяет усомниться в том, что они были созданы в одном книгописном центре – Нило-Столобенском монастыре.

В ряде случаев убранство монографических агиосборников, посвященных Нилу Столобенскому, состоит только в применении киншвары (РГБ, ф. 299, № 67, ф. 205, № 43 и № 368; РНБ, Погод. 586), при этом заголовки могут быть написаны декоративным письмом, имитирующим вязь (РГБ, ф. 299, № 195; РНБ, Колоб. 154). Отдельные рукописи украшены полихромными заставками в старопечатном стиле и расцветочными инициалами, внутрибуквенный просвет которых имеет орнаментальное растительное наполнение (ГИМ, Увар. 810-4°; РНБ, ОЛДП Q.61). О происхождении только одного кодекса из скриптория Нило-Столобенского монастыря мы знаем точно: переписчик сборника ГИМ, Увар. 810-4° монах Моисей оставил пространную писцовую запись, в которой сообщил время и место создания книги – это случилось в ноябре 1706 года «в самой обители, идѣже чудотворныя его (прп. Нила. – *Н. Л.*) мощи» при игумене Иринархе (1696–1716)⁸. Другие названные

выше рукописи, оформление которых не обладает специфическими декоративными чертами, идентифицирующими эти кодексы как происходящие из одной мастерской или книгописной среды, с одинаковой вероятностью могли быть изготовлены как в стенах монастырского скриптория, так и далеко за его пределами.

Рукописный материал позволяет говорить также о том, что на рубеже XVII и XVIII столетий существовала практика создания «парадных» монографических агиосборников, посвященных Нилу Столобенскому. От рассмотренных ранее кодексов они отличаются только форматом – 2°, что естественным образом приводит к укрупнению почерка и элементов декора, тщательности исполнения последних и, как следствие, созданию впечатления более нарядной книги. Нам известно три таких сборника – БАН, Арх. ком. 177; РНБ, ОСРК F.I.518 и ГИМ, Забел. 105. Для двух из них установлены рукописи-«сестрички» меньшего формата (4°): идентичность художественного убранства и почерка в книгах РНБ, ОСРК F.I.518 и уже названной нами ГИМ, Увар. 810-4° однозначно указывает на работу одного писца – монаха Моисея, чье имя известно благодаря выходной записи в кодексе из собрания А. С. Уварова; аналогичную пару составляют ГИМ, Забел. 105 и БАН, Плюш. 100. Можно лишь предположить, чем была обусловлена эта вариативность: вероятно, сборники формата Quarto предназначались для продажи или в дар массовому паломнику, в то время как более дорогие рукописи in Folio – отдельным богатым вкладчикам, знатым гостям обители.

С середины XVIII века состав монографических агиосборников о Ниле Столобенском, который на протяжении столетия оставался неизменным, теряет это свойство. Содержание известных нам рукописей этого периода расширяется статьями об обретении и перенесении мощей преподобного (ГИМ, Увар. 244-4°; рассказы помещены между ЖНС и Словом похвальным), а также известием об оковании раки святого серебром на средства «полковника и головы московских стрельцов»⁹ Георгия Лутохина (РГБ, ф. 218, № 634, ф. 299, № 373; заключительный для этих книг текст). Вместе с тем в рукописях РГБ, ф. 218, № 634 и ф. 299, № 373 уже не находим Слово похвальное Нилу Столобенскому; в кодексах ГИМ, Муз. 525, а также РНБ, ОСРК Q.I.395 и БАН, 4.7.23 нет к тому же и текста Службы, однако в двух последних читаются тропарь и кондак. В кодексе РГБ, ф. 299, № 195 между молитвой преподобному и ЖНС помещена память святому.

О внешнем облике рукописей второй половины XVIII века судить трудно – значительная часть из них оригинальный переплет утратила, переплет некоторых других сильно обветшал от времени и воздействия среды. Исключение составляют сборник ГИМ, Увар. 244-4°, одетый в доски в светло-коричневой коже с ролевым и басменным тиснением по обеим крышкам, а также рукописи РГБ, ф. 299, № 195 и № 373, БАН, 4.7.23, книжный блок которых защищает картон, оклеенный кожей.

Внутреннее убранство кодексов отличается разнообразием. Сборник ГИМ, Увар. 244-4° открывает монохромная заставка-рамка, прямоугольная часть которой заштрихована горизонтальными параллельными линиями и включает изображение трех колец с кувшином в центре, из каждого произрастают и выются стебли с пышными бутонами на концах; завершает композицию лапчатый крест, помещенный посередине над заставкой. Далее рукопись декорирована киноварными заголовками и инициалами, украшенными растительными отростками и без них, а также треугольными концевками с продолговатым вензелем после. Художественное убранство сборника РГБ, ф. 299, № 195 состоит только в использовании киновари и оформлении конца текстов в виде воронок. Украшение рукописи РГБ, ф. 299, № 373 более разнообразно и включает декоративное письмо вместо вязи в заголовках, а также изображения цветочных бутонов в качестве концевок. В рукописях РГБ, ф. 218, № 634, РНБ, ОСРК Q.I.395, БАН 4.7.23 и ГИМ, Муз. 525 отчерчены поля вдоль длинных краев листов.

Несмотря на отсутствие общих принципов оформления и изменчивость состава, с разной степенью уверенности мы можем говорить о монастырском происхождении двух кодексов из описанных выше. Аналогичную заставку из сборника ГИМ, Увар. 244-4° заставку находим в рукописи РГБ, Нил. пуст. 4, переписчик которой известен благодаря выходной записи на внутренней стороне нижней крышки переплета: «Сию книгу читалъ и писалъ трудникъ Петръ Михайловъ» – без сомнения, подвизавшийся в Нило-Столобенской пустыни. Отметим, что время создания обоих кодексов приходится на конец 40-х – 50-е годы XVIII века¹⁰, что делает вполне возможным их переписку одним книжником. На полях другой рукописи напротив начала заключительной статьи об оковании серебром раки преподобного писец оставил примечание со ссылкой на «книгу древних вкладчиков <...> в казенной келии»¹¹, где можно убедиться в достоверности этого щедрого дара. Если эта

запись не копия, то сделать ее мог только инок Ниловой пустыни, имеющий доступ к монастырскому архиву или просто обладающий этим знанием.

Вариативность состава и оформления монографических сборников, посвященных Нилу Столобенскому, второй половины XVIII века на контрасте с постоянством содержания и декоративным единообразием сборников, создававшихся с середины XVII века на протяжении столетия, может быть обусловлена, по нашему мнению, несколькими причинами. Прежде всего отпала необходимость тиражирования произведений о святом: в 1756 и 1762 годах отдельным оттиском в Москве была напечатана Служба Нилу Столобенскому с проложным житием и молитвой [2: 38]¹², и рукописные книги перестали быть единственным способом распространения славы о преподобном. Теоретически это должно было привести к снижению спроса на сборники, изготавливавшиеся монахами при обители, а само производство книг сделать менее массовым и более индивидуализированным (особенно в отношении художественного убранства). Другим следствием появления первых типографских брошюр с произведениями о Ниле Столобенском, вероятно, стало изменение состава кодексов: безусловно, статья из Пролога о житии и подвигах чудотворца не была равноценной заменой полнотекстовому ЖНС, поэтому востребованность этого памятника сохранялась, тогда как Службу преподобному, принимая во внимание широкое бытование печатных изданий, можно было исключить.

Постепенное исчезновение Службы из монографического агиосборника, посвященного Кириллу Новоезерскому, наряду с приращением дополнительных статей, повествующих о важных для истории монастыря и почитания подвижника событиях, фиксирует Т. Б. Карбасова. Обобщая свои наблюдения над так называемым «Кирилловским сборником», исследователь характеризует путь его развития как «отказ от богослужебных текстов и превращение его в четый сборник, своего рода энциклопедию сведений о святом» [5: 241]. Эта тенденция, по сведениям Т. Б. Карбасовой, оказывается общей для аналогичных по типу книг, посвященных другим святым и святеньям, в том числе и для сборника о Ниле Столобенском. Помимо влияния печати, возможно, объяснение этому кроется также в изменении вкусов и предпочтений читателей: для XVII–XVIII столетий ученые фиксируют рост интереса именно к четым книгам [1: 98], [9: 65].

Изменения, которые затронули внешний вид, декор и содержание посвященного Нилу Столобенскому монографического агиосборника, привели к его коренному преобразованию и появлению в конце XVIII века качественно новой книги о преподобном. Кодексы этого времени – РГБ, ф. 200, № 3, 15; РНБ, ОЛДП F.363 – отличаются сложным составом: они открываются неизвестным ранее предисловием «*Сколь праведников любит и благославляет Бог...*», после которого следуют указания чтений из Премудростей Соломона, Евангелия от Матфея и Псалтири. Далее читается ЖНС, повести об обретении и перенесении мощей подвижника, об оковании его раки серебром, а также новейшие чудеса святого. После следуют стихи «*Божественных церковей блаженство возрастает / И благочестие, как финикс, процветает...*» и «*Краткие примечания на житие преподобного*» – своеобразный летописец жизни Нила Столобенского и первых лет существования монастыря. В заключении – Слово похвальное преподобному. Необходимо отметить, что все тексты о святом, составляющие ядро канонического монографического агиосборника о святом – ЖНС, дополнительные статьи об обретении мощей и пр., Слово похвальное – подверглись капитальной стилистической правке сообразно традициям церковного риторического искусства рубежа XVIII и XIX столетий.

Внешний вид и оформление рукописей конца XVIII века также своеобразно. Все они формата Folio, одеты в картонный, оклеенный кожей или тканью, переплет. Внутреннее убранство составляет киноварь в заголовках и простых инициалах (исключение – РГБ, ф. 200, № 3, в оформлении которого вообще не используется киноварь); в кодексе РНБ, ОЛДП F.363 инициалы на листах с текстом ЖНС чуть укрупнены и украшены растительными отростками. Своего рода заставкой-разделителем в сборниках РГБ, ф. 200, № 15 и РНБ, ОЛДП F.363 служит ряд четырехконечных крестов, нарисованных чернилами и киноварью поочередно. Цитаты из книг Священного Писания или прямая речь во всех известных нам рукописях написаны более мелким почерком и тем самым графически выделены.

Главная особенность монографических агиосборников о Ниле Столобенском конца XVIII столетия заключается в особом способе расположения текста: на свободных краях листов под киноварной звездочкой появились комментарии темных мест произведения (на-

пример, почему разбойники, которые пытались ограбить преподобного, получили прозвище «Кочененки»), а в специально отчерченных местах внутри текстового поля – указания относительно порядка чтения на богослужении. Важно отметить, что эти примечания аккуратно копировались при переписке: не только в рукописях конца XVIII века, но и в единственном известном позднейшем списке с такого сборника РГБ, ф. 194, № 15 (20–30-е годы XIX века)¹³ все они перенесены.

Отныне монографические агиосборники создавались для решения других задач: не столько распространить славу о святом, сколько дать исчерпывающие знания о нем и основанном на месте его подвига монастыре. Более того, в сохранившихся до наших дней кодексах последней четверти XVIII века существенно сужен круг читателей – это монахи: в упомянутых выше рекомендациях, помещенных в специально отчерченную рамку, в частности, допускается сократить чтение «по воле настоятеля»¹⁴. Таким образом, конкретно эти кодексы перешли в разряд сугубо монастырских сборников, предназначенных для чтения и использования в обители. Создавались ли в это время аналогичные книги для широкого читателя, и если да, то какими они были и отличались ли от описанных выше – неизвестно, поскольку рукописный материал либо утрачен, либо еще не выявлен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное выше приводит нас к заключению, что рукописная традиция ЖНС и других памятников о святом – это история развития монографических агиосборников о Ниле Столобенском: появление новых редакций произведений или новых текстов в составе агиографического цикла было напрямую связано с пересмотром всего сборника, посвященного преподобному. На разных этапах менялись внешний вид и внутреннее убранство сборников, что чаще всего было продиктовано предназначением книги, а также их содержание, влияние на которое оказывала печать и, возможно, интересы читателей. В результате этих преобразований к рубежу XVIII–XIX веков сформировался непохожий на первые образцы монографический агиосборник, посвященный Нилу Столобенскому, который отличают не только особенности оформления и состава, но и полнота сведений о святом и месте его подвига с толкованием уже непонятных читателю мест – своеобразная книга-справочник о преподобном Ниле и его монастыре.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
 БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
 ГАТО – Государственный архив Тверской области
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 НБ МГУ – Научная библиотека Московского государственного университета
 РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Одним из первых на бытование сборников этого типа обратил внимание А. Г. Сергеев в рамках исследования Жития Корнилия Комельского и ранних источников по истории Корнилиево-Комельского монастыря, см.: Сергеев А. Г. Житие и Устав св. Корнилия Комельского как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 22.
- ² Водяные знаки: медведь в гербовом под короной щите, датируется 1651–1659 годами [3: № 973]; пеликан, был распространен в 1649–1654 годах [3: № 1110–1115].
- ³ В. О. Ключевский считал временем составления ЖНС первую половину XVII века до 1667 года, см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типография Грачева и Ко, 1871. С. 313–314. Сузила датировку историка И. Тирет, указав нижней границей середину 30-х годов XVII столетия, см. об этом: [18: 248–253].
- ⁴ Эту гипотезу предложил В. П. Успенский, см.: Успенский В. П. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой пустыни, бывший архиепископом Сибирским и Тобольским. 1587–1667. Тверь: Типография Губернского правления, 1882. С. 87–88.
- ⁵ И. Тирет считает, что полуустав сборника РНБ, Погод. 743 идентичен почеркам двух рукописей: Синодика Нило-Столобенского монастыря 1637 года (БАН, Арх. ком.153) и Творений Симеона Нового Богослова 1626 года (РГБ, ф. 200, № 53). Обе книги, согласно выходным записям, были переписаны Нектарием Теляшиным, на основании чего исследователь делает вывод о принадлежности погодинского списка перу второго игумена Нило-Столобенской пустыни [18: 253].
- ⁶ Характеризуя тексты в составе монографических агиосборников о Ниле Столобенском, под «относительной устойчивостью» мы подразумеваем переписку книжниками конкретной редакции памятника (для ЖНС – II), но в разных ее вариантах: 1) с малочисленными и постоянными, являющимися результатом сознательной правки различиями, что позволяет выделить отдельный вариант произведения (например, общность различий делает возможным в одну группу объединить списки БАН, Плюш. 100; ГИМ, Забел. 105; РГБ, ф. 200, № 1 и РНБ, ОСРК F.I.144); 2) многочисленными, но нерегулярными различиями, ставшими результатом невнимательности / усталости / большой спешки переписчика и появившимися в результате ошибки (Архив СПбИИ РАН, ф. 238, оп. 1, ед. 232; ГАТО, ф. 1409, оп. 1, д. 178; РГБ, ф. 310, № 346; РНБ, Колоб. 325 и мн. др.).
- ⁷ Следует отметить, что некоторые из названных рукописей не содержат Слова похвального преподобному Нилу. Поскольку большая часть таких списков читается в составе конволютов (НБ МГУ, Слав. рук. 11; РНБ, Колоб. 325, ОЛДП Q.482), мы предполагаем, что последняя тетрадь с текстом Слова могла быть просто потеряна. Вместе с тем нам известны монографические сборники этого времени о Ниле Столобенском, которые дошли до наших дней в первоначальных переплетах и без следов реставрации и/или повторного переплетения (ГИМ, Муз. 438; РГБ, ф. 310, № 346), что исключает возможность утраты части книжного блока.
- ⁸ ГИМ, Увар. 810-4°, л. 54 об.–55: «Лѣта от сотворения мира 7215, от Рождества Христова 1706 написася сия святая книга житие и чудеса преподобнаго отца нашего Нила чудотворца в самой обители, идѣже чудотворныя его мощи, месяца ноемвриа в 20 день при игумене Ирнархе трудами и подвигомъ многогрѣшнаго монаха тоя святыя обители Моисеа. А кто обрящеть в книзѣ сей какое неисправление или опись, Господа ради простите и благословите, а не клените, понеже трудися ни бо духъ, ни же агтель, // но человѣкъ грѣшень и рука брэнная, да и сами прощения и благословения от вседержителя Бога сподобитесь...».
- ⁹ РГБ, ф. 299, № 373, л. 98.
- ¹⁰ Рукопись РНБ, ф. 200, № 4 датируется временем между 1745 и 1762 годами по упоминанию в тексте Службы святому Петра III Федоровича и его супруги Екатерины II Алексеевны. Сборник ГИМ, Увар. 244-4° написан на бумаге с разными водяными знаками, из которых отождествить удалось один – вензель (?) с литерами С/Ф по бокам и М/П сверху и снизу, датируется между 1745 и 1749 годами [6: № 210], [19: № 201].
- ¹¹ РГБ, ф. 299, № 373, нижний угол свободного левого поля л. 97 об.: «О оковании раки в книгѣ древнихъ въклатчиковъ в лѣто 7185 в казенной кѣлли зрится».
- ¹² Нам также известны издания 1783 (ГИМ, Щап. 1215) и 1799 (ГИМ, Щап. 1359) годов.
- ¹³ Водяные знаки: **ПФ 18.. АБ** (последние цифры года рассмотреть не удалось), был распространен в 30-е годы XIX века [6: № 420]; аббревиатура **МОКФЕ**, датируется 1822 годом [6: № 356].
- ¹⁴ См., например, РГБ, ф. 200, № 15, л. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов А. Н. Типы устюжской четвѣй книги в XVII–XVIII вв. // Рукописная и печатная книга в России: проблемы создания и распространения / Ред.-колл. А. А. Зайцева, М. В. Кукушкина (отв. ред.), В. А. Сомов. Л.: Изд-во Библиотеки АН РАН, 1988. С. 93–102.
2. Гадалова Г. С. Каталог агиографических, литургических и исторических памятников, посвященных тверским святым, в хранилищах Твери (Предварительные материалы). Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2006. 43 с.
3. Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в.: по материалам Отдела рукописей ГИМ. М., 1980. 172 с.
4. Исаков В. З. Рукописные сборники Жития Нила Столобенского // Сказание о житии и подвигах преподобного и богоносного отца нашего Нила, Столобенского чудотворца. Тверь: Творческая мастерская Людмилы Юга, 2022. С. 74–82.
5. Карбасова Т. Б. Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 2 / Отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 240–248.
6. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1959. 306 с.
7. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л.: Наука, 1977. 223 с.
8. Левченко Н. Н. История текста I-й (Филофеевской) редакции Жития Нила Столобенского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).
9. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. 224 с.
10. Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 800 с.
11. Памятники литературы Древней Твери / Вступ. ст., перев. и коммент. В. З. Исакова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 2002. 278 с.
12. Панченко О. В. Соловецкий агиографический свод 20-х гг. XVIII в. (состав, источники и жанровая форма) // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Т. 4 / Отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. С. 335–388.
13. Пигин А. В., Юхименко Е. М. Преподобный Александр Ошевенский. Житие, похвальные слова, молитвы: Исследование и тексты / Науч. ред. Н. В. Поньрко. СПб.: Пушкинский Дом, 2023. 816 с.
14. Полетаева Е. А. Агиографический цикл как тип монастырского сборника (на примере рукописных памятников Кожеозерского монастыря нач. XVIII в.) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 196–202.
15. Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Вып. 3 / Ред. О. В. Творогов, Е. В. Крушельницкая, В. М. Загребин (отв. ред.), Е. А. Пережогина. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 389 с.
16. Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского (Книжные центры Русского Севера). Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 2000. 370 с.
17. Савельева Н. В. «Житие Артемия Веркольского» в рукописной традиции Веркольского монастыря // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 51 / Ред. Д. М. Буланин, Д. С. Лихачев (отв. ред.), М. А. Салмина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1990. С. 365–376.
18. Thyret I. Saint-making in early modern Russia (religious tradition and innovation in the cult of Nil Stolobenskii). Washington DC: New Academia Publishing, 2018. 721 p.
19. Uchastkina Z. V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks // Monumenta Chartæ Papyraceæ Historiam Illustrantia or Collection of Works and Documents Illustrating the History of Paper. Т. IX. (J. S. G. Simmons, E. J. Labarre, Eds.). Hilversum: Paper Publications Society, 1962. 297 p.

Поступила в редакцию 20.10.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Nadezhda N. Levchenko, Librarian, Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6490-7021; nadule612@gmail.com

**MONOGRAPHIC HAGIOGRAPHIC COLLECTION DEDICATED TO NIL STOLOBENSKII
 IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVII AND XVIII CENTURIES**

Abstract. During the XVII and XVIII centuries, the fame of a new wonderworker, Saint Nil Stolobenskii (†1554), a hermit and ascetic, was mainly spread through monographic collections containing texts of various genres about the saint. These collections, produced at the monastery on Stolobnoe Island in Seliger Lake where the saint performed his feats, were studied through codicological and paleographic analysis to characterize the traditions of book writing at the

Nil Stolobenskii's Hermitage. The study also revealed the relationship between the episodes of editing "The Life of Nil Stolobenskii" and other literary works about him and the repeated revision of the whole collection. This article examines a monographic hagiographic collection dedicated to Nil Stolobenskii and its typical features at each stage of its development. The research material included around 30 manuscripts dating from the late XVII to early XIX centuries, some of which are presented to the scholarly community for the first time.

Key words: Nil Stolobenskii, Nil Stolobenskii's Monastery, monographic hagiographic collection, hagiography, church services, encomium, book center, book decor

Acknowledgements. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (grant No 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Levchenko, N. N. Monographic hagiographic collection dedicated to Nil Stolobenskii in Russian literature of the XVII and XVIII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1046

REFERENCES

1. Vlasov, A. N. Types of Ustyug Didactic Book of the XVII–XVIII Centuries. *Handwritten and printed books in Russia: problems of creation and distribution*. (A. A. Zaitseva, M. V. Kukushkina, V. A. Somov, Eds.). Leningrad, 1988. P. 93–102. (In Russ.)
2. Gadalova, G. S. The catalog of hagiographic, liturgical, and historical works dedicated to the Tver saints in Tver's archives (Preliminary materials). Tver, 2006. 43 p. (In Russ.)
3. Dianova, T. V., Kostjuhina, L. M. Watermarks in Russian manuscripts of the XVII century: a study of the materials of the Department of Manuscripts of the State Historical Museum. Moscow, 1980. 172 p. (In Russ.)
4. Isakov, V. Z. Handwritten collections with "The Life of Nil Stolobenskii". *The legend of the life and acts of faith of our reverend and God-bearing father Nil Stolobenskii the Wonderworker*. Tver, 2022. P. 74–82. (In Russ.)
5. Karbasova, T. B. Monographic hagiographic collection as a hagiographic type (based on the example of the collection dedicated to Cyril Novoezerskii). *Russian hagiography: Studies. Materials. Publications*. Vol. 2. (T. R. Rudy, S. A. Semyachko, Eds.). St. Petersburg, 2011. P. 240–248. (In Russ.)
6. Klepikov, S. A. Filigrees and stamps on Russian and foreign paper of the XVII–XX centuries. Moscow, 1959. 306 p. (In Russ.)
7. Kukushkina, M. V. Monastic libraries of the Russian North: Essays on the history of book culture of the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)
8. Levchenko, N. N. The history of the text of the first edition of "The Life of Nil Stolobenskii" (by Philotheus). *Ancient Rus. The issues of medieval studies*. (In print). (In Russ.)
9. Luppov, S. P. Books of the seventeenth-century Russia. Leningrad, 1970. 224 p. (In Russ.)
10. Mineeva, S. V. The handwritten tradition of "The Life of Saints Zosima and Sabbatius of Solovki" (XVI–XVIII centuries). Vol. 1. Moscow, 2001. 800 p. (In Russ.)
11. The monuments of literature of Ancient Tver. (V. Z. Isakov, Ed.). Tver, 2002. 278 p. (In Russ.)
12. Panchenko, O. V. Solovki hagiographic collection of the 1720s (composition, sources, and genre form). *Russian hagiography. Studies. Materials. Publications*. Vol. 4. (T. R. Rudy, S. A. Semyachko, Eds.). St. Petersburg, 2022. P. 335–388. (In Russ.)
13. Pigin, A. V., Yukhimenko, E. M. Saint Alexander Oshevskii. His life, encomium, and prayers: Research and texts. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 2023. 816 p. (In Russ.)
14. Poletaeva, E. A. Hagiographic cycle as a type of monastic collection (based on the example of manuscripts from the Kozheozersky Monastery dating to the early XVIII century). *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2014;3:196–202. (In Russ.)
15. Handwritten books from M. P. Pogodin's collection: Catalogue. Issue 3. (O. V. Tvorogov, E. V. Krushelnitskaya, V. M. Zagrebin, E. A. Perezhogina, Eds.). St. Petersburg, 2004. 389 p. (In Russ.)
16. Ryzhova, E. A. The Antonievo-Siyskii Monastery. The Life of Anthony of Siya (Book centers of the Russian North). Syktyvkar, 2000. 370 p. (In Russ.)
17. Savelyeva, N. V. "The Life of Artemius of Verkola" in the manuscript tradition of the Verkolskii Monastery. *Works of the Department of Ancient Russian Literature*. Vol. 51. (D. M. Bulanin, D. S. Likhachev, M. A. Salmina, Eds.). St. Petersburg, 1990. P. 365–376. (In Russ.)
18. Thyret, I. Saint-making in early modern Russia (religious tradition and innovation in the cult of Nil Stolobenskii). Washington DC, 2018. 721 p.
19. Uchastkina, Z. V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. *Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia or Collection of Works and Documents Illustrating the History of Paper*. T. IX. (J. S. G. Simmons, E. J. Labarre, Eds.). Hilversum, 1962. 297 p.

Received: 20 October 2023; accepted: 25 March 2024

РУСЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ТУБЫЛЕВИЧ

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера»

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

(Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0009-0008-0984-357X;

tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

СИМВОЛИКА СНА ГОСТОМЫСЛА В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА «ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА»

А н н о т а ц и я . Рассматривается символика сна Гостомысла (из Иоакимовской летописи) как варианта политической легенды в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана». На достижение этой цели направлены следующие задачи: анализ сна Гостомысла в контексте политической легенды о первых русских князьях и вещих снах правителей о личной судьбе и будущем государства; характеристика способов включения сна в исторические романы о первых русских князьях; интерпретация его символики в романе М. Д. Каратеева. Актуальность исследования обусловлена интересом современной науки к образам и сюжетам отечественной истории и их отражению в русской литературе. Анализ сна Гостомысла как эпизод романа М. Д. Каратеева еще не проводился, в этом состоит новизна исследования. Используя сравнительно-сопоставительный метод, автор приходит к следующим выводам. Сон, включающий в себя мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины, как вариант политико-династического мифа XVI–XVII веков, в сюжетах исторических романов 2-й половины XX – начала XXI века предстает как эпизод биографии князя Рюрика или хитроумный способ восхождения на престол. В романе М. Д. Каратеева символика сновидения реализуется на нескольких уровнях: личной судьбы главного героя, его семьи и государства. «Программа» родства русских князей становится проверкой убеждений окружения карачевского князя Василия, когда он незаконно лишается своей вотчины и становится изгоем. Поднимается проблема забвения родственниками князя кровных уз ради личной выгоды, достигаемой даже с угрозой уничтожения княжества силами хана Золотой Орды. Последнее затрагивает проблемы целостности Русских земель и интересов формирующегося единого государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сон Гостомысла, исторический роман, Иоакимовская летопись, древнерусская литература, русская литература XX века, мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тубылевич Р. Е. Символика сна Гостомысла в романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 93–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1047

ВВЕДЕНИЕ

Автор исторического романа работает не только с достоверными, но и с легендарными источниками. К последним можно отнести и вещий сон посадника Гостомысла о плодовом дереве, выросшем из чрева его дочери, упомянутый в новгородской Иоакимовской летописи (далее – НИЛ¹) и пересказанный в историческом романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана» (1958), входящем в цикл «Русь и Орда» (1958–1967).

Цель работы – изучение особенностей символики сна Гостомысла как варианта политической легенды в историческом романе М. Д. Каратеева

«Ярлык великого хана». Из цели работы вытекают следующие задачи: 1) рассмотреть сон Гостомысла как вариант политической легенды о первых князьях; 2) кратко охарактеризовать роль вещих снов (в частности, сновидений о дереве) в древнерусской литературе; 3) наметить основные подходы к включению сна Гостомысла в русских исторических романах и 4) изучить, как этот сон встраивается в идейный пласт романа М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана».

Специфика НИЛ как объекта исследования заключается в дискуссионности сведений, представленных в ней [1: 6–34]. Зная о слож-

ной репутации НИЛ, М. Д. Каратеев сопровождал пересказ эпизодов из нее критическими комментариями [15: 87–89], в том числе и сон Гостомысла, символичность которого встраивалась в идею романа и всего цикла. Изучение этого эпизода в романе еще не проводилось, в этом состоит новизна нашей работы.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ КАРАТЕЕВ КАК АВТОР ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

Михаил Дмитриевич Каратеев (1904–1978) – русский писатель «младшего», «незамеченного» поколения первой волны эмиграции [7: 26]. Основная часть его творчества представлена историческими романами и научными трудами по истории Древней Руси – циклом «Русь и Орда» (1958–1967) и сборниками очерков «Из нашего прошлого» (1968) и «Арабские истории» (1971). Они отразили активную гражданскую и просветительскую позицию автора, основанную на понимании самобытности исторического пути России, ценности ее истории и культуры: «За неуважение к своему прошлому приходится платить дорогой ценой»². Эта установка доминировала в среде русского зарубежья: «...культурно-историческая память служила важным элементом национальной идентичности» [8: 84].

Своими главными задачами при создании исторических романов писатель считал, во-первых, восстановление «справедливости» в отображении ключевой эпохи в русской истории – периода правления Дмитрия Донского. Великий московский князь, по его мнению, был «национальным героем, чьим гением Русь была выведена из феодального хаоса на прямой великодержавный путь»³. Во-вторых, ознакомление читателя с неизвестной ему ранее историей русских княжеств [2]. Наконец, устранение некоторых ошибок, которые возникли при поверхностном чтении летописей его предшественниками. Эти задачи во многом определили фактографичность романов М. Д. Каратеева, их «единодержавную направленность», «промосковскую» и «антинорманнскую» концепции [2]. Последняя была связана с историческими взглядами писателя, который не принимал норманнскую теорию происхождения русской государственности и считал НИЛ текстом хотя и не полностью достоверным, но все же отразившим некоторые факты из древней русской истории⁴.

ИОАКИМОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ В РЯДУ ДРУГИХ ТЕКСТОВ

НИЛ была введена в научный оборот В. Н. Татищевым, пересказавшим фрагменты из нее

в своей «Истории Российской»⁵. Отсутствие первоисточника и оригинальность сведений обусловили сравнение ее с такими известными мистификациями, как Краледворская и Зеленогорская рукописи, и отношение к ней как к фальсификации (А. Л. Шлёцер, Н. М. Карамзин, Е. Е. Голубинский, М. Горлин и др.).

Согласно другой точке зрения, НИЛ является скорее компиляцией⁶ из разных летописных сводов, в том числе позднейших⁷. Это заметно на материале сна посадника Гостомысла, который входит в сюжет сказания (или легенды) о призвании варягов, «одного из самых спорных текстов в историографии, посвященной истории Руси» [13: 514]. Развитие этого сказания в восточнославянских летописях (Никоновской, Воскресенской летописях, в «Степенной книге» и др.) П. С. Стефанович относит к XVI–XVII векам. По его мнению, оно содержит в себе два «мифа»: «политико-династический» (Рюрик и его потомки как законные правители Руси) и «этногенетический» [12: 328–329], выходящий на первый план с XVII века.

Создание имеющих сходную структуру политических легенд было развито в литературе Смутного времени. Для объяснения передачи власти от законного правителя напрямую наследнику использовались сюжетные схемы, содержащие мотивы «пророческого предсказания в преддверии смерти», «отсутствия прямого наследника престола», «называния имени преемника», «родства и передачи власти дальнему родственнику» [16: 116, 119].

ВЕЩИЙ СОН О ДРЕВЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вещий сон, предсказывающий судьбу государства и посланный его главе, встречается в письменных памятниках античности и средневековья [11: 30]. На средневековом Западе так называемые королевские сновидения считались одними из самых достоверных (например, сон Карла Великого в «Песне о Роланде») [5: 336, 360]. В древнерусской литературе подобный вещий сон встречается не часто. К самым известным относятся сновидение князя Святослава в «Слове о полку Игореве» и родственный ему сон древлянского князя Мала в «Летописце Переяславля Суздальского» [11: 30]. Чаще всего предсказателями будущего становились «служители культов, языческого и христианского» [4: 103]. Вместе с тем с приходом христианства церковью «вера в сновидения осуждается» [10: 172], а сами сны «вытесняются из области государственной и политической идеологии в область бытовую» [9:

91]. В частности, в текстах древнерусской литературы с XIII века сны теряют свою значимость и используются как средство развлекательности («Александрия») [4: 116–117], уступая место видениям и политическим легендам, поданным как исторический факт.

Сон, заключающий в себе пророчество о рождении будущего правителя государства, в котором фигурируют образы женщины и дерева, выделен А. Л. Топорковым как один из мотивов мировой литературы («мотив чудесного дерева, выросшего из тела женщины»). Исследователь подробно останавливается на вариантах этого мотива в исландских сагах, античной и византийской литературе. Мы лишь кратко перечислим некоторые из них: сон мидийского царя Астиага из «Истории» Геродота о виноградной лозе, предрекший рождение Кира Великого; сон весталки Сильвии о рождении Ромула и Рема в «Фастах» Овидия (о двух пальмах), сны Рагнхильд в «Саге о Хальфдане Черном» (о дереве, выросшем из иглы с ее платья), сновидение матери византийского императора Василия I Македонянина (о золотом дереве, выросшем из ее груди) и др. [14: 250–262]. Говоря о сне Гостомысла в НИЛ, А. Л. Топорков ссылается на А. П. Толочко, который считал этот эпизод «калькой сюжета, известного у Геродота» [14: 257], и резюмирует: «Во всяком случае, ни в каких других текстах о первых русских князьях данный мотив не встречается» [14: 257].

СОН ГОСТОМЫСЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сюжет сказания о призвании варягов активно разрабатывался в сочинениях историков, писателей и драматургов XVIII–XIX веков: А. П. Сумарокова («Синав и Трувор» (1750)), Екатерины II («Историческое представление из жизни Рюрика» (1786)), Я. Б. Княжнина («Вадим Новгородский» (1793)), М. Н. Макарова («Повести из русских народных преданий» (1834)), К. Ф. Рылеева (неоконченная дума «Вадим», 1821–1823) и др. Сон Гостомысла из НИЛ почти не привлекал внимание писателей и историков этого периода. Его стали активно пересказывать авторы исторических романов 2-й половины XX – начала XXI века. Отношение к этому эпизоду и его интерпретация колебались от уверенности в его достоверности до понимания его символической природы. Сон мог становиться несомненным историческим фактом из биографии Рюрика («Рюрик» Г. Ф. Петrenchенко (1994), «Князь Гостомысл – славянский дед Рюрика» В. Седугина (2011), «Рюрик. Полет сокола» М. Н. Задорнова и Ю. и В. Гнатюков

(2013)) или осознаваться как вымысел, благодаря которому Рюрику удалось закрепить права на престол (в романе А. Гусарова «Из варяг в греки» (2019), славянском фэнтези «Гиперборей»⁸ Ю. Никитина и др.).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СНА ГОСТОМЫСЛА В РОМАНЕ М. Д. КАРАТЕЕВА

В отличие от указанных выше романов, посвященных правлению первых русских князей, «Ярлык великого хана» изображает другой исторический период – татаро-монгольское иго, в условиях которого идея, выраженная в этом символическом сне, не теряет своей актуальности.

В основу сюжета романа легли не только материалы древнерусских летописей, но и семейные предания М. Д. Каратеева о его предках – карачевских князьях⁹ [7: 402]. Главный герой романа – карачевский князь Василий Пантелеймонович – из-за интриг его дядьев Андрея и Тита Мстиславичей лишается своей вотчины и едет в Белую Орду. По пути он заезжает в Муром, где гостит у князя Юрия Ярославича, называясь карачевским боярином Василием Снежиным. Князь Юрий, догадываясь, кто перед ним, и видя взаимную симпатию своей дочери и молодого «боярина», рассказывает ему сюжет из древнерусской истории, который становится проверкой убеждений и знаний как хозяина, так и его гостя.

Сон новгородского посадника Гостомысла является одним из эпизодов в рассказе о чередовании русских правителей, предваряет эпизод призвания Рюрика по предложению Гостомысла и объясняет государственную значимость этого решения. В эпиграфе к главе он представлен в виде точной цитаты из сочинения В. Татищева, а в тексте самой главы – в речи муромского князя в пересказанном виде:

«У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья все поумирали и потомства не оставили, а дочери были выданы за соседних князей. И когда почувял Гостомысл близость смерти, стал он думать, кому передать княжение? Вестимо, он понимал, что, если еще при жизни своей этого дела не урядит, – начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля.

И вот, когда размышлял он об этом, привиделся ему сон: будто из чрева средней его дочери Умилы выросло великое дерево, сенью своей покрывшее и плодами напитавшее всю славянскую землю. И волхвы, коих позвал Гостомысл, так ему растолковали этот вещий сон: надлежит княжить в Новгороде сыновьям Умилы, и потомство ее принесет славу и процветание славянскому народу...»¹⁰.

В романе пересказ фрагментов НИЛ герой сопровождает своими критическими коммен-

тариями (иногда совпадающими с авторскими оценками тех же фрагментов в его исторических работах). Этот эпизод не исключение. Осознавая его «символический» характер, М. Д. Каратеев через своего персонажа допускает мягкие оговорки. Прежде всего, сама ситуация сновидения объяснена психологически:

«Вестимо, он понимал, что, если еще при жизни своей этого дела не урядит, – начнется усобица и вновь придет в упадок Новгородская земля. И вот, *когда размышлял он об этом* (курсив наш. – Р. Т.), привиделся ему сон...» (215).

Ответственность за толкование сна перекладывается на волхвов, которые «так ему растолковали этот вещий сон» (215). Вместе с тем само решение Гостомысла на фоне рассказа НИЛ о войне со скандинавами и долгом восстановления Новгородской земли выглядит логичным. Желая избежать усобиц при дележе власти, Гостомысл решает отдать престол единственному оставшемуся мужскому родственнику по прямой линии – своему внуку Рюрику.

Комментируя услышанный рассказ, князь Василий Пантелеймонович высказывает важную для идейного замысла романа мысль: «Стало быть, род наш чуть не со времен Христа над славянами княжит!» (215). В эпизод сна Гостомысла в летописи вложены две идеи: политическая и религиозная. Они объединены утверждением славянских корней единого княжеского рода, представителям которого предначертано Богом править на Руси. При этом само правление оценивается как благополучное и «дающее добрые плоды». Эталонном духовной личности в мире в древнерусской литературе всегда изображался князь, он же и был гарантом нерушимости православной веры и на уровне удельного княжества, а позднее – и всей Русской земли. Поэтому фраза «плодами напитавшее всю славянскую землю» (215) означает не только «экономическое» благополучие государства, но и незыблемые основы его морали и религии.

Эпизод сна Гостомысла можно рассматривать на нескольких уровнях. Прежде всего, как политическую легенду, закрепляющую исконность и легитимность власти потомков Рюрика, в частности главного героя романа – князя Василия, в результате заговора утратившего свою вотчину, но не лишившегося законного права занимать престол в своем бывшем княжестве. В восприятии изгнанника это упрочивает не только «юридически», но и «морально» его притязания, превращает его надежду на возвращение домой

в его долг перед жителями Карачевского княжества.

В условиях татаро-монгольского ига идея славянских корней русской государственности звучит особенно остро, так как подчеркивает противоестественность текущих условий существования княжеской власти. Правящие издревле русские князья всего лишь выполняют функции данников Орды и подконтрольных ей наместников, имеющих очень ограниченную власть. Намеченный в романе процесс постепенного освобождения Руси включает в себя и изменения в сознании его героев, которые подготавливаются в том числе идеей, сконцентрированной в сне Гостомысла.

Символика сновидения в романе реализуется на нескольких уровнях. Во-первых, в сюжетной линии взаимоотношений князя Василия и дочери муромского князя этот эпизод становится проверкой подозрений Юрия Ярославича относительно того, кто перед ним. Эту проверку бывший карачевский князь не проходит (см. его комментарий выше): «Наш род? – удивился князь Юрий. – А мне и невдомек было, что ты тоже Рюрикова рода...» (215). Во-вторых, несмотря на изложенную «программу» о родстве русских князей и необходимости единства между ними, сам князь Юрий по политическим причинам не готов принимать в свою семью молодого гостя, пусть даже и родственника (в силу кровного родства карачевских и муромских князей): «*Родниться* (курсив наш. – Т. Р.) же с изгоем нам не пристало...» (227).

Во-вторых, идея, заключенная в этом символическом эпизоде, ярко проявляется на двух уровнях – частном (уровне одной семьи) и государственном. На первом уровне братья Андрей и Тит Мстиславичи из-за собственных амбиций забывают о кровном родстве, и даже возможное убийство племянника (сына их брата Пантелеймона) не смущает главного заговорщика – звенигородского князя Андрея. Последний тем не менее вынужден открыто не высказывать своих планов из-за непримиримой позиции его брата Тита, который готов только «огрбить» своего племянника, лишив его не головы, но вотчины: «...с головы Василия здесь и волос не упадет... <...> Я не убивец и не тать!» (136).

Вместе с тем герои романа еще и правители удельных княжеств – частей некогда могущественного, но давно распавшегося Черниговского княжества: его Звенигородского (Андрей), Козельского (Тит) и Карачевского (Василий) уделов. В борьбе за карачевский «стол» Андрей и Тит

прибегают к помощи золотоордынского хана Узбека, чьим прямым вмешательством и угрожают племяннику в случае, если он не подчинится его воле и не оставит Карачев. Тем самым они прибегают к обычной в период татаро-монгольского ига политике отдельных русских князей, заключавших политические договоры с ханами и приводивших татаро-монголов на землю своего «оппонента». Таким образом, автор поднимает проблему предательства со стороны правителей интересов своих княжеств и всей Русской земли, впоследствии развитую в других романах цикла «Русь и Орда» в русле объединительной политики Московского княжества.

ВЫВОДЫ

Являясь отражением мотива чудесного дерева, выросшего из тела женщины, сон Гостомысла в НИЛ, как и другие подобные эпизоды у Геро-

дота, Овидия, в скандинавских сагах, заключает в себе пророчество о рождении будущего правителя. Входя в сказание (легенду) о призвании варягов, он становится частью «политико-династического» (по определению П. С. Стефановича) мифа, развитого в XVI–XVII веках. Сон Гостомысла реализуется в качестве эпизода биографии Рюрика в исторических романах 2-й половины XX – начала XXI века как не нуждающийся в доказательствах, реальный факт биографии князя. В романе М. Д. Каратеева «Ярлык великого хана», посвященном эпохе татаро-монгольского ига, идея династии, преемственности власти «по крови», роли князей в трудах во благо Русской земли звучит особенно актуально. В перспективе она воплощается и в образе «древа российского государства», надежными «ветвями» которого становятся его светские и духовные деятели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращение, предложенное С. Н. Азбелевым.

² Каратеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 30.05.2023).

³ Каратеев М. Д. От автора // Каратеев М. Д. Карач-Мурза. Богатыри проснулись: Исторические романы. М.: Профиздат, 1992. С. 7.

⁴ Каратеев М. Д. Из нашего прошлого [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/UMFGS> (дата обращения 30.05.2023).

⁵ Подробнее об истории обнаружения и научных спорах о подлинности НИЛ см. [1: 6–34].

⁶ Как отмечал Д. С. Лихачев, понятие «подделки» долгое время «абсолютизировалось»: «поддельной считалась всякая рукопись и всякое произведение, относящееся не к тому времени и принадлежащее не тому автору, которые обозначены (прямо или косвенно) в самом памятнике» [6: 338]. С этой точки зрения НИЛ стояла в одном ряду со Строгановской сибирской летописью, созданной позднее описываемых событий (70-е годы XVII века), «Рукописанием шведского короля Магнуша» (последняя четверть XV века) и «Посланием Александра Македонского к русским князьям» (XVI век) [6: 339].

⁷ Линниченко И. А. Краледворская рукопись и Иоакимовская летопись // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Октябрь. Отд. 2. С. 246–247, 254.

⁸ См. [3: 95–96].

⁹ По словам М. Д. Каратеева, «исторические изыскания он начал для того, чтобы узнать историю своих предков – князей Карачевских» [2].

¹⁰ Каратеев М. Д. Ярлык Великого хана // Каратеев М. Д. Русь и Орда: историческая эпопея. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 215. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 296 с.
2. Бойко де Семка В. Михаил Каратеев // Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 169–184 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/VjZhP> (дата обращения 30.05.2023).
3. Бреева Т. Н. Стратегия репрезентации национального мифа в славянском фэнтези // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 94–100.
4. Демин А. С. Древнерусская литература как литература: о манерах повествования и изображения: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2015. 486 с.
5. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. 440 с.
6. Лихачев Д. С., при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб.: Алетей, 2001. 759 с.
7. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. М.: Просвещение, 1995. 432 с.

8. Мосейкина М. Н. Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке в контексте истории двух волн эмиграции // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566
9. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков: Тайнства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. М.: Юрид. лит., 1991. 302 с.
10. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.
11. Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 5. С. 30–39.
12. Стефанович П. С. Легенда о призвании варягов в историографии XVI–XVII вв.: от средневековых мифов к раннемоде́рным // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. сост. А. В. Доронин; Отв. ред. серии А. В. Доронин. М.: Полит. энциклопедия, 2017. С. 326–344.
13. Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo Gentis Russorum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 514–583.
14. Топорков А. Л. Источники повести о Светомире царевиче Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. 486 с.
15. Тубылевич Р. Е. Интерпретация Иоакимовской летописи в романе М. Д. Карате́ева «Ярлык великого хана» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670
16. Туфанова О. А. Политическая легенда в исторических повествованиях первой трети XVII века // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 111–122. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00094

Поступила в редакцию 05.06.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Ruslana E. Tubylevich, Junior Researcher, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-0984-357X;
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru

DREAM OF GOSTOMYSL IN MIKHAIL KARATEEV'S NOVEL THE CHARTER OF GREAT KHAN

Abstract. The purpose of this research article is to explore the symbolism of Gostomysl's dream (from the Joachim Chronicle), portrayed in Mikhail Karateev's historical novel *The Charter of Great Khan* (1958), as a form of political legend. The study sets out to analyze Gostomysl's dream within the context of political legends concerning the early Russian princes and their prophetic dreams regarding personal destiny and the future of the state. Additionally, the article aims to examine how Gostomysl's dream is incorporated into historical novels about the early Russian princes, and how its symbolic meaning is intertwined with the ideological layer of Karateev's novel about the Tatar-Mongol yoke. The significance of this research lies in the contemporary scientific interest in the images and plots of Russian history and their depiction in Russian literature. The episode of Gostomysl's dream in Karateev's novel has not been previously explored, making it a novel aspect of this study. Through the use of the comparative method, the author arrives at several conclusions. Gostomysl's dream, which includes the motif of a miraculous tree growing from a woman's body, can be seen as a variation of the political-dynastic myth prevalent in the XVI and the XVII centuries. This motif has been utilized in Russian historical novels of the second half of the XX and the early XXI centuries, often as an episode of the biography of Prince Rurik or as a cunning strategy for ascending to the throne. In Karateev's novel, the symbolism of Gostomysl's dream is multi-faceted, impacting the personal destiny of the main character, his family, and the state. As Prince Vasily of Karachev is unjustly stripped of his inheritance and becomes an outcast, the "program" of the kinship of Russian princes becomes a test for the beliefs of people from his immediate circle. The narrative delves into the complexities of kinship bonds being forsaken by the prince's relatives for personal gain, even at the risk of the principality being destroyed by the forces of the Khan of the Golden Horde. These themes resonate with larger issues of territorial integrity of Russian lands and the interests of the emerging unified Russian state.

Key words: dream of Gostomysl, historical novel, Novgorod Joachim Chronicle, Old Russian literature, twentieth-century Russian literature, motif of a miraculous tree growing from a woman's body

For citation: Tubylevich, R. E. Dream of Gostomysl in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):93–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1047

REFERENCES

1. Azbelev, S. N. Oral history in the monuments of Novgorod and Novgorod lands. St. Petersburg, 2007. 296 p. (In Russ.)
2. Boyko de Semka, V. Mikhail Karateev. *Russians in Uruguay: History and modernity*. Montevideo, 2009. P. 169–184. Available at: <https://clck.ru/VjZhP> (accessed 30.05.2023). (In Russ.)
3. Breeva, T. N. The strategy of representation of the national myth in the Slavic fantasy. *Philology and Culture*. 2012;1(27):94–100. (In Russ.)
4. Demin, A. S. Old Russian literature as literature: methods of narration and depiction: Monograph. Moscow, 2015. 486 p. (In Russ.)
5. Le Goff, J. The medieval world of the imaginary. Moscow, 2001. 440 p. (In Russ.)
6. Likhachev, D. S. Textology (based on Russian literature of the X–XVII centuries). St. Petersburg, 2001. 759 p. (In Russ.)
7. Mikhailov, O. N. Literature of the Russian abroad. Moscow, 1995. 432 p. (In Russ.)
8. Moseykina, M. N. Formation of the Russian world's memorial space in Latin America in the context of the history of the two waves of emigration. *Dialogue with Time*. 2019;68:83–97. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.68.34566 (In Russ.)
9. Nechaenko, N. D. A dream filled with cherished signs: The mystery of dreams in mythology, world religions, and fiction. Moscow, 1991. 302 p. (In Russ.)
10. Pigin, A. V. The vision of otherworld in Russian hand-written books. St. Petersburg, 2006. 432 p. (In Russ.)
11. Sokolova, L. V. The dream of Svyatoslav. *Encyclopedia of "The Tale of Igor's Campaign"*: In 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg, 1995. P. 30–39. (In Russ.)
12. Stefanovich, P. S. "The Legend of the Calling of the Varangians" in the historiography of the XVI–XVII centuries: from medieval to early modern myths. *Old Rus' after Old Rus': the discourse of East Slavic (dis)unity*. (A. V. Doronin, Ed.). Moscow, 2017. P. 326–344. (In Russ.)
13. Stefanovich, P. S. "The Legend of the Calling of the Varangians" or Origo Gentis Russorum? *The earliest states of Eastern Europe: 2010: Prerequisites and ways of formation of the Old Russian state*. (E. A. Melnikova, Ed.). Moscow, 2012. P. 514–583. (In Russ.)
14. Toporkov, A. L. Sources of Vyacheslav Ivanov's "The Tale of Tsarevich Svetomir": ancient and medieval books and folklore. Moscow, 2012. 468 p. (In Russ.)
15. Tubyevich, R. E. Interpretation of the Joachim Chronicle in Mikhail Karateev's novel *The Charter of Great Khan*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7):85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.670 (In Russ.)
16. Tufanova, O. A. Political legend in the historical narratives of the first third of the 17th century. *New Philological Bulletin*. 2019;4(51):111–122. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00094 (In Russ.)

Received: 5 June 2023; accepted: 25 March 2024

ЕКАТЕРИНА ОЛЕГОВНА АЛЕКСЕНЦЕВА

аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Института русского языка и словесности Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-4974-8681, e.aleksentseva@mail.ru

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(на материале произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского)

А н н о т а ц и я . Целью статьи является лингвостилистический анализ средств создания диалогичности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского. Актуальность исследования обусловлена тем, что специфика индивидуально-авторского использования показателей диалогичности в русской поэзии 2-й половины XX века изучена недостаточно. Для достижения поставленной цели были использованы методы лингвостилистического и контекстуального анализа. Проанализированы следующие средства создания диалогичности в поэзии указанных авторов: отдельные реплики диалога, прямая речь, риторическое обращение, риторическое восклицание, риторический вопрос, вопросно-ответные конструкции, эллипсис, личные и притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица, глагольные формы 1-го и 2-го лица, а также сопровождающие грамматические показатели диалогичности разговорные и просторечные слова, выражения и фразеологизмы. Выявлены такие функции синтаксических показателей категории диалогичности в языке поэзии, как текстообразующая (составляют основу синтаксической структуры произведения), характерологическая (создают речевые портреты адресанта и адресата, выражают особенности отношений между ними). Результаты исследования дополняют имеющиеся в научной литературе сведения о средствах создания диалогичности в монологической речи и могут быть использованы в рамках филологического анализа текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : диалогичность, адресат, адресант, коммуникация, идиостиль

Д л я ц и т и р о в а н и я : Алексенцева Е. О. Средства создания диалогичности в русской поэзии (на материале произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 100–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1048

ВВЕДЕНИЕ

Первые размышления о диалоге и его влиянии на человека можно обнаружить еще в трудах древнегреческих философов. Сократ отмечал, что мышление представляет собой «разговор, который ведет душа сама с собой о предмете своего исследования» [13: 118]. Именно диалогическая форма познания бытия, по мнению философа, помогает человеку приблизиться к истине [14: 201–203].

В отечественном языкознании изучение диалога ассоциируется прежде всего с именем М. М. Бахтина. Вместе с тем такие термины, как «диалог» и «диалогизм», используются в работах ученого в широком смысле. По М. М. Бахтину, диалогические отношения «глубоко своеобразны и не могут быть сведены ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим, ни к каким-либо другим

природным отношениям» [2: 303]. Следовательно, диалогической основой обладает не только коммуникация между людьми как таковая, но и мышление, в частности процесс понимания.

Более узкое представление о диалогичности представлено в работах М. Н. Кожиной. Категория диалогичности, по мнению автора, представляет собой ориентированность речи на адресата, учет его реакции в сообщении и фиксация данной направленности посредством определенных языковых единиц [9: 37]. Исследуя язык научной литературы, М. Н. Кожина определяет характер выражения описываемой категории, а именно средства на разных уровнях языка. Кроме того, она отмечает полевую структуру категории диалогичности и определяет ее статус – «особая функциональная семантикостилистическая категория (весьма широкого объема)» [9: 88].

В современной лингвистической науке исследование диалога и диалогичности продолжают, о чем свидетельствуют работы С. А. Чубай [18], [19], Т. В. Бердниковой¹, Е. Н. Вотриной [6], С. Д. Зливко [8], Н. Э. Фотиной [17], Т. Н. Колокольцевой [10], [11], [12], О. А. Прохвятиловой [16], Н. С. Болотновой [3], О. И. Просянной, К. В. Скорик, Ш. Ю. Кужугет [15], Е. Н. Басовской, Т. А. Воронцовой [1] и др.

Л. Р. Дускаева в структуре функционального семантико-стилистического поля диалогичности выделяет четыре микрополя: 1) адресации; 2) авторизации; 3) оппонента (третьих лиц); 4) оценки [7: 185]. По мнению ученого, именно указанные микрополя формируют описываемую категорию.

Н. С. Болотнова, вслед за В. В. Виноградовым, Т. Г. Винокур, М. Н. Кожинной, отмечает, что «глобальная категория диалогичности реализуется в категориях субъектности и адресованности, связанных с образами автора и адресата» [4: 237]. Для данного исследования важной представляется мысль о влиянии фактора адресата на автора: «Образ адресата присутствует в сознании автора на разных этапах порождения текста, определяя коммуникативную стратегию произведения и проецируя коммуникативный эффект» [4: 237].

* * *

Природа языка поэзии, безусловно, во многом монологична. Признание и исповедь поэта, его созерцание и размышления, обращение и призыв материализуются, как правило, именно в монологе. Вместе с тем любой лирический текст обладает скрытой (потенциальной) диалогичностью, поскольку представляет собой диалог с читателем.

Так, Р. И. Рождественский нередко использует реплики диалога в стихотворных произведениях. Среди 160 проанализированных стихотворений, вошедших в сборники 1962–1968 годов «Необитаемые острова», «Ровеснику», «На самом дальнем западе», «Сын Веры», 19 содержат от одной до девяти диалогических реплик². Рассмотрим некоторые примеры.

Примечательно, что поэтические тексты, посвященные быстротечности времени (стихотворения «Часы» и «Ремонт часов»), начинаются именно с реплик диалога:

«– Идут часы...
– Подумаешь, –
открыть!
Исправны, значит...
Приобрел –
носи...
– Я не о том!
На улице смотрите: по утренней земле
идут часы!» (Рождественский: 82).

«Сколько времени?
– Не знаю...
Что с часами?
– Непонятно...
То спешат они,
показывая
скорость не свою.
То, споткнувшись,
останавливаются.
Только обонянем
я примерно-приблизительное
время узнаю...» (Рождественский: 226).

В первом примере ответная реплика создает образ собеседника лирического героя («– Подумаешь, – / открытие! / Исправны, значит... / Приобрел – / носи...»). Затем происходит определенная трансформация диалога, и лирический герой вступает в философскую беседу с часами *недлинной жизни человека*, на это указывает риторическое обращение³ во второй строфе произведения («Часы недлинной жизни человека, / увидите, – / я вас перехитрю!») (Рождественский: 82). Далее диалог с вымышленным собеседником также видоизменяется. Лирический герой оказывается на площади, и читатель становится свидетелем разговора с часовщиком. Здесь Р. И. Рождественский использует риторическое обращение, чтобы показать смену адресата («Гражданин часовщик, / почините мне время») (Рождественский: 226). Кроме того, в этих произведениях диалогичность реализуется благодаря глагольным словоформам 1-го (*вбегу, закрою, отворю; не знаю, узнаю, подойду, выну*) и 2-го лица (*закроешься, не вступишь, испортишь, забудешь; почините, не бережете*) (Рождественский: 82–83, 226–227).

Отдельного внимания заслуживает стихотворение Р. И. Рождественского «Засуха». В данном примере представлены сразу девять реплик диалога. Вместе с тем следует признать поверхностный характер разговора. Один из участников пытается отвлечься от грустных мыслей о засухе и обращается с просьбой к собеседнику:

«– Развесели,
хоть чем-нибудь развесели...» (Рождественский: 128).

К сожалению, адресат неправильно декодирует сообщение, поэтому беспрестанно говорит об отсутствии дождя, жаре и высохшей на палящем солнце земле:

«– Сумасшедшая жарынь!
Такой горячей,
медленной речи
кудлатые не помнят старики...
– Развесели!
Развесели хоть чем-нибудь!..
– Сухую землю
трактора скребют.
Так светит солнце,

что в глазах
темно.
Жестокое,
свирепое,
оно
вбивает в пашию

жестокое лучи...» (Рождественский: 129).

Средствами выражения категории диалогичности здесь становятся не только реплики диалога, но и глагольные формы 2-го лица (*развесели, смотри, придумай, молчи*), определенно-личные предложения побудительного характера, адресованные собеседнику («*Придумай сказку с радостным концом! // Развесели!*»), риторическое обращение (*друг*), эллипсис («*Да не о том ты! Всегда не о том!*») (Рождественский: 128–129). Кроме того, важно обратить внимание на **текстообразующую функцию** показателей диалогичности, которая достаточно ярко реализуется в данном примере (каждая строфа является репликой диалога). Указанные средства становятся важным элементом композиции стихотворения, глубоко проникая в структуру всего текста.

Среди произведений А. А. Вознесенского, написанных в 60-е годы XX века, можно найти только два («Оза» и «Диалог»), в которых автор использует реплики диалога⁴. Текст стихотворения «Диалог», практически целиком состоящий из реплик, представляет особый интерес для исследования, так как произведения с подобной синтаксической структурой являются редкостью для поэтического искусства (Вознесенский, Т. 1: 254–256). Название готовит читателя к тому, что он станет свидетелем разговора. С первых реплик становится ясно, что беседа будет отнюдь не бытовой:

«– *Итак,
в прошедшем поэт, в настоящем просящий суда,
свидетель себя и мира в 60-е года?*

– *Да!*

– *Клянетесь отвечать правду в ответ?*

– *Да!*» (Вознесенский, Т. 1: 254).

Несмотря на то что автор называет все происходящее исповедью («*Обрыдла мне исповедь, Вы – сумасшедший, лжеидол, балда, паразит!*»), подобное речевое взаимодействие больше напоминает допрос: в первой реплике уточняется социальный статус лирического героя, затем практически каждый вопрос несет обвинительный характер (Вознесенский, Т. 1: 256). Ответы, в свою очередь, зачастую односложны (*да* или *нет*), хотя вопросы иногда требуют развернутого ответа:

«– *Вы жизнь ей вручили. Где женщина та?*

– *Нет!*» (Вознесенский, Т. 1: 255).

Категория диалогичности в данном примере представлена:

1) *на синтаксическом уровне* через реплики диалога, вопросно-ответные конструкции и риторические восклицания

«– *Итак, продолжаете эксперимент? Айда! // Обрыдла мне исповедь, // Вы – сумасшедший, лжеидол, балда, паразит! // Идете витийствовать? зло паразитить? иль простить? // Так в чем же есть истина? В “да” или в “нет”?»*),

обращения (*мой отличник, глухарь стихотворный*); следует обратить внимание на характерологическую функцию обращений, которые не только подчеркивают личностное отношение к адресату речи, но и транслируют дополнительные сведения об адресанте (Вознесенский, Т. 1: 254–256);

2) *на морфологическом уровне* через глагольные формы 2-го лица (*клянетесь, верите, поёшь, вернёшься, продолжаете*) и повторяющееся местоимение 2-го лица *Вы* (местоимение *Вы* и его формы (*вам, вас*) повторяются 14 раз на протяжении всего произведения) (Вознесенский, Т. 1: 254–256). Следует сказать, что грамматические показатели диалогичности поддерживаются *на лексическом уровне* за счет разговорной (*бред, белиберда, напяливший джинсы*) и просторечной лексики⁵ (*паразит, айда*) (Вознесенский, Т. 1: 254–256). Среди поэтических произведений А. А. Вознесенского, написанных позднее (70-е годы XX века), можно встретить стихотворения, которые также полностью состоят из реплик диалога, например «– А еще я скажу апропо...» (1975), «Гангстеры» (1976), «После последней войны» (1977) (Вознесенский, Т. 2: 47, 74–75, 149).

В нашей выборке из поэтических текстов Е. А. Евтушенко собственно реплицирование не обнаружено (напомним, что для анализа были взяты произведения, написанные в период 1960–1969 годов). Для создания микрополей адресата и адресанта автор использует главным образом пространственные фрагменты прямой речи. В этом смысле особый интерес представляет вторая часть стихотворения «Ритмы Рима»⁶. Две реплики прямой речи, принадлежащие простым уличным зевакам, в начале второй части стихотворения погружают читателей в ситуацию пожара:

«*Пожар!*

Пожар!

Горит синьора Сильвия!»

«*Да нет, дурак,*

квартира –

не она!» (Евтушенко, Т. 5: 173–174).

Далее мы становимся свидетелями диалога между синьорой Сильвией, хозяйкой квартиры, и ее мужем. Общение оказывается весьма эмоциональным. Женщина говорит, какие вещи необходимо спасать первыми. Трагичная ситуация становится в определенной мере комичной, потому что хозяйка в равной степени просит спасти *белье носильное, дурилаг, диван, крышку унитаза, вазу, семейный альбом, телевизор* – вещи, не имеющие никакой нравственной ценности, однако забывает о святой *Мадонне*, которая заботится о несчастных в любой ситуации (Евтушенко, Т. 5: 173–174). В этом фрагменте категория диалогичности получает достаточно яркое воплощение на разных языковых уровнях:

1) *на синтаксическом уровне* – прямое цитирование, с помощью которого Е. А. Евтушенко воссоздает живое общение между людьми; кроме того, невозможно не заметить обилие риторических вопросов («*Постой, / болван, / а где же наша ваза? / А где / альбом, / семейный наш альбом?*») и восклицаний («*В шкафу / пошарь – / там есть белье носильное, / и тот / дурилаг – / скорее из окна! / Кидай / диван / и крышку унитаза! / ...А все – / горбом, / ну хоть о стенку лбом!*») и др.), эллипсис («*В шкафу / пошарь – / там есть белье носильное, / и тот / дурилаг – / скорее из окна! // ...А все – / горбом, / ну хоть о стенку лбом! // Вешку / на, / спускайка телевизор!*»), обращения (*болван, жена*), междометие (*ха!*) (Евтушенко, Т. 5: 173–174); вторая часть «Ритмов Рима» еще раз доказывает, что показатели диалогичности не только помогают автору создать бытовой диалог в письменной форме, но и выполняют характерологическую и текстообразующую функции, пронизывая на протяжении всего отрывка текстовую ткань стихотворения;

2) *на морфологическом уровне* автор использует преимущественно глагольные словоформы 2-го лица повелительного наклонения (*пошарь, кидай, стой, заткнись, спускайка, не плачь, очнись, смотри, отстань, не лезь*), что полностью соответствует речевой ситуации, в которой находятся герои (Евтушенко, Т. 5: 173–174); грамматические показатели поддерживаются на лексическом уровне за счет разговорной лексики (*пошарь, отстань, не лезь*) (Евтушенко, Т. 5: 173–174).

Очевидно, что все названные примеры создают речевые портреты участников происходящего, иными словами, лексические средства выражения категории диалогичности здесь выполняют еще и важную характерологическую функцию.

В стихотворении А. А. Вознесенского «Нас много. Нас может быть четверо...» ведущим средством выражения категории диалогичности является риторическое обращение (Вознесенский, Т. 1: 209–210). Это произведение адресовано Белле Ахмадулиной, находящейся за рулем автомобиля, в котором едут лирический герой и еще несколько пассажиров («*Нас много. Нас может быть четверо. / Несемся в машине как черти. / Оранжеволоса шоферша. / И куртка по локоть – для форса*») (Вознесенский, Т. 1: 209). Необычные, довольно личные обращения (*Белка, Белочка, божественный кореш, лихач катастрофный*), выбранные А. А. Вознесенским, говорят о характере отношений между поэтами. Такая адресация выполняет не только номинативную, но и характерологическую функцию. Интересное значение приобретает просторечное существительное *кореш* в контексте этого стихотворения. Традиционно данное слово используют для наименования старого друга, приятеля мужского пола. Риторическое обращение *божественный кореш* акцентирует внимание на особой форме дружбы. Позднее в своих мемуарах супруга А. А. Вознесенского Зоя Богуславская назовет эти отношения «дружеской влюбленностью, продолжавшейся до самых последних дней» [5: 96]. Важно отметить, что категория диалогичности в этом примере реализуется также благодаря лексическим единицам с разговорной и просторечной стилистической окраской (*несемся, шоферша, для форса, лихач, долдонят, кореш*), фразеологизму (*не собратъ костей*), личным местоимениям 1-го и 2-го лица (*мы, ты*), притяжательным местоимениям 2-го лица (*твой, твоей*), глагольным формам 1-го и 2-го лица (*несемся, люблю, corriшь, скажешь, не портъ, исчезнем, выжали, мчимся*), прямому цитированию

(«*Люблю, когда, выжав педаль, / хрустально, как тексты в хорале, / ты скажешь: “Какая печаль! / права у меня отобрали... / Понимаешь, пришили превышение скорости / в возбужденном состоянии... / А шла я вроде нормально...”*»),

восклицаниям

(«*Какая печаль! // Жми, Белка, божественный кореш! // Да здравствует певчая скорость, / убийственной из скоростей! // Мы мчимся – а ты божество!*»),

риторическому вопросу

(«*Что нам впереди предначертано?*») (Вознесенский, Т. 1: 209–210).

Р. И. Рождественский в стихотворении «Память» использует риторическое обращение (*память*) дважды: в начале и в конце произведения (Рождественский: 147–149). Погружаясь в череду

воспоминаний, лирический герой знакомит читателей с яркими событиями юных лет. Риторическое обращение здесь не только является средством выражения категории диалогичности, но и участвует в создании кольцевой композиции стихотворения. Мощный диалогический посыл этого произведения также создают личные местоимения 1-го и 2-го лица (*ты, мы*), глагольные формы 2-го лица (*разберись, споришь, не вспомнишь*), риторического восклицания («*Но потом / мы “исполнителей” / ловили!*»), многочисленные умолчания («*Разберись в воспоминаниях нечетких... // Мы для них сирень ломали вдохновенно... // Но это были не романы, а так... / Новеллы...*») (Рождественский: 147–149), которые в данном случае транслируют нежелание адресанта продолжать мысль.

Риторическое обращение становится важным средством создания диалогичности и в стихотворении Е. А. Евтушенко «Профессор, вы очень не нравитесь мне...», повторяясь на протяжении всего текста семь раз.

*«Профессор,
вы очень не нравитесь мне.
А я вот понравился вашей жене
и вашему сыну –
угрюмому парню,
который пошел,
очевидно,
не в папу»* (Евтушенко, Т. 4: 25).

Отсутствие имени и отчества в обращении к профессору позволяет создать обобщенный характер адресации.

Невозможно не заметить ярко выраженную характерологическую функцию адресации в этом примере: риторическое обращение, с одной стороны, безусловно, определяет личностные черты адресата, с другой стороны, участвует в создании речевого портрета адресанта, кроме того, сообщает читателю особенности отношений между коммуникантами. Следует также отметить такие средства создания диалогичности, как личные местоимения 1-го и 2-го лица (*я, мы, вы*), притяжательные местоимения 2-го лица (*ваш, ваши, вашему, вашей*), риторические восклица-

ния («*Я / слишком румяных людей / не люблю! // Оставлю жену, / но имейте в виду – / я все-таки сына от вас уведу!*») (Евтушенко, Т. 4: 25–27).

Интересными представляются произведения, в которых отсутствуют риторические обращения, однако микрополе адресата в них получает достаточно яркое воплощение. Так, например, в стихотворении Е. А. Евтушенко «Как ты женщинам врешь обаятельно!..» диалогичность реализуется главным образом благодаря личным и притяжательным местоимениям 2-го лица (*ты, твоих, твоего, твоем*). Важно, что личное местоимение *ты* повторяется в тексте 12 раз, транслируя мощный апеллятивный заряд. Обвинительный тон сообщения адресанта подчеркивается серией оценочных высказываний, адресованных персонажу, в начале произведения («*Как ты женщинам врешь обаятельно! / Сколько в жестах твоих красоты! / Как внимательно и обнимательно, / как снимательно действуйешь ты!*») и риторическими вопросами в девятой строфе («*Почему же порой запираешься, / в телефонную трубку грубя, / и по-новому жить собираешься? / Значит, мучает что-то тебя?*») (Евтушенко, Т. 4: 27–28).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лирических произведений А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского 60-х годов XX века показал, что диалогичность получает яркое воплощение как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне языка. Средства создания изучаемой категории могут выполнять текстообразующую функцию, представляя собой важный компонент многослойной структуры всего произведения, и характерологическую функцию, определяя личностные черты адресата, участвуя в создании речевого портрета адресанта, а также транслируя особенности взаимоотношений между участниками коммуникации. Высокая частотность использования средств создания диалогичности в лирике А. А. Вознесенского, Е. А. Евтушенко, Р. И. Рождественского составляет характерную особенность идиостилей изучаемых авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бердникова Т. В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: на материале лирики А. А. Ахматовой и И. Ф. Анненского: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 222 с.
- ² Рождественский Р. И. Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе. М.: Изд-во «Э», 2018. С. 82–327. Далее цитируется по этому изданию.
- ³ В понимании данного типа фигур мы следуем за А. А. Волковым; см. Волков А. А. Фигуры диалогизма // Основы риторики: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003. С. 299–302.
- ⁴ Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2015. Далее цитируется по этому изданию.
- ⁵ Здесь и далее стилистическая квалификация слов проверена по Словарю русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.
- ⁶ Евтушенко Е. А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Изд-во «Э», 2016. Далее цитируется по этому изданию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 431–445. DOI: 10.21638/spbu22.2022.409
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Болотнова Н. С. Категория диалогичности медиатекста как отражение идиостиля автора // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 16–25. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.2
4. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2012. 384 с.
5. Вирабов И. Н. Андрей Вознесенский. М.: Молодая гвардия, 2015. 703 с.
6. Вотрина Е. Н. К вопросу о средствах создания внешней диалогичности в научных текстах XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 219–222.
7. Дускаева Л. Р. Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория // Очерки научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь, 1998. С. 166–186.
8. Зливко С. Д. К проблеме диалогичности научного текста // В мире научных открытий. 2014. № 1 (49). С. 85–89.
9. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь: ПГУ, 1986. 91 с.
10. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–104.
11. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в лирических произведениях: на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского // Русский язык в школе. 2017. № 11. С. 38–42.
12. Колокольцева Т. Н. Textoобразующий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А. А. Вознесенского и Р. И. Рождественского // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 70–82.
13. Платон. Тезет / Пер. с греч. и примеч. В. Серезникова. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. 191 с.
14. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. 528 с.
15. Просяникова О. И., Скорик К. В., Кужугет Ш. Ю. Диалогичность обрядовой поэзии: средства реализации и функционирование в тувинских благопожеланиях и алгышах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 69–89. DOI: 10.25178/nit.2022.1.5
16. Прохвятилова О. А. Внутренняя диалогичность современной медиаречи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 2. С. 150–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.13
17. Фотина Н. Э. Средства внешней диалогичности авторского повествования в ранней прозе А. П. Чехова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 71–78. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.9
18. Чубай С. А. Диалогичность как сущностное свойство современной политической рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 1 (7). С. 40–43.
19. Чубай С. А. Чужая речь как средство диалогичности в современной политической рекламе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 165–167.

Поступила в редакцию 27.11.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Ekaterina O. Aleksentseva, Postgraduate Student, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation)
 ORCID 0009-0008-4974-8681, e.aleksentseva@mail.ru

MEANS OF CREATING DIALOGICITY IN RUSSIAN POETRY
(a study of poems by Andrey Voznesensky, Yevgeny Yevtushenko, and Robert Rozhdestvensky)

Abstract. The aim of this article is to conduct a linguo-stylistic analysis of how dialogicity is created in the poetry of Andrey Voznesensky, Yevgeny Yevtushenko, and Robert Rozhdestvensky. The significance of this study lies in the fact that the unique ways in which poets used dialogic markers in Russian poetry during the second half of the XX century have not been thoroughly explored. The methods employed to achieve this goal included linguo-stylistic and contextual analysis. The study analyzes various techniques used to convey dialogicity in the poems of the aforementioned poets, such as direct speech, rhetorical appeals, rhetorical exclamations, rhetorical questions, question-answer constructions, first- and second-person personal and possessive pronouns, first- and second-person verbs. Additionally, the article examines colloquial expressions, vernacular language, and phraseological units accompanying the grammatical indicators of dialogicity within poetic texts. The analysis revealed that syntactic indicators of dialogicity in poetry shape

the syntactic structure of the text (text-forming function) and form speech portraits of the addresser and the addressee depicting the relationships between them (characterological function). These findings enhance existing knowledge on means of creating dialogicity in monological speech and can be applied in philological text analysis.

Key words: dialogicity, addressee, addresser, communication, idiostyle

For citation: Aleksentseva, E. O. Means of creating dialogicity in Russian poetry (a study of poems by Andrey Voznesensky, Yevgeny Yevtushenko, and Robert Rozhdestvensky). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):100–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1048

REFERENCES

1. Basovskaya, E. N., Vorontsova, T. A. Modern popular science radio discourse: the principle of dialogicity. *Media Linguistics*. 2022;9(4):431–445. DOI: 10.21638/spbu22.2022.409 (In Russ.)
2. Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1979. 423 p. (In Russ.)
3. Bolotnova, N. S. The category of media text converse as a reflection of the author's idiostyle. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2021;20(2):16–25. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.2 (In Russ.)
4. Bolotnova, N. S. Communicative stylistics of text: Thesaurus dictionary. Moscow, 2012. 384 p. (In Russ.)
5. Virabov, I. N. Andrey Voznesensky. Moscow, 2015. 703 p. (In Russ.)
6. Votrina, E. N. A study of the means of creating external dialogicity in scientific texts of the XX century. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2011;1(13):219–222. (In Russ.)
7. Duskaeva, L. R. Dialogicity as a functional semantic and stylistic category. *Essays on the scientific style of the Russian literary language between the XVIII and the XX centuries. Vol. 2. Stylistics of scientific text (general parameters). Part 2. Categories of scientific text: functional and stylistic aspect*. Perm, 1998. P. 166–186. (In Russ.)
8. Zlivko, S. D. On the problem of dialogue character of scientific text. *In the World of Scientific Discoveries*. 2014;1(49):85–89. (In Russ.)
9. Kozhina, M. N. The dialogicity of written scientific language. Perm, 1986. 91 p. (In Russ.)
10. Kolokoltseva, T. N. Dialogism in the genres of Internet communication (chat, forum, blog). *Speech Genres*. 2016;2:96–104. (In Russ.)
11. Kolokoltseva, T. N. Dialogicity in lyric poetry: a study of poems by A. Voznesensky, E. Yevtushenko, B. Okudzhava, R. Rozhdestvensky. *Russian Language at School*. 2017;11:38–42. (In Russ.)
12. Kolokoltseva, T. N. The text-forming potential of dialogue and dialogism figures in lyrical works A. A. Voznesensky and R. I. Rozhdestvensky. *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2019;4(1):70–82. (In Russ.)
13. Plato. *Theaetetus*. Moscow; Leningrad, 1936. 191 p. (In Russ.)
14. Plato. *Collected works: In 4 vols. Vol. 2*. (A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi, Eds.). Moscow, 1993. 528 p. (In Russ.)
15. Prosyannikova, O. I., Skorik, K. V., Kuzhuget, Sh. Yu. The dialogism of ritual poetry and its expression and function in the Tuvan yoreels and algyshees. *The New Research of Tuva*. 2022;1:69–89. DOI: 10.25178/nit.2022.1.5 (In Russ.)
16. Prokhvatilova, O. A. Internal converse of modern media discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2020;19(2):150–158. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.13 (In Russ.)
17. Fotina, N. E. Means of external dialogueness in the author's narration in early stories of A. Chekhov. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2014;5(24):71–78. DOI: 10.15688/jvolsu2.2014.5.9 (In Russ.)
18. Chubai, S. A. Dialogicity as an essential characteristic of modern political advertising. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2008;1(7):40–43. (In Russ.)
19. Chubai, S. A. Alien speech as a means of dialogicity in modern political advertising. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2007;6:165–167. (In Russ.)

Received: 27 November 2023; accepted: 25 March 2024

ВИТАЛИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СЛОБОДЯНЮК

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков имени Мориса Тореза
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
slobodyanyukvitaly@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АННОТАЦИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

А н н о т а ц и я . Цель исследования – провести аналитический обзор существующей практики перевода аннотаций научных статей в турецко-английской паре языков и внести вклад в частную теорию перевода и сопоставительную лингвистику применительно к турецкому языку. Гипотеза работы состоит в предположении, что дословный перевод с турецкого на английский приводит к синтаксическим нарушениям нормы английской научной речи и этим негативно влияет на авторитет автора научной статьи. Лингвокультурные различия турецкого и английского научного стиля и особенности в синтаксисе двух языков показали, что для английской научной речи характерны короткие, точные структуры и отказ от усложненных синтаксических конструкций. Научному стилю турецкого языка свойственны ограничения в порядке слов, развернутые конструкции и широкое использование отглагольных существительных. Анализ аннотаций научных статей по психологии, праву, социологии, медицине и точным наукам, написанных на турецком языке, с параллельными переводами на английский язык позволил выявить, что почти в половине проанализированных аннотаций встречаются синтаксические нарушения, большую часть которых составляет неправильное расположение обстоятельства. На примерах показаны недостатки пословного перевода аннотаций с турецкого языка на английский. Делается вывод о невозможности дословного перевода из-за системных расхождений обоих языков и необходимости комплексных трансформаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : перевод аннотаций, переводческая ошибка, синтаксические нарушения, научный стиль, турецкий язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Слободянюк В. В. Синтаксические нарушения как проблема перевода аннотаций научных статей с турецкого языка на английский // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 107–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1049

ВВЕДЕНИЕ

Аннотация научной статьи играет важную роль не только для исследователей, желающих познакомиться с научным сообществом с результатами своего труда, но и для начинающих переводчиков. В этом случае аннотации могут служить ориентиром в построении структуры аналогичного по жанру переводного текста и источником узуальных клише. Однако иногда такие тексты могут быть и примером того, что следует избегать переводчику и какие ошибки нельзя допускать. Сравнительный анализ турецких научных аннотаций с их переводами на английский язык может внести вклад в частную и специальную теории перевода, показав, какие различия в грамматическом строе обоих языков следует учитывать, чтобы создать адекватный перевод без узуальных нарушений

или ошибок. Для этого прежде всего необходимо определить понятие «переводческая ошибка».

В. Н. Комиссаров выделяет четыре основные группы ошибок по степени искажения оригинала. В первую группу входят ошибки, грубо искажающие оригинальный текст и указывающие на другую ситуацию. Такие ошибки появляются чаще всего из-за того, что переводчик неправильно понял оригинал. Вторая группа – ошибки, из-за которых оригинал понимается не точно, однако полностью не искажается. Перевод указывает на ту же ситуацию, но детали описаны недостаточно точно. Такого рода ошибки возникают из-за того, что переводчик не понял значения отдельных слов или выражений. К третьей группе относятся ошибки, которые не нарушают смысла оригинала, но затрудняют его понимание из-за нарушений стилистических

норм языка перевода или злоупотребления заимствованиями. «Они связаны с установлением эквивалентности на более высоких уровнях, чем уровень ситуации» [3: 244]. Во многих случаях подобные ошибки не влияют на оценку качества перевода. Четвертая группа состоит из нарушений норм языка перевода. Они не влияют на эквивалентность перевода, но говорят о том, что переводчик недостаточно владеет языком перевода или не способен преодолеть влияние языка оригинала.

В концепции В. Н. Комиссарова ошибки делятся на группы в зависимости от степени искажения смысла оригинала, допущенного переводчиком. Нарушения, которые не приводят к такому искажению, по мнению исследователя, не оказывают существенного влияния на качество перевода.

Р. К. Миньяр-Белоручев считает, что

«все ошибки связаны с несоответствиями, появляющимися в виде квантов переданной или прибавочной информации и являющимися продуктом деятельности переводчика» [6: 130].

Он выделяет четыре степени ошибок. Первая – грубые ошибки, при которых появляется прибавочная информация. Вторая – ошибки, связанные с потерей ключевой информации. В третью входят ошибки, при которых теряется или прибавляется дополнительная информация. В четвертую – стилистические ошибки, которые являются «результатом появления несоответствий в виде квантов переданной или прибавочной повторной или нулевой информации» [6: 131]. Таким образом, Р. К. Миньяр-Белоручев считает, что ошибка – это наличие в переводе не содержащейся в оригинале информации или отсутствие в тексте перевода информации, которая есть в оригинале. Наиболее грубые ошибки связаны с прибавлением или опущением ключевой информации.

Л. К. Латышев объясняет все ошибки «недостатками в трансляции исходного содержания и в адаптации содержания и формы текста на языке перевода к коммуникативной компетенции адресатов» [5: 134]. Недостатки трансляции исходного содержания делятся на искажения, неточности и неясности. При искажениях текст перевода отклоняется от содержания оригинала, тем самым вводя в заблуждение читателя и вызывая неадекватные представления. Неточности в меньшей степени дезинформируют читателя и вызывают неадекватные представления. При неясностях из текста перевода непонятно, что хотел сказать автор.

По мнению Л. К. Латышева, нарушением является искажение содержания оригинала и несоблюдение норм языка перевода. Ошибки делятся на три категории по характеру этого искажения. В первой – те, которые вводят читателя в заблуждение. Во второй – искажающие представление читателя о ситуации. В третьей – нарушения, затрудняющие понимание.

Согласно «Новому взгляду на классификацию переводческих ошибок» Д. М. Бузаджи, В. В. Гусева, В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева, под переводческой ошибкой понимаются все недостатки перевода. Однако при этом различаются виды, группы и категории ошибок. По видам выделяются логические, синтаксические, лексические и стилистические ошибки. Группы ошибок связаны с эквивалентностью и адекватностью. Группы также делятся на категории и подкатегории.

Первая группа ошибок представляет из себя «нарушения при передаче смысла, связанные с денотативным содержанием текста» [1: 117]. Она делится на две категории. В первую входят опущение, добавление и замена информации. Во вторую – неточная передача фактической и релятивной информации. Вторая группа ошибок состоит из стилистических нарушений. Это нарушения в передаче стилевых или жанровых особенностей оригинала, калькирование и нарушения узуса языка перевода. К третьей группе относятся ошибки, связанные с нарушениями при передаче авторской оценки, среди которых неточная передача экспрессии оригинала и неточная передача оценки автора. Четвертая группа – очевидные нарушения нормы и узуса языка перевода. Например, орфографические и пунктуационные ошибки, неверная передача имен собственных, а также нарушения стиля и требований к оформлению перевода.

Сравнивая понятие переводческой ошибки и группы нарушений, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей под переводческой ошибкой понимают более серьезные недостатки перевода, состоящие в неоправданном вмешательстве переводчика в содержание и замысел исходного текста. Если речь идет об отклонениях от принятых норм стиля или от узуса языка перевода, понятия ошибки и нарушения являются синонимичными. Здесь следует отметить дискуссионный характер проблемы, что является переводческой ошибкой, и продолжающуюся полемику исследователей о пересечении понятий «недочет», «отклонение», «ошибка» [2: 174–176]. Говоря о синтаксических нарушениях, многие авторы считают, что часто они не искажают содержание оригинала, однако затрудняют понимание текста.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Рассмотрим подробнее, что из себя представляют синтаксические нарушения в переводе, можно ли их считать ошибками. Р. К. Миньяр-Белоручев под синтаксическими ошибками понимает буквализм, который является ошибкой, заключающейся в передаче формальных или семантических компонентов фразы в ущерб смыслу или информации о структуре.

Л. К. Латышев относит буквализм к синтаксическим нарушениям, который является результатом недостаточности «компенсирующих» расхождений оригинала и перевода. Он также считает, что из-за громоздкости, «неудобоваримости» синтаксических конструкций в переводе часто возникают неясности.

В «Новом взгляде на классификацию переводческих ошибок» под синтаксическими ошибками понимается калькирование, то есть копирование синтаксических элементов оригинала. По мнению авторов, в качественном переводе допустимо минимальное количество подобных ошибок. Такие нарушения приводят к буквализму или калькам, которые не искажают смысл высказывания, однако нарушают нормы или узус языка перевода. Даже при значительном количестве подобных нарушений перевод указывает на ту же ситуацию, что и оригинал. Однако в таком случае прагматическая эквивалентность перевода начинает страдать, как и адекватность перевода в целом. Калькирование также затрудняет восприятие перевода или приводит к не предусмотренным оригиналом двусмысленностям, что недопустимо для любого стиля текста. Таким образом, по мнению исследователей, синтаксические нарушения в переводе происходят по большей части из-за буквализма переводчика, выражаются в необоснованном копировании синтаксиса оригинала и приводят к затруднению в восприятии переводного текста.

Однако в научном стиле подобные ошибки могут особенно негативно повлиять на восприятие научной работы, поскольку они будут выступать характеристикой авторской манеры изложения, искажать логику рассуждения и тем самым подрывать авторитет исследователя в глазах иноязычной аудитории. Для научного стиля любого языка характерны целостность, связность, логичность высказывания и информативность.

Исследователи научной речи на английском языке подчеркивают, что ему свойственны короткие, точные и простые слова и структуры, выразительность, отказ от абстрактной лексики, усложненных синтаксических конструкций и др. [8: 35].

Синтаксис турецкого языка отличается от английского. В литературном турецком языке наблюдается относительно свободный порядок слов, который тем не менее ограничивается несколькими вещами. Так, в предложении сказуемое всегда стоит на последнем месте, а определение – перед определяемым. Для научного стиля турецкого языка также характерно использование отглагольных существительных.

Расположение определения и обстоятельства подчиняется следующему правилу:

«...определения и обстоятельства стоят непосредственно перед тем членом, от которого они зависят. Морфологически оформленные определения (с родительным падежом) и обстоятельства свободно размещаются в составе предложения; их местоположение определяется рядом обстоятельств: стилистическими соображениями и логическим ударением. Однако если обстоятельства места и времени характеризуют всю обстановку речи, то они выдвигаются на первое место» [4: 434].

Привычным порядком слов для английского языка является тот, при котором подлежащее предшествует сказуемому. Дополнение следует за глаголом, а обстоятельство, являясь самым подвижным членом предложения, все же чаще всего следует после подлежащего и сказуемого. «Происхождение такого положения обстоятельства в предложении объясняется тем, что обстоятельство обычно выражает лексическое сказуемое» [10: 228].

Таким образом, научный стиль турецкого языка имеет серьезные отличия по сравнению с научным стилем английского языка. Соответственно, калькирование структуры и синтаксиса аннотаций научных статей при переводе на английский язык может привести к сложностям восприятия, нарушению адекватности, а в некоторых случаях и к двусмысленностям. Для того чтобы не допустить этого, необходимо, согласно положениям сопоставительной стилистики, «обратиться к более сложным приемам косвенного перевода, а именно: транспозиции, модуляции, соответствия и адаптации» [7: 45]. Иными словами, чем больше проявляются стилистические расхождения между двумя языками в переводе, тем к более комплексным трансформациям следует прибегать переводчику.

АНАЛИЗ СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ В ТУРЕЦКО-АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ АННОТАЦИЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

В качестве материала исследования мы проанализировали 200 аннотаций из научных журналов, основную часть которых составляют издания турецких университетов. Среди них такие

ведущие университеты, как Стамбульский университет, Университет Докуз Эйлюль, Университет Гази, Университет Коджаэли и др.

Мы выбрали статьи по медицине, праву, социологии, психологии и точным наукам из журналов указанных университетов:

Ege Tıp Bilimleri Dergisi, Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi Tıp Fakültesi Dergisi, Kocatepe Tıp Dergisi, Ankara Sosyal Bilimler Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, Erzincan Binali Yıldırım Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, İstanbul Medipol Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi, Ayna Dergi, Klinik Psikoloji Dergisi, Psikoloji Araştırmaları, Psikoloji Çalışmaları, Sosyal Sağlık Dergisi, İstanbul Üniversitesi Sosyoloji Dergisi, Sosyoloji Araştırmaları Dergisi, Bayburt Üniversitesi Fen Bilimleri Dergisi, Dokuz Eylül Üniversitesi Mühendislik Fakültesi Fen ve Mühendislik Dergisi, Gazi Üniversitesi Fen Fakültesi Dergisi.

Это научные статьи на турецком языке, опубликованные в 2020–2023 годах, при этом только те, авторы которых являлись носителями турецкого языка.

Среднее количество слов в турецких аннотациях составляет 231. Наибольшие по объему аннотации встретились в статьях по медицинским наукам. Самые краткие аннотации пишут исследователи из области точных наук. Общее количество авторов проанализированных статей составляет 460 (табл. 1). Таким образом, можно сделать вывод о том, что результаты анализа не зависят от прагматического фактора личности, то есть от индивидуального уровня владения английским языком, навыками перевода и т. д., но отражают общую закономерность, сложившуюся в переводческой практике турецких ученых.

Таблица 1. Общие показатели проанализированных аннотаций

Table 1. Overview of analyzed abstracts

Науки	Кол-во аннотаций	Кол-во авторов	Среднее кол-во слов
Психология	40	92	247,85
Точные науки	40	40	202,05
Медицина	40	153	275,55
Право	40	43	206,375
Социология	40	67	223,75
Всего	200	460	231,115

Аннотации были проанализированы сопоставительным методом, а именно посредством сравнения текста оригинала с переводом. Под синтаксическим нарушением мы понимаем такое расположение членов предложения, которое противоречит норме языка перевода.

Общее количество синтаксических ошибок составило 85. Доля аннотаций, в которых содержатся неточности, от общего количества про-

анализированных аннотаций составила 42,5 %. Из чего можно сделать вывод, что подобные нарушения, встречаясь почти в половине переводов, являются довольно распространенной проблемой.

Наибольшее количество синтаксических ошибок содержится в аннотациях к статьям по психологии и праву (табл. 2). В 50 % статей по этим направлениям исследователи допустили синтаксические ошибки. Далее идут точные науки (45 %) и социология (37,5 %). Несмотря на то что средний объем аннотаций по медицине превышает объем работ по другим наукам, в них встретилось наименьшее количество переводческих ошибок.

Таблица 2. Количество и доля синтаксических нарушений по научным областям

Table 2. Number and percentage of syntactic mistakes across academic disciplines

Науки	Синтаксические ошибки	Доля аннотаций с ошибками от общего количества по направлению в %
Психология	20	50
Точные науки	18	45
Медицина	12	30
Право	20	50
Социология	15	37,5

В проанализированных аннотациях содержатся две группы нарушений. Первый тип нарушений состоит из предложений, в которых сказуемое в переводе располагается в самом конце предложения. Второй тип нарушений – те случаи, когда обстоятельство стоит в начале предложения.

Большая часть ошибок связана с неправильным расположением обстоятельства (табл. 3).

Таблица 3. Виды синтаксических нарушений

Table 3. Types of syntactic mistakes

Вид ошибки	Кол-во	%
Сказуемое в конце	22	25,88
Обстоятельство в начале	63	74,12

В аннотациях, переведенных на английский язык, встречаются обстоятельства, которые расположены в начале предложения, например, *in this study, in this article, in our study* и т. д. Однако в английском языке обстоятельство чаще всего стоит в конце предложения. К тому же в научном стиле английского языка слова, обозначающие работу или вид исследования, в большинстве случаев выступают в качестве подлежащего [9: 35].

Рассмотрим синтаксические нарушения на примерах.

Оригинал	Перевод
1) <i>Bu çalışmada 1921 Anayasası'nın anayasacılık tarihimizdeki özgünlüğü ve yeri ile hükümet sistemiyle ilgili düzenlemelerinin uygulamada parlamenter sistem dairesinde yorumlanması değerlendirilmiştir¹.</i>	1) <i>In this study, the originality, place of the 1921 Constitution in our history of constitutionalism and the interpretation of the regulations related to the government system in practice within the framework of the parliamentary system were evaluated.</i>
2) <i>Bu çalışmada, paralel hibrit taşıtlarda kullanılan vites kutusunun konumunun taşıt performansının ve elektrik motoru, batarya ve içten yanmalı motor gibi tahrik sistemi bileşenlerinin verimleri üzerine etkileri incelenmiştir².</i>	2) <i>In this study, the effects of gearbox layout in parallel hybrid vehicles on vehicle performance and the efficiency of powertrain system components such as electric motor, battery and internal combustion engine were investigated.</i>

Так, в обоих примерах текст перевода повторяет синтаксическую структуру оригинала, что приводит к нарушению нормы научного стиля английского языка.

Оригинал	Перевод
3) <i>Bu çalışmada yoğun bakımda yatan COVID-19 tanılı gebe ve lohusalarda mortalite prediksyon modeli oluşturarak APACHE II, SAPS II ve SOFA skorları ile karşılaştırılması amaçlanmıştır³.</i>	3) <i>In this study, it was aimed to compare with APACHE II, SAPS II and SOFA scores by creating a mortality prediction model in pregnant and postpartum women with a diagnosis of COVID-19 in intensive care (ICU).</i>
4) <i>Bu çalışmada havalimanlarının hizmet sektöründeki önemi dikkate alınarak, 2002–2022 yılları arasında taşımacılık verileri üzerinden bir değerlendirme yapılmaktadır⁴.</i>	4) <i>In this study, by considering the importance of airports in the service sector, an evaluation is investigated in the transportation data between 2002–2022.</i>

Пословный перевод турецких предложений, в которых обстоятельство расположено в начале предложения, привел к нарушению нормы языка перевода, из-за чего английское предложение выглядит неестественно.

Приведем возможные варианты перевода, которые не противоречат норме и узусу английского языка.

1) *The study deals with the originality, role of the 1921 Constitution in our history of constitutionalism and the interpretation of the government system regulations using the current parliamentary system.*

2) *The study examines the effects of gearbox layout in parallel hybrid vehicles on vehicle performance and the efficiency of powertrain system components such as electric motor, battery and internal combustion engine.*

3) *The study aims to compare APACHE II, SAPS II and SOFA scores by creating a mortality prediction model in pregnant and postpartum women with a diagnosis of COVID-19 in intensive care (ICU).*

4) *The study focuses on the transportation data between 2002 and 2022 and the importance of airports in the service sector.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие исследователи считают, что синтаксические нарушения чаще всего не приводят к смысловым искажениям, и по этой причине не придают им большого значения. Однако данные нарушения затрудняют понимание текста, а в некоторых случаях могут привести к неясностям или двусмысленностям. Согласно проведенному исследованию, подобные ошибки содержатся почти в половине проанализированных аннотаций. Причиной этому может быть пословный перевод оригинального текста, выполненный автором статьи самостоятельно или с помощью машинного перевода. Следовательно, для того, чтобы турецкие аннотации отвечали всем нормам научного стиля английского языка, необходимы комплексные трансформации как результат осознанного подхода к переводу с учетом системных расхождений обоих языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Fatih Özkul. 1921 Anayasası'nın Türk Anayasacılığındaki Yeri ve Uygulandığı Dönemdeki Hükümet Sistemine İlişkin Bazı Tespitler // Erzincan. 2023. S. 27–74.
- ² Karaoğlan M. U. Paralel Hibrit Araçlarda Vites Kutusu Konumunun Taşıt Performansı ve Komponent Verimine Etkisinin Sürüş Çevrimi Simulasyonu ile İncelenmesi // İzmir. 2023. S. 381–393.
- ³ İsa Kılıç, Gültekin Adanaş Aydın, Hilal Gülsüm Turan Özsoy, Serhat Ünal. Yoğun Bakım Ünitesinde yatan Covid-19'lu Gebe ve Lohusaların Mortalite Risk Faktörleri. Uşak, 2023. S. 1–6.
- ⁴ M. Taha Yıldırım, Gökrem Toprak, Mehmet Güray Ünsal, 2002–2022 Dönemi Türk Uçuş Verilerinin Yıllar ve Havalimanları Bakımından Değerlendirilmesi. Ankara, 2023. S. 51–62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузаджи Д. М., Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М., 2009. 118 с.
2. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика. М.: ФЛИНТА, 2018. 248 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистический аспект). М.: Альянс, 2013. 250 с.
4. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Академия, 2005. 320 с.

6. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
7. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической: Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
8. Рябцева Н. К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 2. С. 33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4
9. Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018. № 6. С. 32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42
10. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 288 с.

Поступила в редакцию 07.11.2023; принята к публикации 25.03.2024

Original article

Vitaly V. Slobodyanyuk, Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
slobodyanyukvitaly@mail.ru

TRANSLATING TURKISH ACADEMIC PAPER ABSTRACTS INTO ENGLISH: SYNTACTIC MISTAKES

Abstract. The study aims to analyze the modern translations of Turkish academic paper abstracts into English and to contribute to the special translation theory and Turkish comparative linguistics. The study suggests that literal translation from Turkish into English causes English scientific speech syntactic mistakes that negatively affect the academic paper's author's credibility. Syntactic differences and the academic style linguacultural differences between Turkish and English show that English academic style prefers short, precise, and simple structures and sentences, while Turkish academic style has strict word order and complex sentences and often uses verbal nouns. We analyzed Turkish scientific papers on psychology, law, sociology, medicine, and exact sciences with parallel translations into English. Almost half of the papers contain syntactic mistakes, with most of them relating to the wrong adverbial modifier position. The findings show that literal translation is not effective because of the significant differences in both languages. Thus, complex translation transformations are required.

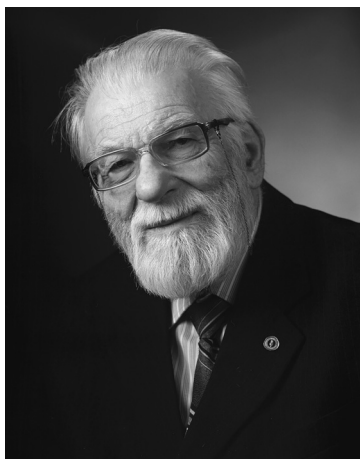
Key words: translation of abstracts, translation mistake, syntactic mistakes, academic style, Turkish language

For citation: Slobodyanyuk, V. V. Translating Turkish academic paper abstracts into English: syntactic mistakes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(4):107–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1049

REFERENCES

1. Buzadzhi, D. M., Gusev, V. V., Lanchikov, V. K., Psurtsev, D. V. New perspective on the translation errors classification. Moscow, 2009. 118 p. (In Russ.)
2. Knyazheva, E. A. Assessing the quality of translation: history, theory, practice. Moscow, 2018. 248 p. (In Russ.)
3. Komissarov, V. N. Translation theory (linguistic aspect). Moscow, 2013. 250 p. (In Russ.)
4. Kononov, A. N. Modern standard Turkish grammar. Moscow; Leningrad, 1956. 570 p. (In Russ.)
5. Latyshev, L. K. Technology of translation. Moscow, 2005. 320 p. (In Russ.)
6. Minyar-Beloruchev, R. K. Translation theory and methods. Moscow, 1996. 208 p. (In Russ.)
7. Prunč, E. Ways of development of western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow, 2015. 512 p. (In Russ.)
8. Ryabtseva, N. K. Academic paper titles and their dominating patterns: a Russian-English perspective. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018;17(2):33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4 (In Russ.)
9. Riabtseva, N. K. Academic papers titles: a Russian-English perspective. *Nauchnyi dialog*. 2018;6:32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42 (In Russ.)
10. Smirnitsky, A. I. English syntax. Moscow, 1957. 288 p. (In Russ.)

Received: 7 November 2023; accepted: 25 March 2024

29 апреля 2024 года исполнилось 95 лет выдающемуся знатоку и исследователю деревянного зодчества Русского Севера, доктору архитектуры, действительному члену Российской академии архитектуры и строительных наук, почетному гражданину Петрозаводска и Республики Карелия *Вячеславу Петровичу Орфинскому*.

Фото М. Никитина

Celebrating the 95th birthday anniversary of *Vyacheslav P. Orfinsky*.

Photo by M. Nikitin

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ ОРФИНСКИЙ

К 95-летию со дня рождения

В. П. Орфинский – архитектор, ученый, педагог, публицист – более 50 лет отдал работе в Петрозаводском государственном университете, где в 1972 году организовал кафедру архитектуры, в 1978 году начал подготовку аспирантов по специальности «История и теория архитектуры, реставрация и реконструкция архитектурного наследия», в 1996 году возглавил лабораторию по изучению деревянного зодчества, реорганизованную в НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества (НИИНаЗ).

Профессиональная и общественная деятельность В. П. Орфинского неразрывно связана с изучением и защитой ценностей культурного наследия. Результатом его многолетних исследований стало создание нового научного направления – этноархитектуроведения, занимающегося выявлением и изучением региональных, этнических и локальных особенностей народного деревянного зодчества. Исходной предпосылкой для предпринятого В. П. Орфинским новаторского труда послужило его вызревшее в течение более чем двадцати экспедиционных сезонов убеждение, что архитектура карел имеет ярко выраженный этнический характер. Новизна реализованного ученым подхода к осмыслению народной архитектуры проявилась в первую очередь в формулировке цели исследования, в котором предполагалось не просто указать на отличия карельских и русских построек: такие отличия справедливо могут быть причислены к локальным признакам. Была поставлена задача доказать, что частные особенности, проявляющиеся в разных типах сооружений, обусловлены закономерностями исторического развития народа и его национального характера. Наметился и новый путь решения задачи – отказ от «художнических» описаний архитектурного наследия и переход к детальному анализу не столько отдельных памятников, сколько самого процесса их формирования и развития характеризующих этот процесс тенденций, поскольку, как было подтверждено по завершении исследования, в условиях региональной общности именно при сопоставлении таких тенденций

определяются отличия соседствующих разноэтничных архитектур. Базой исследований стали материалы экспедиций по Карелии и Русскому Северу, ежегодно проводившихся ученым с 1950 до начала 2000-х годов. Систематизация и осмысление полученных натуральных материалов отражены более чем в 300 научных и научно-популярных работах в отечественных и зарубежных изданиях, в том числе в 13 индивидуальных и коллективных монографиях.

В течение почти десяти лет В. П. Орфинский возглавлял междисциплинарные исследования традиционной культуры народов Карелии и сопредельных территорий. Совместная работа историков архитектуры, этномузыковедов, топонимистов, этнографов, искусствоведов способствовала более глубокому и объективному пониманию природы архитектуры как неотъемлемой части традиционной культуры. Плодотворность такой работы подтверждена написанием коллективных монографий об истории и культуре старинных карельских деревень и местностей – Суйсары, Юккогубы, Панозера, Сямозерья.

Важной акцией по представлению широкому кругу читателей результатов исследований деревянного зодчества нашего края стало участие В. П. Орфинского в работе общественной редакции и подготовке материалов для энциклопедии «Карелия», в которой ученому принадлежит около 90 статей о памятниках деревянного зодчества и исторических деревнях.

Потомственный педагог, В. П. Орфинский стал проводником в мир сказочной реальности деревянного зодчества для многих ныне успешно работающих специалистов, реставраторов и исследователей архитектурного наследия Русского Севера. Непреходящая актуальность педагогических инициатив ученого подтверждается временем. Сегодня как никогда востребованы квалифицированные кадры в области реставрации памятников деревянного зодчества, которых в 1987–1996 годах выпускал строительный факультет Петрозаводского государственного университета по уни-

кальной программе специализации «Реставрация народного деревянного зодчества», разработанной ученым.

В 2010-е годы В. П. Орфинский стал неформальным лидером общественного градозащитного движения в Петрозаводске. Этноархитектуроведение, появившееся в Карелии, с первых дней своего становления заявило о нерасторжимости задач исследования и сохранения наследия деревянного зодчества. И, пожалуй, это его самый важный принцип – сделать все возможное, чтобы, говоря словами В. П. Орфинского, не прервалась нить архитектурной преемственности «на перекрестке между прошлым и будущим». Он инициировал включение в государственный реестр памятников истории и культуры, выступал против чужеродной застройки в исторической части города, разрушения и искажения объектов культурного наследия.

Многогранная деятельность В. П. Орфинского получила общественное признание и высокую профессиональную оценку. Он заслуженный деятель науки КАССР, трижды лауреат Государственных премий РК, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный член ВООПИК. Отмечен творческими наградами Союза архитекторов России, медалью Российского союза исторических городов и регионов «За вклад в наследие народов России» (2002), медалью РААСН за монографию «Типология деревянного культового зодчества Русского Севера» (2005), премией им. акад. Д. С. Лихачева за выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России в номинации «Сохранение памятников истории и культуры» (2007), медалью РААСН за монографию «Традиционный карельский дом» (2011), премией имени Алексея Комеча «За общественно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России» (2014). В разные годы В. П. Орфинский был удостоен пяти правительственных наград, последней – ордена Дружбы – в 2010 году. В 2019 году награжден Почетной грамотой Президента Российской Федерации.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ В. П. ОРФИНСКОГО

1. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности: Дис. ... д-ра архитектуры. М.: ЦНИИТИА, 1975. Т. 1. 353 с.; Т. 2. 124 с.
2. Классификация архитектурно-конструктивных и декоративных деталей деревянного зодчества Русского Севера // Архитектурное наследие и реставрация (Реставрация памятников истории и культуры России): Сб. науч. трудов. М.: Росреставрация, 1986. С. 147–151.

3. Закономерности развития архитектуры. Л.: Стройиздат, 1987. 208 с.
4. Вековой спор. Типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // Советская этнография. 1989. № 2. С. 55–70.
5. Загадки храмов Софии – Премудрости Божией // Архитектура в истории русской культуры. М., 1996.
6. Село Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. 296 с.
7. Некрокультовые сооружения Российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 49–83.
8. К вопросу о типологии этнокультурных контактов в сфере архитектуры (на примере Российского Севера) // Проблемы российской архитектурной науки: Сб. науч. трудов членов отделения архитектуры РААСН. М.: РААСН, 1999. С. 78–94.
9. Традиционные системы сельского расселения в Карелии // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 16–33. (В соавторстве с И. Е. Гришиной.)
10. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 23–37. (В соавторстве с И. Е. Гришиной.)
11. Хронологическая атрибуция сооружений деревянного культового зодчества Карелии // Народное зодчество: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 147–160. (В соавторстве с А. Т. Яскеляйнен.)
12. Несинхронность эволюционных преобразований как ключ к расшифровке этнической специфики деревянного зодчества Карелии // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 12–14.
13. Генезис дома-двора в крестьянском зодчестве Карелии // Архитектурное наследие. 2001. № 44. С. 63–80. (В соавторстве с И. Е. Гришиной.)
14. Деревня Юккогуба и ее округа / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 432 с.
15. Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. П. Конкка, В. П. Орфинского. Петрозаводск: Juminkeko-säätiö: ПетрГУ, 2003. 448 с.
16. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 280 с. (В соавторстве с И. Е. Гришиной.)
17. Электронный классификатор деревянного культового зодчества Русского Севера // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 1 (38). С. 146–158. (В соавторстве с И. Е. Гришиной, Е. В. Ляля, С. В. Наволоцким.)
18. История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 811 с.
19. Кризис традиционного деревянного зодчества и проблемы постэтничности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2008. № 1. С. 13–22.
20. Традиционный карельский дом. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 480 с. (В соавторстве с И. Е. Гришиной.)
21. Феномен Преображенской церкви Кижского погоста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Естественные и технические науки. 2014. № 8 (145). Т. 1. С. 77–86.

*И. Е. Гришина, специалист кабинета
истории деревянного зодчества
ИЛГиСН ПетрГУ*

АРКТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В МОСКВЕ

Одним из регулярно проводимых научных форумов в конце XX – начале XXI века были международные научные чтения по изучению Скандинавских стран и Финляндии. В частности, Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова (ПГУ) проводил в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН в 2001 и 2008 годах XIV и XVI Международные чтения. В 2010 году начался диалог между ПГУ и ИВИ РАН о трансформации сложившегося и ставшего традиционным формата Скандинавских чтений в Арктические чтения. Однако этому помешала реорганизация вузовского комплекса в г. Архангельске.

Спустя десять с лишним лет эта идея возникла вновь, и инициатива проведения первых Арктических чтений родилась в диалоге между Арктическим университетом Норвегии, ИВИ РАН и Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М. В. Ломоносова (САФУ). Поводом для их проведения стала публикация в конце 2022 года фундаментального научного труда европейского коллектива ученых «From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia» (Nielsen J. P., Okhtuzen E. (Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2022. 499 p.). Международная презентация этого издания состоялась в г. Осло в декабре 2022 года, в которой российские авторы, к сожалению, не смогли принять участия.

Один из редакторов издания, профессор-эмеритус Арктического университета Норвегии в Тромсё Й. П. Нильсен передал его в дар Государственной публичной исторической библиотеке в г. Москве, что и стало поводом для проведения на базе этого учреждения презентации указанного научного труда. Этот форум прошел под названием «Арктические чтения» с подзаголовком: «От Северо-Восточного прохода до Северного морского пути: история кратчайшего маршрута вдоль северного побережья Евразии». Организаторами чтений стали Государственная публичная историческая библиотека и САФУ.

Арктические чтения состоялись 21 февраля 2024 года в Исторической библиотеке в Москве, где собрались специалисты и заинтересованные читатели. Модератором этого научного форума стал кандидат исторических наук, руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН А. А. Комаров.

Научный форум открыл директор Исторической библиотеки М. Д. Афанасьев. Он поблагодарил за полученную в дар книгу и подчеркнул, что история освоения Арктики и Северного морского пути (СМП), их современность и перспективы вызывают большой интерес в российском обществе, и выразил удовлетворение тем, что эта тематика

стала предметом обсуждения в стенах библиотеки. М. Д. Афанасьев высказал убежденность, что эта книга, изданная на английском языке, найдет заинтересованных читателей, и надежду, что она будет опубликована на русском языке.

С приветствием к собравшимся по видеосвязи обратился академик РАН, научный руководитель ИВИ РАН А. О. Чубарьян, который высоко оценил издание, подчеркнув большое значение осмысления исторического опыта освоения Арктики и СМП для современности и будущего. А. О. Чубарьян указал на актуальность евразийского контекста российского исторического прошлого и современности, особо отметил заслуги профессора Арктического университета Норвегии Й. П. Нильсена, являющегося, по его словам, ведущим норвежским специалистом по истории России, многие годы плодотворно работающим в тесном контакте с российскими учеными из вузов и Академии наук.

Председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества», доктор исторических наук Р. Г. Гагкуев в приветственном слове отметил важность успешно завершеного в наше сложное время международного научного проекта и изданного фундаментального англоязычного издания, в котором описана история более чем тысячелетнего освоения мореплавателями Северо-Восточного прохода, как до начала XX века звучало название этой международной арктической морской магистрали, а в дальнейшем и сегодня именуемой Северным морским путем. Р. Г. Гагкуев подчеркнул, что развитие СМП является важнейшим приоритетом российского руководства: действует программа развития Севморпути до 2035 года, утвержденная Правительством России. При этом он указал и на собственный интерес как исследователя к этой теме, что выразилось в издании сборника документов по истории Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1914–1915 годов, где он выступил составителем (Б. А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: Сб. документов. М., 2022. 655 с.). Р. Г. Гагкуев отметил и планируемую им публикацию дневников российских полярников.

Профессор Й. П. Нильсен, выступивший перед собравшимися по видеосвязи, представил научно-издательский проект и его участников: трех ученых из Норвегии, четырех российских коллег, а также представителей Великобритании и Нидерландов. Й. П. Нильсен охарактеризовал структуру монографии, состоящей из семи частей, и указал ее ключевые идеи. Он подчеркнул, что исходной точкой проекта стали 1990-е годы, когда

в рамках международной исследовательской программы развития СМП участниками этого издания были подготовлены четыре рабочих доклада. По итогам международной научной экспедиции по СМП в августе 2013 года в рамках программы «Плавучего университета» САФУ было решено продолжить эту работу, создать научный коллектив и подготовить большое научное издание по истории СМП. Вместе с тем в работе обстоятельно охарактеризовано не только историческое прошлое Северо-Восточного прохода / Северного морского пути, но и его современное состояние, а также перспективы развития. В ходе реализации этого проекта в России и Норвегии состоялось несколько научных встреч его участников с обсуждением проблем и содержания готовящейся коллективной монографии. Профессор Й. П. Нильсен выразил благодарность участникам проекта и высказал надежду, что в дальнейшем это издание будет переведено и опубликовано на русском языке.

Участник проекта, профессор САФУ В. И. Голдин рассказал о развитии Севморпути в постсоветский период, охарактеризовав, таким образом, часть издания, написанную им. К трем периодам, представленным в книге, он добавил и четвертый, современный, наступивший после февраля 2022 года. Была охарактеризована динамика объемов перевозок и транзита по Севморпути, существующие проблемы и вызовы. Главное внимание было уделено проблемам, определяющим будущее СМП: международные отношения и геополитика в Арктике; климат и ледовая обстановка; экономика, инфраструктура и логистика. Было высказано пожелание, чтобы проведение Арктических чтений стало доброй научной традицией.

Участник проекта, кандидат исторических наук, доцент А. Е. Гончаров (Государственный университет науки и технологий имени М. Ф. Решетнёва (Красноярск)) рассказал, как на страницах издания раскрыты проблемы истории СМП в советский период, когда эта магистраль получила ускоренное развитие. Он подчеркнул большой вклад в изучение Севморпути профессора В. Н. Булатова, материалы которого были использованы при подготовке этого научного труда.

Еще один российский участник проекта, автор и редактор иллюстраций О. А. Красникова (Библиотека РАН, Санкт-Петербург) охарактери-

зовала использованные при подготовке издания картографические документы начала XX века. Она рассказала собравшимся об обсуждении книги на заседании Русского географического общества в Санкт-Петербурге, где ей была дана высокая оценка. О. А. Красникова отметила вступительное слово к этому изданию председателя Полярной комиссии Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества, почетного полярника В. И. Боярского.

Доцент Мурманского Арктического университета, кандидат исторических наук М. Б. Ильичёва, высоко оценив представляемое издание, раскрыла его образовательный потенциал и возможности для использования в работе со студентами целого ряда специальностей вузов.

На Арктических чтениях прозвучало выступление сотрудника ИВИ РАН Л. А. Садовой «Фригтоф Хансен и Северный морской путь». Оно было интересно и с той точки зрения, что международная экспедиция по Северному морскому пути, организованная САФУ в 2013 году и прошедшая на научно-исследовательском судне «Профессор Молчанов» от Архангельска до Диксона и Дудинки, которая предшествовала подготовке представляемого научного издания, была посвящена столетию прохода по этому маршруту экспедиции Ф. Хансена.

После ряда выступлений, обмена мнениями и ответов на вопросы модератор Арктических чтений А. А. Комаров подвел итоги состоявшегося обсуждения. Он отметил подчеркнутую всеми собравшимися высокую оценку опубликованного издания по истории Северо-Восточного прохода / Северного морского пути, выразил удовлетворение уровнем прозвучавших выступлений и надежду, что удастся подготовить и опубликовать русскую версию этого фундаментального англоязычного международного научного труда.

Видеоматериалы Арктических чтений размещены на электронном ресурсе Государственной публичной исторической библиотеки – <https://www.youtube.com/@istorichka/videos>.

*В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
v.i.goldin@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.04.2024; принята к публикации 29.04.2024

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>ARCHAEOLOGY</p> <p><i>Zhulnikov A. M.</i> THE PROCESS OF MAKING ARTICLES FROM NATIVE COPPER AT THE OROVNAVOLOK SITE WITH RHOMB-PIT WARE 8</p> <p><i>Danilchenko A. Yu.</i> THE END-FACE METHOD OF SPLITTING CORES FROM THE INDUSTRY OF LAYER 6 OF THE BIRYUCHYA BALKA 2 MIDDLE PALEO- LITHIC SITE 17</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Zavidovskaya E. A., Kharitonova A. M.</i> RELIGIOUS TERRAIN OF YUNNAN PROVINCE (IN THE QING-PERIOD ALBUM FROM THE COLLECTION OF THE SCIENTIFIC LIBRARY OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY) 25</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Antoshchenko A. V.</i> COVERAGE OF THE 175TH ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY IN THE EMIGRANT PRESS 33</p> <p><i>Tikhomirov N. V.</i> THE DAILY LIFE OF THE KARELIANS IN THE NOVGOROD REGION THROUGH THE EYES OF A COMMUNIST STUDENT (A STUDY OF 1928 VILLAGE PRACTICE DIARY) 43</p> <p><i>Borisov M. Yu.</i> “THE STORY OF A MIRACLE OF THE CROSS WITH FIRST THREE FINGERS...” (MOSCOW, 1677) IN THE COLLECTION OF THE RUSSIAN STATE LIBRARY: HISTORY OF ORIGINAL PUBLICATION AND ITS COPIES. 49</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Zelenskaya Yu. N.</i> ONEZHISKY MACHINE-BUILDING AND METAL- LURGICAL PLANT AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 59</p>	<p><i>Nilov V. M.</i> DEVELOPMENT OF VOLUNTARY CITIZEN JOURNALISM IN THE REPUBLIC OF KARE- LIA IN THE SECOND HALF OF THE 1950S AND THE 1960S 67</p> <p><i>Kayumova M. R.</i> MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EXHIBITIONS OF THE KIZHI MUSEUM DURING THE 1960S–1980S. 77</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Levchenko N. N.</i> MONOGRAPHIC HAGIOGRAPHIC COLLEC- TION DEDICATED TO NIL STOLOBENSKII IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XVII AND XVIII CENTURIES 85</p> <p><i>Tubylevich R. E.</i> DREAM OF GOSTOMYSL IN MIKHAIL KARA- TEEV’S NOVEL <i>THE CHARTER OF GREAT KHAN</i> 93</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Aleksentseva E. O.</i> MEANS OF CREATING DIALOGICITY IN RUS- SIAN POETRY (A STUDY OF POEMS BY AN- DREY VOZNESENSKY, YEVGENY YEVTU- SHENKO, AND ROBERT ROZHDESTVENSKY) 100</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Slobodyanyuk V. V.</i> TRANSLATING TURKISH ACADEMIC PAPER AB- STRACTS INTO ENGLISH: SYNTACTIC MISTAKES 107</p> <p>Anniversaries</p> <p><i>Grishina I. E.</i> Celebrating the 95th birthday anniversary of Vy- acheslav P. Orfinsky. 113</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Goldin V. I.</i> Arctic dialogue in Moscow. 116</p>
---	--

ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник подготовлен на основе материалов Международной научной конференции «Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память» (г. Москва, 20 марта 2020 г.), организованной историческим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова и Институтом российской истории РАН. Авторы статей рассматривают широкий круг проблем, связанных с изучением «человека на войне», от эпохи античности до мировых войн XX века. Феномен войны в культуре разных народов, отношение граждан к военной службе, повседневная жизнь фронта и тыла, формирование образов врага и героя – эти и многие другие вопросы показаны с позиций нового междисциплинарного научного направления – военной антропологии. Книга будет интересна как специалистам – историкам, философам, психологам, культурологам, так и самому широкому кругу читателей.

Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. О. В. Белоусова, Е. С. Сенявская. – СПб.: Алетей, 2021. – 512 с.

А. Н. Старицын

СТАРОВЕРЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

На материале северных регионов России прослеживается, как происходило распространение реформированного обряда, каково было сопротивление этому процессу в приходах, ознаменовавшее начало староверческого движения. На основе анализа наиболее распространенных в XVII в. изданий Московского печатного двора определяется, что повлияло на выбор социальной стратегии староверов. В работе выявляются все существовавшие в Поморье староверческие поселения с 1680-х до 1730-х гг., осуществляется привязка к современным картам упомянутых в источниках топонимов и гидронимов, у которых располагались убежища староверов. Выясняются причины их появления, условия, при которых поселения могли существовать на протяжении полувекowego периода. Определяется типология поселений, их внутреннее устройство, происхождение и число насельников.

Старицын А. Н. Староверческое движение в Поморье во второй половине XVII – первой трети XVIII в. (Опыт изучения и локализации поселений староверов). М.; СПб.: Петроглиф, 2023. 500 с.

Алексей Голубев

ВЕЩНАЯ ЖИЗНЬ. Материальность позднего социализма

Какую роль материальные объекты играют в общественной жизни? Насколько окружающие нас предметы влияют на конструирование коллективной и индивидуальной идентичности? В отличие от большинства исследователей, которые фокусируются на роли языка и идеологии в формировании советского «я», автор книги подчеркивает значение материальности для исторического и социального воображения, сложившегося у жителей страны в период позднего социализма. Он демонстрирует, как самые разные объекты в диапазоне от архитектурных памятников до телевизоров структурировали социальную жизнь советских людей, выстраивали их вкусы и предпочтения, определяли отношения внутри коллективов и сообществ. Такой взгляд на позднесоветскую историю не только помогает лучше ее понять, но и позволяет увидеть этот опыт как неотъемлемую часть глобальной модерности.

Голубев, Алексей. Вещная жизнь: Материальность позднего социализма / Перевод с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.

Вольтер

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Это одна из первых и самая известная в XVIII веке биография Петра I. Он представлен в ней как творец новой России, герой века Просвещения. Написанная по заказу русского правительства, «История» Вольтера десятки раз выходила на европейских языках, получила мировую известность, но не издавалась на русском языке без купюр. Настоящая книга является первым научным изданием «Истории» Вольтера на русском языке. Современный перевод снабжен вступительной статьей, учитывающей мировую историографию вопроса, и комментариями, отражающими современный уровень изучения петровской эпохи.

Книга предназначена научным работникам, аспирантам и студентам вузов и всем, кто интересуется Петром Великим, эпохой Просвещения и русско-французскими культурными связями.

Вольтер. История Российской империи при Петре Великом / Пер. с франц. С. А. Мезина и А. Е. Кулакова; вступ. ст. и коммент. С. А. Мезина и М. В. Ковалева. – СПб.: Нестор-История, 2022. – 376 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004